

ISSN 0136—7455

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**УСПЕХИ
СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ
АРХЕОЛОГИИ**

ВЫПУСК 4

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т А Р Х Е О Л О Г И И
Н А У Ч Н Ы Й С О В Е Т П О П Р О Б Л Е М А М А Р Х Е О Л О Г И И
С Р Е Д Н Е Й А З И И И К А З А Х С Т А Н А

У С П Е Х И
С Р Е Д Н Е А З И А Т С К О Й
А Р Х Е О Л О Г И И

В Ы П У С К 4

ЛЕНИНГРАД
«Н А У К А»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1979

Книга представляет собой проблемно-тематический сборник, посвященный вопросам развития культуры раннесредневековой Средней Азии и Казахстана эпохи до арабского завоевания. Освещаются новые открытия в этой области, сделанные в ходе раскопок на Афрасиабе, Пенджикенте и на других памятниках, рассматриваются вопросы интерпретации и датировки памятников искусства, в первую очередь настенной живописи. Особое внимание уделяется типам поселений, характеру взаимоотношений между городом и деревней, а также замком-усадебой, градостроительству, вопросам развития городской культуры и культурной интеграции в согдийском обществе и на соседних с Согдом территориях. В целом книга подводит итоги изучению проблемы раннесредневековой культуры народов Средней Азии и Казахстана, осуществленному советскими исследователями за последние годы.

Книга рассчитана на археологов, историков культуры, широкие круги преподавателей и учащихся, интересующихся проблемами культурного населения среднеазиатских народов.

Редакционная коллегия

А. А. Абетков (отв. секретарь), канд. ист. наук *К. А. Акишев*,
докт. ист. наук *А. А. Аскар*, канд. ист. наук *Е. А. Атагарриев*,
докт. ист. наук *В. М. Массон* (отв. редактор), докт. ист. наук *И. Н. Негматов*,
докт. ист. наук *Г. А. Федоров-Давыдов* (зам. отв. редактора).

Успехи среднеазиатской археологии

Выпуск 4

Утверждено к печати
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор издательства *В. Т. Вочев*. Технический редактор *В. В. Шиханова*
Корректоры *Ж. Д. Андропова* и *Н. П. Кизим*.

ИБ № 8550

Сдано в набор 13.07.79. Подписано к печати 9.10.79. М-41225. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 8=11.20 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 11.75. Тираж 1000. Изд. № 7351. Тип. зак. № 515. Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

И. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ КУЛЬТУРА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

В. М. М а с с о н

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Исследование раннесредневековых памятников Средней Азии и Казахстана в настоящее время отчетливо выделяется в особый раздел археологической науки. Это отражает процесс дифференциации и специализации, наблюдаемый ныне в большинстве отраслей научного знания. Такое обособление определено прежде всего самим предметом исследования, который выделяется хронологически, но как историческое явление представляет собой культурный процесс эпохи становления и ранних форм развития феодальных отношений, переданный археологическими материалами. Раннесредневековая археология в полной мере является созданием советской науки; ее расцвет в два последних десятилетия зримо воплощает заботы партии и правительства по созданию научных центров в союзных республиках, по координации научных усилий в масштабе всей страны.

В своем развитии раннесредневековая археология Средней Азии и Казахстана прошла несколько этапов. Полностью осветить даже основные исследования и публикации возможно только в большой работе с обширной библиографией, и поэтому мы кратко остановимся лишь на некоторых характерных тенденциях и направлениях. В довоенные годы в области открытия и исследования памятников первой ласточкой явились мугские находки, за которыми последовали раскопки раннесредневековых поселений Хорезма, Кафир-Калы под Самаркандом, замка Ак-Тепе под Ташкентом и ряда памятников в Семипалатинье и на юге Казахстана. Были предварительно намечены общие хронологические границы соответствующих археологических комплексов. Для социально-экономической интерпретации определяющее значение имела концепция С. П. Толстова, отразившая то принципиально новое направление в исследовании данных археологии, которое провозгласила молодая советская наука. Основное положение Толстова об эпохе раннего средневековья как о времени развития раннефеодальных отношений, времени большой роли землевладельческой аристократии, проживавшей в замках (Толстов, 1948), при всех модификациях и уточнениях полностью сохраняет свое генеральное значение. Наметились в довоенный период и некоторые решения в трактовке культурного процесса. В основном это было освещение вслед за работами историков, и прежде всего В. В. Бартольда, роли согдийцев в нем, что, в частности, нашло отражение в наиболее четко сформулированной А. Н. Бернштамом концепции о согдийской колонизации в Семипалатинье (Бернштам, 1940).

Качественно новый период начался в послевоенные годы — работы Таджикской археологической экспедиции А. Ю. Якубовского, которой суждено было сыграть в конечном итоге решающую роль в формировании раннесредневековой археологии как особого раздела археологической на-

уки. Большое значение имели масштабы раскопок на городище Пенджикент.

С организацией широкомасштабных раскопок на других объектах начинается второй этап послевоенного периода, когда Пенджикент, сохраняя значение эталонного объекта, теряет свою уникальность, вписывается в систему археологических комплексов и памятников. С 1958 г. проводятся серьезные исследования на Афрасиабе. Систематические работы П. П. Пегматова в Уструшане открыли и в этой области первоклассные памятники раннесредневековой культуры (Пегматов, 1973). Комплексное изучение района Ташкента по-новому освещает роль и значение раннесредневековой культуры Чача. Раскопки на Ак-Бешиме в Семиречье, в районе Чардары на Сырдарье, исследование в бассейне этой реки памятников джеты-асарского типа и грандиозные работы Отрарской экспедиции последних лет дали исключительно важный материал для изучения северного фронта оседлых культур эпохи раннего средневековья. Необходимо также отметить изучение раннесредневековых объектов, проводившееся Южно-Туркменистанской археологической экспедицией в Мерве и его округе, раскопки замка Ак-Депе в Южной Туркмении, замечательные открытия в Куве, продолжение изучения афригидских памятников Хорезма, исследования в бассейне Кашкадарьи и в южных районах Узбекистана и Таджикистана (Балалык-Тепе, Аджина-Тепе, Токкуз-Кала). К сожалению, степень освещенности работ в печати различна и, как правило, недостаточна, что служит одним из обстоятельств, затрудняющих исследование многих вопросов. Однако в целом налицо явный скачок в объеме информации, причем особенно важно наличие массовых материалов, полученных в ходе широких и систематических исследований.

Обработка этого огромного материала, превращение его в полноценный археологический источник, составляет первейшую задачу раннесредневековой археологии. Одними из важнейших здесь безусловно являются вопросы хронологии. Широкие датировки комплексов V—началом VIII в., еще допустимые в довоенный период, не могут удовлетворять в книгах, опубликованных в 70-х гг. Первичным этапом должна быть разработка относительной хронологии и синхронизации опорных стратиграфических колонок из разных районов и областей. Наряду с введенными еще Г. В. Григорьевым комплексами Тали-Барзу V и VI в настоящее время в распоряжении исследователей имеется стратиграфия чардаринских памятников, ряд стратиграфических наблюдений в Ташкентской области, комплексы Ашт III—V из Западной Ферганы и др. Детально разрабатываются вопросы микрохронологии в Пенджикенте, где, например, для истории цитадели с V по начало VIII в. предлагается выделение четырех периодов (Исаков, 1971).

Исключительно важны вопросы типологии массовых археологических находок, в первую очередь керамических. На материалах керамических комплексов Пенджикента Б. И. Маршак был предложен вариант детального анализа этого вида археологического источника, заслуживающий самого внимательного отношения (Маршак, 1965, 1970). Во многом именно анализ керамических материалов может явиться основой корреляционных сопоставлений колонок относительной хронологии и основой для выявлений историко-культурных провинций. Книги о раннесредневековой керамике, железных изделиях, украшениях, предметах труда и вооружения нужны не меньше, чем красочные альбомы и художественные издания памятников искусства.

К сожалению, несколько ослабло внимание к вопросам социологической интерпретации данных раннесредневековой археологии. Иногда делается упор на противопоставление тезиса С. П. Толстова о замковом типе расселения как характерном ландшафте раннесредневековой эпохи данным о развитии городской жизни в это же время. Действительно, теперь мы хорошо знаем раннесредневековые города, имеются и оценки их демографического потенциала. Так, О. Г. Большаков определяет число жителей Пенджикента

в 3000 человек, Мерва — около 60 000, Бухары — около 9000 и Самарканда — 25—30 000 человек (Беленицкий, Бектович, Большаков, 1973, с. 260—264). Однако, с нашей точки зрения, подъем городской жизни к VII в., идущий, кстати, параллельно с развитием денежных отношений, происходит после определенного спада в развитии городов и упадка городских ремесел. С другой стороны, сам факт наличия городов еще не решает всей сложной проблемы соотношения города и деревни, города и замка-усады. Решающее значение для изучения этих вопросов наряду с начавшимися раскопками поселений негородского типа будет иметь типология поселений. Уже предварительная типология памятников в одном из районов самаркандского Согда показывает, что здесь решительно преобладают те, могущие рассматриваться как замки разных вариантов (Ростовцев, 1975, с. 100—101). Замки на стилобатах — характернейший вид раннесредневековых памятников от Ферганы до Тохаристана и Южной Туркмении. В данном факте нельзя видеть только отражение слабости центральных властей. Политическая ситуация в раннефеодальных областях во многом была обусловлена социально-экономическими структурами, образуя целую систему прямых и обратных связей. Рост роли земледельческой знати и определенная слабость центральной власти — это две стороны одного и того же процесса становления феодальных отношений и раннефеодальной раздробленности. Успешно начатый анализ социальной структуры Пенджикента с привлечением данных Мугского архива необходимо продолжить на основе значительно более широкого круга памятников, опираясь именно на типологию поселений и жилищ.

Наряду с социологической интерпретацией раннесредневековых памятников особое внимание необходимо уделять их культурологической интерпретации, использованию в качестве источников для изучения культурного процесса в эпоху раннего средневековья. В этом направлении сделано довольно много, но не всегда положительную роль играла тенденция несколько прямолинейного перевода данной проблематики в этнокультурную или даже прямо в этногенетическую. Так, первоначально наличие в культуре Семиречья согдийских элементов объяснялось исключительно на основе миграционной модели, затем последовала обратная реакция — «автохтонизма». И по сей день в литературе, с одной стороны, ставится вопрос не только о большой роли согдийских городов в Семиречье, но даже и о наличии там в первой половине VIII в. н. э. достаточно влиятельного политического объединения («федерации согдийских городов») (Кляшторный, 1964, с. 135), с другой — для соседнего Тараза постулируется образование города на основе местного, тюрко-карлукского населения (Сенигова, 1972, с. 205). Представляется, что возможен и иной аспект подхода к данной проблематике.

Большая роль согдийского компонента в сложении культуры раннего средневековья бесспорна и не подлежит сомнению. Согдийские эталоны в архитектуре, архитектурном декоре, терракоте, отдельных элементах керамических комплексов весьма ощутимы в раннесредневековой культуре Чача и Семиречья; появляются такие данные и для территории Ферганы (Салтовская, 1971, с. 16). Разумеется, одной из насущных задач является выработка методики их конкретного анализа и по возможности квалифицированных оценок. Раскопки раннесредневековых комплексов на Афрасиабе ярко рисуют необычайный расцвет его, видимо превосходящий роль и значение города предшествующей эпохи. Нам кажется, что это в известной мере отражает перемещение центра импульсивного развития с юга на север, из дряхлеющей Бактрии, где в эпоху раннего средневековья в какой-то мере теплятся позднекушанские традиции, в стремительно развивающийся Согд, диктующий теперь новые нормы, установления и оказывающий влияние на многие другие области, в том числе и на Бактрию. Недаром Сюань Цзап, посетивший в 629 г. Самарканд, характеризовал его жителей как особо совершенных в деле искусства и ремесел и отмечал, что по нормам нравственности и благопристойности жители Самарканда служат образцом для соседних народов (Beal, 1884, p. 32). Материальное отражение этой

эталонной роли самаркандского Согда и видят археологи при изучении раннесредневековых памятников.

Однако распространение согдийских воздействий во многом можно интерпретировать как отражение процесса культурной интеграции. Исследователи отмечают в качестве характерного явления культуры наличие в ней процессов стандартизации и стереотипизации, благодаря которым и происходит приобщение членов общества к достигнутым результатам (Маркарян, 1973, с. 50). Именно стереотипизацию, кстати, и наблюдают археологи в материальном воплощении артефактов и их типов. Рассматривая с этих позиций культурный процесс эпохи раннего средневековья, согдийские эталоны в области материальной культуры можно трактовать как культурные стандарты, наиболее отвечавшие нормам раннефеодального общества. Сам путь формирования таких стандартов был далеко не простым. Определенную роль сыграли местный пласт оседлой городской культуры античного Согда, сам во многом зависевший от доминировавших в ту эпоху кушанских эталонов, бесспорные инновации каунчиноидного облика, широко представленные в Среднеазиатском междуречье по крайней мере в IV—V вв., и в какой-то мере образцы художественных ремесел сасанидского Ирана. Но, взятые сами по себе, эти отдельные элементы еще не образовывали единого целого. Творчески переработанные, они вошли в то новое качественное явление, которое можно именовать согдийской культурой раннего средневековья и которое несет неповторимо индивидуальные черты, особенно впечатляюще проявившиеся в памятниках искусства. Известно слова Сюань Цзана о том, что страна Су-ли, т. е. Согд, это территория от р. Чу на севере до железных ворот в Байсуицких горах на юге, — с нашей точки зрения, не отражение политико-географических или этнических границ, а указание на культурно-историческую область, в которой согдийские культурные эталоны играли весьма заметную роль. Тем более что VI—VII вв. это период интенсивного тюрко-согдийского синтеза, протекавшего во многих областях, в том числе в сфере этногенетических процессов, и этническая карта указанного периода исключительно сложна и пестра.

Эта роль культурной интеграции, нашедшей отражение в распространении согдийских культурных стереотипов, особенно наглядна на примере областей оседлой культуры присырдарьинских и несколько более северных областей. Раскопки в Чардаре (систематические работы в Ташкентском оазисе, и особенно на городище Канка) заставляют в определенной мере пересмотреть прежние представления о роли и значении памятников каунчинского типа. Причем речь идет даже не столько о фактах воздействия каунчинских комплексов на памятники соседних районов, что хорошо показано в работе И. М. Левиной (1971), сколько об общесторической оценке.

В настоящее время может быть поставлен вопрос о выделении единой культурно-хозяйственной зоны, объединяющей области от низовьев Сырдарьи до Ферганской долины включительно. Каунчи — лишь одна из археологических культур этой зоны. Для зоны в целом характерны оседлая земледельческо-скотоводческая экономика, хотя местами, возможно, с большой ролью овцеводства (Максимова и др., 1968, с. 245), монументальная архитектура и фортификация, небольшие укрепленные поселки как ведущий тип расселения, слабое развитие ремесел, отражающееся, в частности, в почти повсеместном преобладании лепной керамики, ограниченность денежного обращения, отсутствие массовой мелкой антропоморфной пластики. С юга к данной культурно-хозяйственной зоне примыкает зона античных городских цивилизаций, наивысшим проявлением которой является культура кушанской Бактрии. В V—VIII вв. в присырдарьинской зоне почти повсеместно отмечается развитие ремесел, увеличение числа сосудов, изготовленных на гончарном круге, рост поселений, сложение городков, что хорошо прослежено на примере ташкентского Мингурюка (Древний Ташкент, 1973, с. 50, 142). Этой новой стадии развития общества в наибольшей мере отвечали согдийские культурные стереотипы. Их распространение нет оснований прямым образом связывать с одним лишь

механическим процессом расселения согдийцев, так же как мало оснований для отрицания самого факта такого расселения. Несомненно, движение согдийцев вдоль трансазийского торгового пути было одним из механизмов распространения соответствующих эталонов. Однако эти эталоны отнюдь не заслонили местных традиций, и, например в Чаче, вполне возможно даже сосуществование в эпоху раннего средневековья двух культурных комплексов, различающихся по степени сохранения местных, каунчинских традиций. Детальное культурное районирование Средней Азии и Казахстана поры раннего средневековья, возможное на основе разработки типологических схем объектов материальной культуры, безусловно выявит сложную картину подобного сочетания общего и особенного. Вместе с тем бесспорно, что согдийский культурный комплекс является одним из выдающихся достижений народов Средней Азии, их замечательным вкладом в сокровищницу мировой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Белспицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Бернштам А. Н. Согдийская колонизация Семиречья. — КСИМК, 1940, вып. 6. Древний Ташкент. Ташкент, 1973.
- Исаков А. Цитадель древнего Пенджикента. Автореф. канд. дис. Душанбе, 1971.
- Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964.
- Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н. э. — ТХАЭЭ, 1971, т. VII.
- Максимова А. Г., Мерциев М. С., Вайнберг Б. П., Левина Л. М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.
- Маркарян Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры. Ереван, 1973.
- Маршак Б. И. Керамика Согда V—VII вв. как историко-культурный памятник. Автореф. канд. дис. Л., 1965.
- Маршак Б. И. Код для описания керамики Пенджикента V—VI вв. — В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
- Негматов Н. Н. О живописи дворца афшинов Уструшаны. — СА, 1973, № 3.
- Ростовцев О. М. Изучение сельских поселений самаркандского Согда. — ИМКУ, 1975, вып. 12.
- Салтовская Е. Д. Северо-Западная Фергана в древности—раннем средневековье. Автореф. канд. дис. Душанбе, 1971.
- Сепигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.
- Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
- Beal S. Buddhist Records of the Western World. London, 1884.

К. М. Байпаков

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ СЕМИРЕЧЬЯ И ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

Настоящая статья посвящена изучению раннесредневековых городов Семиречья и Южного Казахстана, история исследования которых насчитывает не один десяток лет (Чуйская долина, 1950; Археологическая карта. . ., 1960; Бартольд, 1966). На городищах Тараз, Отрар, Ак-Бешим, Краснореченском, Баба-Ата, Талгар и других проведены раскопки (Агеева, Пацевич, 1958; Кожемяко, 1959; Кызласов, 1959, с. 155—241; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972; Сенигова, 1972). Однако раннесредневековый город исследован мало, что связано с отсутствием однослойных раннесредневековых городищ, аналогичных Пенджикенту.

В естественногеографическом и культурно-историческом отношении зона городской цивилизации в рассматриваемом регионе подразделяется на три района: Южный Казахстан (долина Сырдарьи и предгорья Каратау), Юго-Западное (Чуйская и Таласская долины) и Северо-Восточное Семиречье (Илийская долина) (Байпаков, 1966).

Данные письменных источников о городе VI—VIII вв. очень скупы. В сочинении Сюань Цзана, проехавшего через Семиречье в 630 г., описы-

ваются Суяб, Тараз и город на Белой реке (видимо, Испиджаб). Суяб и Испиджаб имели окружность 3,5—4 км, Тараз — 4,6—5 км. Каждый город управлялся старейшиной, подвластным верховному кагану тюрков. В городах обитало согдийское население. В сочинении, сведения которого относятся к середине VIII в., говорится о семиреченских городах и селениях (Зуев, 1960, с. 90—93). Эти сведения прямо перекликаются с характеристиками семиреченских городов в тексте «Зейн аль-Ахбар» Гардизи и в «Худуд аль-Аламе», которые использовали информацию не позднее середины VIII в. Города в них выступают прежде всего как феодальные ставки. Так, владетель Керминкета в Семиречье носил титул кутегин-лабана, городом Яр управлял феодал с титулом «тексин», во главе Барсхапа находился манан, или тегин-барсхан, и т. п. (Бартольд, 1963а, с. 239). На средней Сырдарье выделялся город Отрарбанд, правитель которого чеканил собственную монету (Бурнашева, 1973, с. 85—89).

Археологические исследования городищ Юго-Западного Семиречья и Южного Казахстана показали, что абсолютное большинство их имеет слои VI—VIII вв. В Чуйской долине сейчас известны 20 таких городищ, в Таласской — около 10, на юге Казахстана — 35. Благодаря раскопкам ранне-средневековых городищ в научный оборот были введены комплексы керамики VI—VIII вв. из Ак-Бешима, Краспореченского, Лугового, Тараза, Отрара, Баба-Аты, а также замки на Красной речке, в Луговом и Баба-Ате, буддийские храмы Ак-Бешима. Сделаны также важные наблюдения по топографии городищ, для которых своеобразным признаком служит наличие длинных стен, окружающих пространство вокруг центральных развалин (цитатель, шахристан, рабад) площадью до 20 км². Эта территория занята остатками отдельно стоящих усадеб и замков. Такая специфика их топографии до сих пор до конца не раскрыта и является одной из проблем ранне-средневекового города в данном районе.

Как известно, существуют различные взгляды на характер застройки ранне-средневекового города. По мнению В. А. Лаврова, город VI—VIII вв. и его кварталы не утратили сельского облика. Облик города рисовался как совокупность усадеб при отсутствии густой застройки. Горожане занимались земледелием, а пашни находились на территории шахристана (Лавров, 1950, с. 53). П. Н. Кожемяко высказал мнение об аграрном характере семиреченских городов в период раннего средневековья; застройка их отличалась рассредоточенностью и состояла из совокупности усадеб с полями, садами и огородами, окруженными стенами (Кожемяко, 1959). По мнению А. М. Беленицкого, застройка города была слитной, с регулярной уличной сетью. Кроме домов знати и храмов удалось выделить жилища ремесленников и торговцев, небольшие базарчики (Беленицкий, Бенцович, Большаков, 1973, с. 36—37). Анализ городской застройки Пенджикента приводит к выводу о более сложной, чем это представлялось раньше, картине социальной структуры ранне-средневекового города. Очевидно, данное положение может быть распространено и на казахстанский город: раскопки на семиреченских и сырдарьинских городищах позволяют видеть даже на небольших вскрытых участках застройку, аналогичную пенджикентской.

Собственно под городом в Семиречье следует понимать только центральные развалины, где четко различаются цитадель, шахристан и реже — укрепленный или неукрепленный рабад. В территории, окруженной длинными стенами, надо видеть сельскохозяйственную округу города, занятую земледельческим населением. Именно от этой округи население города зависело в продовольственном отношении, хотя факт подсобного занятия горожан земледелием имел место. Если в Средней Азии на больших полноводных реках формировались крупные земледельческие области, то в Семиречье на горных речках складывались небольшие оазисы, центром которых был свой город, резиденция независимого от других правителя. Длинные стены защищали земли оазиса, выполняя в то же время роль административной границы небольшого феодального владения.

В свое время В. В. Бартольд считал, что земледельческая культура и города на территории Семиречья появились в результате согдийской колонизации (Бартольд, 1963а; 1963б, с. 190). А. Н. Бернштам памятники оседлой и городской культуры считал согдийскими, а памятники кочевой культуры — тюркскими (Чуйская долина, 1950, с. 145—147). Однако, по мнению Е. И. Агеевой, районы Южного Казахстана и Семиречья не являлись объектами колонизации Согда, они были самостоятельными, с особой экономикой и культурой (1962, с. 215).

Вопрос о согдийцах в Семиречье, их роли в сложении города и городской культуры этого района, может быть убедительно решен с позиций определения согдийского культурного комплекса. Под культурным комплексом понимается широкая совокупность предметов, учреждений, идей, образцов поведения, функционально связанных с определенным элементом (Щепанский, 1969, с. 47). Согдийский культурный комплекс связан с раннесредневековым городом и широким развитием городской культуры и урбанизации. В согдийском культурном комплексе находит воплощение и функция города как центра ремесла, торговли и сельского хозяйства. Показательно сложение городского быта, который в археологических материалах представлен устойчивыми канонами жилой архитектуры, керамических наборов, надписями на керамике, монетами. В семиреченской материальной культуре отчетливо прослеживается влияние Согда в архитектуре: это буддийские храмы Ак-Бешима (Кызласов, 1959, с. 193—198), краснореченский и луговской замки (Распопова, 1960, с. 162). Выделяется согдийская группа керамики. Воздействие Согда наблюдается и в производстве монет тюркшей (Смирнова, 1963, с. 54).

Одновременно с распространением согдийского культурного комплекса распространяется и тюркский культурный комплекс, представленный в археологических материалах такими массовыми объектами, как металлическая посуда (Маршак, 1965, с. 25—36) и вооружение (Распопова, 1970, с. 86—91). В результате в VI—VIII вв. на территории Средней Азии и Южного Казахстана складывается своеобразный культурный комплекс, который, может быть, следует назвать тюркско-согдийским. Одно из проявлений его сложения — единообразие городской культуры Согда, Мавераннахры, Южного Казахстана и Семиречья, ярко выраженное в архитектуре, строительной технике, керамике, вооружении. Именно это отражает процесс интеграции в культуре названных выше районов.

Еще одной существенной проблемой раннесредневекового города Казахстана является преемственность оседлоземледельческих культур первых веков до нашей эры — первых веков нашей эры и культуры раннесредневековой. Формирование городских центров было тесно связано с концентрацией в них земледельческого населения, с инкорпорацией его из поселений. В связи с этим процессом представляется необходимым выяснение роли раннеземледельческого оседлого населения юга Казахстана и Семиречья, культура которого известна, как кауучинская, отарско-каратауская, джетыасарская, усуйская. В ряде случаев прослежена непрерывная эволюционная линия развития от раннеземледельческого поселения до средневекового города (Мерциев, 1968, с. 120—173).

Данные письменных источников и археологические материалы свидетельствуют о том, что севернее границ Кушанской империи наряду с кочевничеством существовала и развивалась городская культура. Такие памятники, как Алтып-Асар, несомненно являлись для своего времени городскими центрами, столицами оазисов, в состав которых входили многочисленные поселения (Толстов, 1962, с. 187—196).

Пласт ранней городской культуры, более мощной на юге Казахстана и малоизвестной в Семиречье, безусловно влиял на уровень и темпы развития раннесредневековой городской культуры. Выявить традиции и проследить элементы этих культур в материальной культуре городов юга Казахстана и Семиречья VI—VIII вв. еще предстоит.

- Агеева Е. И. Общий обзор находок. Археологические исследования на северных склонах Каратау. — ТИИАЭ АН КазССР, 1962, т. 14.
- Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — ТИИАЭ АН КазССР, 1958, т. 5.
- Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972.
- Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960.
- Байпаков К. М. Средневековые города Семиречья (VII—XII вв.). Алма-Ата, 1966.
- Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Т. I. М., 1963а.
- Бартольд В. В. История культурной жизни в Туркестане. Т. II, ч. 1. М., 1963б.
- Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—1894 гг. Т. IV. М., 1966.
- Беленицкий А. М., Бенетович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Бурнашева Р. Э. Монеты с городища Отрар-Тобе и Отрарского оазиса. — В кн.: Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.
- Зув Ю. А. Китайские известия о Суябе. — Изв. АИ КазССР. Сер. ист., археол. и этногр., 1960, № 3.
- Ножемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.
- Кызаласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. — ТКАЭЭ, 1959, т. II.
- Лавров В. А. Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950.
- Маршак Б. И. Керамика Согда V—VII вв. как историко-культурный памятник. Автореф. канд. дис. Л., 1965.
- Мерциев М. С. Городище Актобе I (IV—начало XIII в.). Алма-Ата, 1968.
- Распопова В. И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. — ТКАЭЭ, 1960, т. IV.
- Распопова В. И. Согдийский город и кочевая степь в VII—VIII вв. — КСИА, 1970, вып. 122.
- Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.
- Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент. М., 1963.
- Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
- Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции. М.—Л., 1950. (МИА. № 14).
- Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969.

Н. П. Пегматов

ХАРАКТЕР И УРОВЕНЬ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УСТРУШАНЫ

Развитая хозяйственная триада Уструшаны — земледелие, скотоводство, горнодобыча — обеспечивала надежный прогресс ремесел (Пегматов, 1968). Ремесла, с одной стороны, завершали цикл материального производства и обеспечивали всем необходимым население Уструшаны и ее внешний рынок, с другой — ремесленная продукция, являясь памятником материальной культуры, одновременно отражала многие образы и элементы духовной культуры ее создателей и потребителей. Поэтому ремесленная продукция, как одновременный носитель комплекса информации по материальной и духовной культуре, особенно ценна в науке.

Ремесленное производство Уструшаны было разнообразным и многоотраслевым. В данной статье рассматриваются главные из производств эпохи раннего средневековья.

Металлическими ремеслами (кузнечное, бронзолитейное, ювелирное) занимались в Бунджикате, Мипке и Марсмаде — выделывали земледельческие орудия, оружие, ремесленные инструменты, бронзовые и медные изделия и посуду, разнообразные предметы домашнего обихода и ювелирные украшения. Кузнечное, бронзолитейное и ювелирное дело мастерских Бунджиката (Чильдухтарона и др.) представлено находками высокохудожественных изделий: бронзового деканного подноса с рельефными растительными узорами и мотивом «архитектурной аркады»; бронзового гравирован-

ного подноса с узорами и изображениями птиц; трех литых, украшенных резными медальонами, розетками и другими узорами бронзовых кувшинов со следами автографа мастера — «амали Ахмадак» («работа Ахмадака») — на двух из них; бронзового светильника и деталей подсвечника; литых колоколовидных розеток-подвесок от сложной серьги; трех массивных золотых перстней с каменными вставками и рельефными орнаментальными деталями; трех литых золотых обручевидных серег; двух золотых со штампованными узорами бляшек и т. д. Они происходят из раскопок мастерской и хозяйственных помещений Чильдухтарона и шахристанских кладов 1957 и 1961 гг. Уникальны шедевры уструшанской торевтики из клада у сел. Калаи-Баланд (Кильчевская, Пегматов, 1964). Это бронзовые и медные, кованые, чеканные и литые прямоугольные и круглые подпосы, большие и круглые блюда, тазы, котел, сосуд баночной формы, чираг, кувшин, подставка, чаши — всего более 15 изделий. Большинство предметов клада богато декорировано гравированными, резными, чеканными узорами и сюжетными композициями; в них отражен целый мир растительных, геометрических и эпиграфических узоров и фриз, зооморфных и антропоморфных образов и сюжетов (спаренных крылатых львиц с человеческой головой, человекоптиц, мотив «звериного гона» и т. п.).

Распространенным было гончарное производство. Остатки раннесредневековых керамических центров обнаружены пока в трех местах: на холме Гала-Тепе к северо-западу от пос. Калининабад, в местностях Сои-Гургхона на юго-восточной окраине г. Бунджиката (Шахристан) и Сари-Кубур (Ура-Тюбе), где вскрыты группы гончарных печей, частично производственно-жилищные комплексы гончаров, а также ямы — свалки битых и бракованных сосудов. Причем они счастливо представляют как сельский натурализованный тип хозяйства V—VI вв. (Гала-Тепе), так и городское производство VII—VIII (Сари-Кубур) и IX—XI вв. (Сои-Гургхона). Гончарное дело было узкоспециализированным: так, в бунджикатском центре зафиксированы печь по обжигу преимущественно сосудов молочного хозяйства и мастерская по выделке переносных очажков. В последней найдено много колыбов (матриц) очажков. В бунджикатском рабаде еще раньше была зарегистрирована продукция мастерской по выделке сфероколических сосудов.

При раскопках памятников Уструшаны обнаружен ряд больших керамических комплексов разнообразных по формам и назначению сосудов несомненно местного производства. Среди них имеются серии и отдельные сосуды большой и в ряде случаев уникальной художественной ценности: единственный в своем роде в Средней Азии поливной фигурный водолей; серия сфероколических сосудов с разнообразным штампованным узором; серия великолепных керамических переносных очажков и их разъемных колыбов с рельефными штампами и палепами (розетками, медальонами, ромбиками и пальметтами), барельефными изображениями на их передних щитках змеек, птиц, рыб (несущих медальоны-луницы), геометрических фигур и растительных узоров; группа кувшинообразных сосудов совершенных форм; группа первосортной поливной столовой посуды (блюдца, чаши и пиалы). Уникальна большая серия образцов керамического архитектурного декора VII—VIII вв. Это конусовидные кирпичи с крестовидными вырезами с лицевой стороны, зубцы-мерлоды, полурозетки, волютообразные кирпичи-завитки. Все названные керамические изделия принадлежат продукции бунджикатского художественного центра.

Проведенные исследования керамических комплексов районов Шахристана и Ура-Тюбе показывают, что в VII—VIII вв. в этом производстве происходят серьезные изменения. На гончарный круг была поставлена выделка одной из ведущих форм кухонной керамики — котлов, тем самым данная форма оказалась изъятой из жепского домашнего производства и включенной в число продукции ремесленника. Кроме того, в профессиональном производстве наряду с давно действующим ручным кругом отме-

чены признаки наличия пожного круга. Периодом интенсивного развития керамического производства были VIII—IX вв. — сильные изменения претерпевают кухонная (особенно котлы) и мелкая тарная посуда, больше разнообразятся форма и орнаментация кувшинов и кружек, на круг переводится формовка крышек, появляются бокальчики конических и цилиндрических очертаний, что, очевидно, говорит об использовании в производстве нового пожного круга с большей скоростью вращения. IX—XI вв., видимо, были прежде всего временем усиления товарности керамического производства — увеличивается и разнообразится ассортимент продукции, расширяется объем парадной столовой посуды, изготовление высокохудожественных перепосных очагов переводится на штамповку в разъемных колыбах. Такое резкое увеличение количества выпускаемой высокохудожественной продукции несомненно отражает возросшие эстетические запросы и покупательную способность населения.

Велик был удельный вес строительного дела, развивавшегося в нескольких направлениях. Это градостроительство и крепостная фортификация, монументальное зодчество, массовое жилищное строительство и строительство ирригационных сооружений (Негматов, Хмельницкий, 1966; Негматов, Пулатов, Хмельницкий, 1973). Сюда же относятся ремесла кирпичников, каменотесов, мастеров по обжигу извести (обнаружена печь по обжигу извести в Сои-Гургхоне). В Уструшане к настоящему времени вскрыты функционально и типологически разнообразные сооружения с более или менее сложившейся, характерной для каждого типа планировкой. Рассмотрим кратко планировку и типы сооружений.

Два раскопанных царских дворца демонстрируют два типа планировки. Дворец Калаи-Кахкаха II — трехъярусное здание; средний и верхний ярусы его расположены на ступенчатой глинобитной платформе. Первый ярус включает входной вестибюль, парадный зал, глубинную спальную комнату и айван с открытой в северный двор стороной. Второй ярус состоит из коридора, комнаты прислуги и кухонного помещения. На третьем ярусе расположена парадная анфилада из трех комнат, средняя из которых представляет собой выходящую широким окном во двор тронную лоджию, украшенную стенописью и резными деревянными конструкциями.

Иная планировка у дворца Калаи-Кахкаха I. Он построен тоже на высокой платформе с небольшим дождепоп-башней в центре здания. Дворец имел входную айванскую лоджию с видом на городской рабад и коридор-вестибюль, через которые попадали в осевой коридор с суфами вдоль западной стены и суфой-эстрадой напротив входа. Осевой коридор делит дворец на две неравные части. Большая, западная, включает огромный двухъярусный (со ступенчато поднимающимся полом и суфами) зал с камерной (выходящей в зал) тронной лоджией в его возвышенной глубине и входным помещением-кулуаром перед залом, второй парадный зал — «малый», помещение дворцового святилища и еще одну большую комнату. В восточной части дворца кроме входного айвана и коридора-вестибюля расположены большая жилая комната, малое помещение прислуги, обособленные коридор и «арсенал». Дворец с севера и юга имел укрепленные мощными стенами дворы с кухонно-пекарными и хозяйственными строениями, а в западной стене северного дворца — дворцовые ворота. Таким образом, у дворца Калаи-Кахкаха I очень сложная и в то же время функционально четко разработанная планировочная структура.

Другой вид монументального зодчества — замки; они по своей планировочной и функциональной структуре делятся на два типа (Пулатов, 1975, 1976). Первый тип (Чильхуджра и Урта-Курган) — с внутренней усложненной и индивидуализированной в каждом случае планировкой, богатым декором (стенопись и резное дерево) — приближается к городским дворцовым сооружениям и, возможно, принадлежал городской аристократии, а второй (Тирмизак-Тепе и Тоштемир-Тепе) — с несложной, так называемой коридорно-гребенчатой планировкой, без декора — рассчитан на

более простой быт и принадлежал несомненно аристократии сельских округов Уструшаны.

По общепланировочной структуре и удельному весу фортификационных элементов ранее нами была сделана попытка классификации замков Уструшаны. Теперь после раскопок здания Калаи-Кахкаха II его можно определить в качестве одного из городских дворцов афшина Уструшаны.

«Коридорно-гребенчатая» планировка сельских замков была использована и в городском зодчестве Уструшаны; в частности, таковым является юго-западное казарменное здание городища Калаи-Кахкаха I.

Жилые и производственные постройки горожан Уструшаны представлены на ряде не полностью раскопанных объектов (II, III, V, VI) городища Калаи-Кахкаха I и домом ансамбля Чильдухтарон. В них предварительно можно выделить четыре типа планировки построек.

Раскопанная часть северного жилищно-производственного квартала (объекты II и III) состоит в основе из широких и длинных помещений, разделенных внутри поперечными стенками, как правило, на три комнаты-ячейки: глубинную, среднюю и паружную. Причем все наружные помещения обычного айванного типа непосредственно выходят на городскую улочку, тянущуюся вдоль всего квартала. В ряде случаев в этих секциях обнаружены остатки производственных приспособлений. Это типичные для средневековых восточных городов тесные жилища ремесленников и производственно-торговые дуканы (лавки).

Вдоль южной стены городища вскрыта часть другого жилого квартала (объект VI), который дает иную планировку. Квартал состоит из изолированных, но пристроенных друг к другу вплотную небольших жилых секций, обычно включающих соединительный коридор и две-три комнаты. Каждая секция имеет вход с городской улицы или площади.

Третий тип жилых построек представлен почти полностью раскопанным центральным кварталом городища у городской площади (объект V). Здесь также применена секционная планировка застройки, но размеры секций гораздо крупнее, их планы более индивидуализированы, в них имеются крупные парадные залы и комнаты с богато оформленным интерьером. Первая секция, например, состоит из открытого на городскую площадь обширного айвана с суфами вдоль двух стен, проходного прямоугольного помещения и внутреннего огромного парадного зала. Стены зала были расписаны живописью, от которой сохранились отдельные следы.

Наконец, образец четвертого типа жилых построек мы видим в ансамбле Чильдухтарон. Чильдухтаронский дом демонстрирует наиболее сложившийся тип богатой жилой постройки, где кухонно-пекарные службы и место производственной деятельности владельца вынесены вне дома, в другие помещения ансамбля.

Выявлены также некоторые типы культовых построек Уструшаны доисламского и раннемусульманского времени. Доисламские культовые сооружения представлены пока типом домашних святилищ-капелл, включенных в планировку замков Урта-Курган, Чильхужра и дворца Калаи-Кахкаха I. Святилище Урта-Кургана двухчастное, состоит из небольшого квадратного помещения с купольным перекрытием и миниатюрного входного камерного айвана, выходящего в осевой коридор замка. Первое помещение вдоль стен имеет суфы, а на полу у середины главной восточной суфы напротив входа — небольшое сырцовое сооружение, выполнявшее, видимо, функции алтаря. Святилище Калаи-Кахкаха I однокомнатное, расположено в парадной части дворца. Впоследствии оно было переделано в дворцовую мусульманскую мечеть.

Ранние мусульманские культовые постройки выявлены пока в ансамбле Чильдухтарон. Это Малая и Большая мечети и группа мавзолеев. Малая мечеть представляет собой прямоугольный вместительный зал (10×7.5 м) со входным проемом и михрабной нишей, находящейся строго на его оси. Зал имел плоское деревянное перекрытие, покоящееся на стенах и двух

деревянных колоннах, расположенных на той же центральной оси и разбивающих помещение на два нефа. Каменные стены михрабной ниши были облицованы жженными квадратными плитами.

Большая мечеть Чильдухтарона — целый комплекс помещений. Главное — обширный зал со сложной конфигурацией плана: Г-образной, с двумя крайними «карманами». На его западной стене сохранилась небольшая ниша михраба со следами лепного рельефного (двойная П-образная рама) и живописного (сохранились синяя и черная краски) убранства, а слева от нее — двухступенчатое возвышение — «минбара». Перекрытие зала было плоским, опиралось на целую систему деревянных колонн. Архитектура характеризуется асимметричной конфигурацией главного зала, отсутствием четкого композиционного центра, сравнительно слабым выделением и относительно случайным расположением михраба. Обе колонные мечети Чильдухтарона, несмотря на некоторые типично среднеазиатские детали, не находят прямых аналогов в зодчестве Средней Азии X—XII вв. Правда, нужно заметить, что культовая архитектура этого времени известна еще недостаточно.

В том же ансамбле Чильдухтарон представлены раннемусульманские закрытые и открытые мавзолеи. Первые — отдельно стоящая, небольшая квадратная купольная постройка, возведенная из рваного камня-сланца (внизу) и жженных кирпичей (вверху), с несколько поднятым окном-лазом в восточной стене и могильной ямой внутри западной стены. Могильная яма в виде удлиненной трапеции аккуратно выложена каменными плитами. Строгий, аскетически простой мавзолей имеет мало общего с известными мавзолеями Средней Азии; он скорее напоминает крупный наус доисламской эпохи. В архитектуре мавзолея и обряде захоронения налицо смесь доисламских и мусульманских признаков. Это один из наиболее ранних образцов среднеазиатских мавзолеев, сооруженных в то время, когда процесс сложения зданий такого назначения находился в самой начальной стадии.

Мавзолеи Чильдухтарона открытого типа представляют собой гладкие, облицованные камнем квадратные или прямоугольные площадки, огороженные невысокими, аккуратно выложенными каменными стенами с одной или несколькими могильными ямами внутри, обложенными одним рядом жженных плит. И здесь если формы мавзолеев и могильных ям несут в себе доисламские черты, то обряд захоронения мусульманский.

Разнообразие типов и планировки уструшанской архитектуры соответствует разнообразию примененных систем кладок и элементов строительных конструкций.

Стены абсолютного большинства зданий сложены из пахсы и сырца; часто они возведены только из пахсовых блоков. Нередко ряды блоков прослоены одним, двумя (или более) рядами сырца. Есть стены исключительно сырцовые. И наконец, при возведении стен использована техника комбинированной кладки в различных вариантах. Причем стены из блоков имеют то вертикальные, то наклонные швы, то являются собой квадраты вперевязку с декоративной нарезкой-рустовкой. Стены из сырца сложены то ложком вперевязку, то смешанной кладкой с перевязкой в верхних поясах, то тычком вперевязку, то тычком-ложком вперевязку. Технически разнообразны и стены комбинированной кладки — кирпич вразбежку, ступенчатая кладка, кладка вразрядку из рядов кирпича и слоев глины толщиной в два кирпича. Интересна сырцово-пахсовая комбикладка из чередующихся ложковых и тычковых рядов сырца, заполненных в промежутках слоями пахсы, со своеобразным, уникальным для Средней Азии, контро-рельефным убранством паружной поверхности — горизонтальной треугольной в сечении рустовой или пунктирной разрезкой. Есть еще комбикладка из пахсы и сырца разных оттенков, также рассчитанных на декоративный эффект.

В кладке стен широко использовался также необработанный камень (все постройки селения Хон-Айлов) или камень сланцевых пород, дающих гладкие сколы и грани (ансамбль Чильдухтарон), реже — жженные плитки

квадратной, прямоугольной (половина квадрата) и треугольной (производной от квадратной плитки) формы (барабан и купол закрытого мавзолея Чильдхтарона).

Дверные и оконные проемы ряда зданий (Чильхуджра, Урта-Курган, Калаи-Кахкаха, Тоштемир-Тепе, Тирмизак-Тепе) перекрыты сырцовыми арками в технике клинчатой кладки в елку. Среди типов арок большинство эллиптической (приближающейся к полуциркульной) формы, реже — трехцентровой и параболической, еще реже — лучковой и стрельчатой. Есть арки, оформленные архивольтом. Есть арочный световой проем параболической формы, выполнявший одновременно роль трюма купольного перекрытия. Налицо сложная двуликая арка, относящаяся к типу «ползучих», выполненная внутри помещения асимметричной кладкой из сочетаний клинчатых плеч и выведенного плашмя венчания, а снаружи имеющая другие очертания и структуру — в прямоугольной рамке более высокая стрела подъема внешнего контура, без плеч, с кладкой из плашмя уложенных рядов кирпичей, расходящихся веерообразно. В ряде случаев зафиксированы балочные перемычки дверных проемов.

В некоторых уструшанских зданиях (Чильхуджра, Калаи-Кахкаха II и др.) встречаются световые и вентиляционные проемы и продухи щелевидной, прямоугольной, трапециевидной и коленчатой форм или в виде трапециевидных амбразур. Кроме того, существовали деревянные решетки (панджара), устанавливаемые вверху арочных проемов и в световые люки на крыше помещений. От них отличается крупный прямоугольный оконный проем помещения в верхнем ярусе дворца Калаи-Кахкаха II.

Наиболее распространенным видом перекрытий зданий Уструшаны было сводчатое. Своды замка Чильхуджра — коробовые, с эллиптической кривой — сложены из прямоугольных сырцовых кирпичей в технике поперечных наклонных отрезков.

Зодчие Уструшаны успешно решали и сложную задачу поворота свода под прямым углом. Такие случаи зафиксированы в комплексах Муштак-Тепе и Тирмизак-Тепе. В обоих случаях своды коленчатых коридоров, сложенных наклонными отрезками, расходятся веерообразно от выступающего угла, промежутки между ними, постепенно расширяющиеся к противоположному углу, заполнены клинчатыми рядами кладки. Свес кладки, образующийся над противоположным углом, опирается на небольшой сырцовый трюм, благодаря которому угол в основании свода получает скругленные очертания.

В архитектуре Уструшаны успешно применялись купольные конструкции и их неотъемлемая часть — трюмы. О конструкции купольных сооружений мы можем судить по чильхуджринским помещениям — двум угловым башенкам и одной часовне-капелле. В них переход от стен к барабану купола осуществлялся при помощи трюмов в виде перспективных арочек, вписанных одна в другую и сложенных из сырца по дуге плашмя тычком. Арочки трюмов имеют небольшую стрелу подъема и почти полуциркульную кривую. Кладка всех куполов Чильхуджры произведена кольцевыми рядами с радиальным наклоном рядов к центру кривизны.

Наряду с массовым сводчатым и более редким купольным перекрытием помещений и целых зданий в Уструшане широко применялось и плоское перекрытие при помощи довольно искусных и замысловатых деревянных конструкций.

Деревянное перекрытие помещений покоилось на стенах и на расположенных по определенной системе деревянных колонках. Перекрытие включало такие элементы, как прогоны, балки, межбалочные брусчато-дощатые перемычки, над которыми уже укладывались слои циновки и камыша (или их заменяющих), глины и глиняно-саманной обмазки. Колонны, прогоны, балки обычно покрывались художественной резьбой, на межбалочные ячейки потолков нашивались различные резные деревянные фризы и панно. Одна или несколько ячеек по определенной системе расположения превра-

щались в световые и вентиляционные люки с замысловатой рузанной (кас-сетной) конструкцией. В целом потолки нередко демонстрировали художественные композиции.

Многие здания Уструшаны были снабжены пандусами. Вскрыты пандусы двух типов: простые — в виде двух (дворец Калаи-Кахкаха I) или трех (Урта-Курган и Тирмизак-Тепе) коленчатых узких сводчатых коридоров с наклонно поднимающимся полом — и сложные, встреченные во дворце Калаи-Кахкаха II и замке Чильхуджра. Последние хорошо сохранились и, несмотря на общность функций в однородных постройках, отличаются друг от друга конструктивно. У кахкахинского квадратная в плане пандусная шахта имеет высокие и прочные стены, а в центре — пахсовый прямоугольный столб, вокруг которого вьется шесть подъемных колен, ведущих из вестибюля здания на средний и верхний ярусы помещений. Спирально выходящие, наклонно идущие своды пандуса, сложенные в технике клинчатой кладки, опираются на слегка выступающую полочку плашмя уложенных сырцовых кирпичей; их пяты расположены на разных уровнях ступи и центрального столба.

Конструктивно несколько отличается пандус Чильхуджры. Он находится на месте одной из угловых башен, поэтому с наружных сторон несколько закруглен, а пандусной шахте для большей устойчивости дан небольшой наклон к центру здания. Особенность чильхуджринского пандуса — его круглый центральный столб (вместо обычного прямоугольного). Столб состоит из массивного пахсового внутреннего стержня, утолщенного винтообразной накладкой в один ряд пахсы, на который опирается винтообразно поднимающийся свод. Свод сложен в технике наклонных отрезков. Пандус Чильхуджры был снабжен трапециевидными световыми амбразами. Марши его вели во второй этаж, а дальше — вверх, на крышу здания. Данное решение было в средние века широко использовано в конструкциях минаретов и других винтообразных элементов.

В Уструшане применен и такой архитектурный элемент, как наружная обходная галерея зданий. Отрезок неширокой галереи сохранился в замке Чильхуджра вдоль его западного фасада на уровне второго этажа. Галерея располагалась над сводами и внешними стенами наружных помещений первого этажа, была огорожена массивным сырцовым парапетом. Она конструктивно разделила наружную композицию замка на два вертикальных архитектурных яруса, причем несколько уменьшенный объем второго яруса-этажа одновременно в перспективе представлял собой своего рода внутренний возвышенный укрепленный донжон кешка.

Все парадные залы и жилые комнаты, многие хозяйственные помещения и некоторые широкие коридоры имели глинобитные сырцовые суфы, выполнявшие универсальные функции сидения, ложа для сна, места для работы или складывания имущества и т. п. Они, как правило, расположены вдоль всех стен залов и комнат или одной из стен коридоров и узких помещений. В парадных залах и коридорах часть суфы выделялась путем расширения площади, повышения высоты и иногда возведения ступеньки у подножия. Торжественность таких суф-эстрад, застланных дорогими коврами, усиливалась еще специально расшитыми матерчатыми балдахинами на металлических или резных деревянных опорах, а также богатой живописью стен. Такие суфы с остатками элементов украшений зафиксированы при раскопках залов Урта-Кургана, Чильхуджры и дворца Калаи-Кахкаха I; есть их изображения и на памятниках живописи.

С зодчеством тесно смыкались художественные ремесла резчиков по дереву и мастеров стенописи. Велик список реальных остатков произведений резчиков и художников. Это разнообразные архитектурные деревянные конструкции и фрагменты художественной стенописи, найденные при раскопках многих памятников Уструшаны, — фрагменты колонн, прогонов, карнизов, фризов, дверных порогов, косяков и коробок, перемычек проемов, световых решеток, тамбурных ширм и других деревянных элементов пост-

роек. Много места в архитектурном интерьере дворцов, замков и жилых зданий занимала художественная стенопись с использованием растительных и геометрических узоров и сюжетных композиций светского, батального, эпического, мифологического, культового содержания (Воронина, Негматов, 1975). Особенно выдающимся центром развития зодчества и декоративного искусства являлся Бунджикат, где работало большое число мастеров — зодчих, фортификаторов, резчиков, художников и рабочих-строителей, чей гений и умелые руки оставили нам шедевры Уструшаны. Высокоразвитая материальная культура Уструшаны VI—XI вв., ее художественные ремесла, величественные архитектурные памятники — зримое свидетельство преемственности традиций в культуре раннесредневековой Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

- Воронина В. Л., Негматов Н. П. Открытие Уструшаны. — В кн.: Наука и человечество. М., 1975.
- Кильчевская Э. В., Негматов Н. Н. Находки ювелирных изделий из Шахристана. — СА, 1964, № 3.
- Негматов Н. Н. Ходжент и Уструшана в древности и средневековье (середина I тыс. до н. э.—I тыс. н. э.). Автореф. докт. дис. М., 1968.
- Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г. Средневековый Шахристан. — МКУ, 1966, вып. I.
- Негматов Н. Н., Пулатов У. П., Хмельницкий С. Г. Уртакурган и Тирмизактепа. — МКУ, 1973, вып. II.
- Пулатов У. П. Чильхуджра. — МКУ, 1975, вып. III.
- Пулатов У. П. Раннесредневековый замок Топтемиртепа. — АО 1975 г., 1976.

Р. Сулейманов

ОБ ИСТОКАХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕБУХАРСКОГО ОАЗИСА

На северо-западе Бухарского оазиса изучено больше 20 небольших тепе на площади около 150 м² в зоне нижнего течения одного из крупных протоков р. Зеравшана. Почти все тепе представляют собой остатки усадеб с хозяйственными пристройками. Тепе, лежащие ниже по течению бывшего протока, наиболее ранние и относятся к концу III—началу IV в. Выше вплотную к современной границе оазиса располагаются памятники V—VI вв. и более поздние. Ранние имеют вид плоского прямоугольника (50×80 м) и состоят из обширного двора с поменениями, огражденного мощной глинобитной стеной. Одна из типичных ранних усадеб, Кызыл-Кыр, была раскопана Я. Г. Гулямовым (Гулямов, 1956; Нильсен, 1959). Еще две, Нор-Тепе и Сеталак II, раскапывались нами. Более поздние тепе меньше по площади, но на некоторых есть типичная башня-кешк. Третий раскопанный нами холм, Сеталак I, находящийся в центре этой группы усадеб, оказался зданием общественно-культового назначения.

На всех памятниках, относящихся к начальному этапу освоения района, был получен керамический материал, имеющий устойчивый набор типов: лепные хумы с плоскими, вертикально рифленными венчиками, сферические корчаги с коротким широким сливом, грушевидные кувшины с дугообразной ручкой и широкие чаши со слабым изломом профиля и маленьким плоским донцем. Этот набор посуды, изготовленный на круге, дополняет некоторое количество лепных жаровен, курильниц на ножке, «очажных подставок». Указанная керамика находит тесные аналогии с материалами каунчинской культуры, в особенности ее ранних этапов (Гулямов, 1956; Нильсен, 1959; Левина, 1971, с. 239).

К прочим находкам относятся железный трехлопастный наконечник стрелы и бусы, среди которых есть голубые из египетской пасты в виде ку-

лачка и виноградной грозди. Нумизматический материал представлен одним экземпляром позднего схематизированного варианта подражания тетрадрахме Евтидема с Кызыл-Кыра и монетами типа чекана Гиркода, найденными на Сеталаке I и II. Судя по низкопробности металла и стилистическим особенностям, они относятся к поздним вариантам этой серии, выпускавшейся вплоть до III—IV вв. (Зеймаль, 1973, с. 72). Таким образом, датирующие материалы свидетельствуют о появлении укрепленных усадеб не ранее конца III—начала IV в.

Стратиграфические раскопы, заложенные нами на двух крупнейших древних городищах (Ромитан и Рамиш), расположенных в центре древнебухарского оазиса, выявили, что местное традиционное керамическое производство в IV—V вв. испытывает сильное влияние керамики каучинского тиша. В раннесредневековых слоях как Ромитана, так и Рамиша происходит слияние этих двух традиций выделки посуды и в результате вырабатывается единый, характерный для раннего средневековья облик керамики Бухарского оазиса.

Один из холмов, Сеталак I, оказался оригинальным культовым сооружением. Первоначально здесь находилось квадратное сооружение (17×17 м). Интерьер его состоял из одного громадного зала с узким помещением в глубине. Фасадная часть, обращенная к югу, имела в середине высокий дверной проем с вертикальными прямоугольными световыми проемами в виде бойниц, по два с каждой стороны от входа (левые из бойниц — ложные). В зале напротив входа была громадная ниша, образованная двумя далеко выступающими контрфорсами. На уровне пола, выложенного сырцовым кирпичом, ничего не обнаружено, за исключением пятен золы и отдельных чершков.

Во втором строительном периоде на месте первого здания возводится новое сооружение оригинального плана — в виде четырехлепестковой крестообразной розетки. Сначала полностью замуровывается внутренний объем первоначального здания, затем к нему с четырех сторон пристраиваются четыре полукруглые башни из сырцового кирпича. Все это по периметру было обложено еще одной стеной высотой 2.5 м. В результате получилось монолитное сооружение (без помещений), имеющее более 30 м в поперечнике. Это центральное сооружение окружала внешняя, квадратная в плане стена с длиной сторон около 40 м, со специально выделенным входным коридором и помещением в юго-восточном углу. Восточный конец южной стены у входа сворачивает под прямым углом к северу и идет внутрь комплекса параллельно внешней восточной стене (рис. 1). Таким образом, стены внешнего квадратного ограждения спиралеобразно соединяются с кладкой стены центрального сооружения. Свободные углы в пределах внешней стены имеют систему симметрично расположенных помещений Г-образной планировки. При вскрытии уровня полов этого строительного периода местами были обнаружены сравнительно слабые следы золы и угля. Что было на верхней, крестовидной в плане площадке центрального сооружения — неизвестно, так как вершина памятника полностью оплыла. Скорее всего на пей разжигались кострища. Но лестницы или пандуса, могущих вести наверх, не обнаружено.

Вскоре происходит третья перестройка комплекса. Южная часть двора забутовывается. В теле забутовки возводятся два коридорообразных темных помещения, перекрытых сырцовыми сводами. На верхней площадке южной части, на которую вел примыкающий к южному фасу широкий пандус, строятся помещения, от которых кое-где сохранились обрывки нижних частей стен. Уровень пола в северной части комплекса был поднят на 1 м засыпкой из гравия и песка. В эту часть комплекса и в сводчатые помещения входили через прежний проход. Поверх забутовок и засыпок накапливаются мощные пачки золистых горизонтов, чередующиеся с пластами глиняных засыпок или кирпичных выкладок. Стены сооружения местами прокалены докрасна.

Со временем происходит четвертая перестройка — надстраивается стена центрального сооружения и реставрируются оплывшие стены помещений в северной части комплекса. После этих перестроек продолжается накопление золистых горизонтов, которые сохранились вокруг центрального сооружения. Характерно, что горизонты золы и пепла заполняют все свободное пространство помещений и коридоров между центральным сооружением и внешней стеной. Зольники, как правило, насыщены костями барана, битой посудой; есть некоторое количество мелких зернотерок.

Последняя, пятая, перестройка заключалась в том, что весь комплекс, окруженный квадратной стеной и забитый доверху слоями золы и земляных присыпок, был заложен сверху сырцовым кирпичом на толстом глиняном растворе. Что находилось на верхней площадке этого громадного квадратного подиума — судить трудно. На юго-восточном углу квадрата вплотную к стенам входного помещения возводится новый комплекс комнат и коридоров (30×20 м). На полу почти всех помещений тоже находились крупные зольники, прослоенные обожженной или необожженной глиной. В некоторых местах встречены следы настоящего пожара.

Стены помещений последнего строительного периода на комплексе обрушиваются и оплывают. В это время во входном помещении его разжигается одно из последних кострищ (диаметром около 3 м). На его пепелище были уложены кости взрослого человека головой на запад. Кости оказались вмяты в золу, но не обгорели, хотя и были очищены от мягких покровов. Многих костей не хватает, а залегание их условно соответствует анатомическому порядку. При разборке кострища в нем также были найдены фрагменты битой посуды и кости домашних животных, в том числе анатомически целый ряд позвонков барана, лежащий в погах костяка. Все это перекрывала оплывшая глиняная насыпь. Данное захоронение близко по обряду к погребениям-кенотафам Куюмазарского могильника.

Керамический комплекс Сеталака I может быть датирован в пределах IV—V вв.

Судя по характеру отложений, обряд, проводимый на комплексе, заключался в возжигании большого костра и устройстве жертвенной трапезы, остатки которой вместе с посудой бросались в кострище и затем замуровывались глиной или слоем земли. Через некоторое время это повторялось, причем характер культа не менялся на всем протяжении функционирования комплекса. Поражает громадное количество костей мелкого рогатого скота из золистых прослоек.

Архитектурно-планировочная композиция второго строительного периода Сеталака I — в виде крестообразного монолитного сооружения — не единична для Средней Азии. Так, два аналогичных сооружения были обнаружены в Семиречье (Мерцисв, 1970, с. 79—92). Важно отметить, что оба семиреченских сооружения синхронны Сеталаку I и относятся к IV—V вв. Еще два аналогичных сооружения раскопаны в Фергане (Горбунова, 1972, с. 13). Любопытно отметить, что аналогичная планировка (в виде восьмилепестковой розетки) зафиксирована на известном капище Перуна близ Новгорода, разрушенном в X в.: там этот контур имел ров, окружающий центральное круглое возвышение, на котором находились идол и жертвенник (Седов, 1953). Наконец, очень много общего обнаруживает ранне-средневековое (V—VIII вв.) культовое сооружение Ак-Тесе в Ташкенте (Филанович, 1973). Отметим, что на этом памятнике встречены два погребения: первое — мужчины в яме, относящееся ко времени функционирования объекта; второе — коллективное захоронение костей во внешней стене, совершенное уже после его функционирования. Близким по семантике и особенностям конструкции к перечисленным сооружениям является здание (V—VII вв.) близ Кафир-Калы под Самаркандом (Шишкина, 1961; Нильсен, 1965). Наконец, в Хорезме, на Канга-Кале и Куня-Уазе, в жилых комплексах находились специальные помещения, в центре которых на постаменте разжигался огонь, а вокруг были уложены очищенные от плоти кости;

рядом же были найдены фрагменты статуарных оссуариев (Рапопорт, 1971, с. 76—81). Предполагается, что они оставлены хионитами-эфталитами (Толстов, 1962, с. 229).

Таким образом, перед нами группа синхронных памятников, объединенных общей планировкой, связанной с солярной символикой, ритуальным возжжением огня, мемориальным характером сооружения, определяемым культом предков (см. таблицу).

Грандиозный культовый памятник раннеантичного Хорезма — Кой-Крылган-Кала — свидетельствует о слиянии идеи сакских мавзолеев с культом земледельческих хтонических божеств Сиявуша и Анахиты. Этот памятник сочетал в себе две функции: был мавзолеем и храмом одновременно (Рапопорт, 1971). Позже обычай кремации в Хорезме и низовьях Сырдарьи исчезает и замещается зороастрийским погребением костей в оссуариях. В Согде, Чаче и Фергане захоронения в оссуариях получают распространение с III—IV вв., сменяя практиковавшиеся до этого трупоположения, и господствуют вплоть до замены их повсеместно мусульманским обрядом погребения. В IV—V вв. происходит и выявленное в рассмотренных сооружениях распространение обряда возжжения огня при останках с трапезой, что указывает на некоторую реставрацию архаических обрядов кремации и связанных с ними представлений. Но проявление этих представлений резко отличается от древнего обычая сжигания мавзолеев в Приаралье. Сооружения сохраняют солярную семантику планировки и имеют интенсивные следы возжжения кострищ, но в большинстве случаев огонь сопровождается уже очищенные от плоти кости (Сеталак I, Канга-Кала, Куны-Уаз). На сооружении у Кафир-Калы кости в оссуариях лишь окуривались дымом кострищ, горевших ввиду. Лишь на Кзыл-Кайкар-Тобе (Семиречье) зола сопровождает трупоположение.

О том, что ритуальное возжжение огня в это время сопровождало уже зороастрийский обряд погребения костей, в отличие от архаического обряда трупосожжения, свидетельствует своеобразное курганное погребение, открытое недавно А. Р. Мухамеджановым в северо-восточной части Бухарского

Объекты	Солярная символика плана	Следы ритуальных кострищ	Свидетельство погребального культа
Сеталак I (IV—V вв.)	Крестовидное сооружение в квадрате внешней стены	Масса зольников вокруг центрального сооружения	Погребение костей на кострище
Ак-Тепе (V—VIII вв.)	Крестообразный контур угловых башен и внутренних помещений по диагонали квадратного ядра сооружения	Множество зольных и органических слоев	Отдельные погребения; сообщение источников о поклонении сожженному праху предков в специальном здании
Кзыл-Кайкар-Тобе (IV—V вв.)	Крестовидное сооружение в прямоугольнике внешних стен	Пепел в специальных ямах и нишах с жаровней в камере	Костяк воина в камере
Здание у Кафир-Калы (V—VII вв.)	Внутренние помещения образуют крест в квадрате внешнего контура по диагонали	Особенности конструкции помещений нижнего этажа типа топочной камеры и следы интенсивного горения в нем	Оссуарии с костями на верхнем этаже
Фергана (IV—V вв.) Канга-Кала, Куны-Уаз	Крестовидное в плане сооружение —	— Зольник на постаменте в центре помещения	Остатки глухой камеры (пустой) Кучки сложенных костей и обломки оссуариев

оазиса и датированное эфталитской монетой. На дне обширной могильной ямы было по кругу уложено несколько десятков черепов со следами ткани. Сверху разведено громадное кострище. Кости были обожжены дочерна и вместе с кострищем присыпаны землей. Выше также лежало некоторое количество черепов с меньшими следами огня. Немного выше засыпки ямы имелся еще ряд черепов, по необожженным.¹ Всего в кургане было захоронено более 50 мужских и женских черепов; два из них — детские. Встречены были и отдельные длинные кости скелетов. На Сеталаке I, надо полагать, проводились поминальные возжигания огня с трапезами. Возможно, это сопровождалось выставлением урны с прахом на верхней площадке, аналогично ритуалу, отмеченному источником для района Ташкента.

Появление рассмотренных памятников, представляющих собой сооружения поминального культа, неразрывно связанного с культом огня и солнца, сочетающегося, однако, в Согде и Хорезме с зороастрийским обрядом очищения костей, относится к IV в. В это же самое время повсеместно в керамике Согда наблюдается распространение ряда особенностей, свойственных керамике каунчинской культуры. Отметим, что к началу IV в. относятся и первые сообщения о появлении хионитов в Согде.

Таким образом, поминальные храмы с возжиганием огня и каунчинские призраки в керамическом производстве являются существенными особенностями хионитско-эфталитского этнокультурного комплекса в Согде. В серии усадеб на периферии оазиса он представлен в более или менее чистом виде, а в культурных напластованиях ранних городищ выявлены следы его сильного влияния. Однако очень быстро две названные традиции совершенно сливаются и различия их пивелируются. Это хорошо прослеживается, в частности, в керамических материалах более поздних поселений изученной группы, переходящих выше по Зеравшану в укрепленные раннесредневековые усадьбы, а также в типологии керамики V—VII вв. Рамиша и Ромитана. Результатом окончательного слияния было появление самобытной раннесредневековой культуры Согда. Источники упоминают о поклонении огню у эфталитов и о существовании у хионитов обряда сожжения останков умершего. Симптоматичен в этом отношении факт, что древний проток Зеравшана, в нижней части которого возникают указанные поселения, в средние века назывался Хитфар, т. е. носил имя эфталитского царя Гатифара, который, по Фирдоуси, дал генеральное сражение тюркам, приведшее к гибели его государства в районе Бухары.

ЛИТЕРАТУРА

- Горбунова Н. Г. В древней Фергане. Ташкент, 1972.
 Гулямов Я. Г. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. — ТИИА АН УзССР, 1956, вып. VIII.
 Зеймаль Е. Рапсодийские монеты с изображениями Геракла и Зевса. — СГЭ, 1973, вып. XXXVII.
 Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н. э. — ТХАЭЭ, 1971, т. VII.
 Мерциев М. С. Поселение Кыл-Кайкар-Тобе I—IV веков и захоронение в нем воина IV—V века. — В кн.: По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.
 Нильсен В. А. Кызыл-Кыр. — ИМКУ, 1959, вып. 1.
 Нильсен В. А. К вопросу о назначении согдийского здания около Кафир-Калы под Самаркандом. — ИМКУ, 1965, вып. 6.
 Обелъченко О. В. Захоронение костей в хумах и оссуариях в восточной части Бухарского оазиса. — ИМКУ, 1959, вып. 1.
 Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. М., 1971.
 Седов В. В. Древнерусское языческое святилище в Перыни. — КСИА, 1953, вып. 50.
 Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
 Филатович М. И. Древний Ташкент. Ташкент, 1973.
 Шишкина Г. В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. — ИМКУ, 1961, вып. 2.

¹ Автор благодарит А. Р. Мухамеджанова за любезное предоставление информации.

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ГОРОДА И СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО СОГДА

Для понимания специфики города необходимо его сопоставление с синхронной деревней. Иначе трудно понять, что было характерно для любого поселения определенной эпохи, а что для города. Сельские поселения планомерно изучаются в Хорезме. В недавно вышедшей книге Е. Е. Неразик (1976) подводятся итоги этих работ на материале большого хронологического диапазона — с I по XIV в. Но в Хорезме, за исключением Топрак-Калы, нет города, где бы велись археологические работы в достаточно больших масштабах. Иначе обстоит дело в Согде. Здесь преобладает городская археология, но и здесь на значительной территории раскопано всего лишь два памятника — Пенджикент и Афрасиаб. В сельской местности начато исследование нескольких замков в районе Пенджикента — Ак-Тепе (раскопки А. Исакова), Батур-Тепе (А. М. Мандельштам), Фильмандар (А. Исаков), Кафир-Кала близ Самарканда (Г. В. Шипкина) и др. Работу по обследованию сельских памятников Самаркандской области проводит О. М. Ростовцев (1973, 1975). С. К. Кабанов уделил большое внимание изучению сельских поселений Южного Согда в V—VI вв. (1966). Из всех подвергавшихся исследованию замков в Южном Согде целиком раскопан только один — Аул-Тепе (Кабанов, 1958). Раскопки замков показывают, что они являлись жилищами землевладельческой аристократии.

Однако жилища сельского рядового населения оставались почти неисследованными, хотя в долине Кашкадарьи на некоторых тепе раскопаны отдельные помещения, относящиеся к рядовой застройке, но структура этих поселений пока неясна. В Калаи-Муге, на р. Магиане, Б. Я. Ставским раскопан крестьянский дом V в., паходящийся на склоне тепе (Ставский, 1961). До последнего времени мы не имели согдийского села, вскрытого на достаточно большой площади, которое можно было бы сопоставить с согдийским городом раннего средневековья, чья структура исследуется в Пенджикенте в больших масштабах. В 1974 г. эта лакуна согдийской археологии была в определенной мере заполнена, когда Ю. Якубов завершил раскопки Гардани-Хисора, древнего селения Мадм, находящегося близ современного селения Мадм Айнинского района Таджикской ССР. Название этого селения упоминается в документе Б-12 Мугского архива (Юридические документы. . ., 1963, с. 155—156).

Мадмское поселение по своей структуре было двухчастным и состояло из дворца правителя и собственно поселения. Они разделялись улицей. Поселение с двух сторон окружено обрывами, а с юга и запада — оборонительной стеной с внутренним коридором (Якубов, 1975а). На поселении раскопаны 22 дома, но, учитывая, что часть его погибла в результате обвала, автор раскопок, Ю. Якубов, предполагает, что в селении проживало 30—35 семей. Древний Мадм был связан с Пенджикентом, ибо входил в домен Деваштича — правителя Пенджикента. Как и в Пенджикенте, на поселении Мадм, и во дворце правителя, и в собственно селении, прослежены слои пожаров, связанных с событиями 722 г. (время последней войны арабов с Деваштичем).

Здесь мы имеем очень редкий случай точной синхронности сравниваемых поселений. Исследование согдийской деревни начала VIII в. обогащает наше представление о городе того же времени и помогает лучше понять его специфические особенности. Общим для города и сельского поселения было наличие оборонительных стен; сплошная застройка примыкающими друг к другу домами с выходами на улицу (и в городе, и в деревне строительным материалом служила необожженная глина); наличие цитадели, где паходился дворцовый комплекс; дислокальность заселения. Ни в городе, ни в селе нет места для садов и огородов, для содержания скота. Это, видимо, находит объяснение в особом укладе жизни, сохранявшемся до недавнего времени в городах и кишлаках

ряда районов Средней Азии. Данный обычай исследован О. А. Сухаревой (1976). В летнее время население городов перемещалось в загородные усадьбы, а из кишлаков — в сады и на летовки. Скот содержали круглый год не при жилищах. Очевидно, так же обстояло дело в древнем Пенджикенте и Мадме.

Но в то же время между городом и селом выявляется больше различий, чем сходства. В селе на цитадель приходится значительная часть площади (в Мадме дворец занимает примерно треть селения). Сельское поселение в полном смысле слова находится у подножия замка, а в городах цитадель занимает незначительную часть городской территории или стоит отдельно. Этот формальный признак, вероятно, отражает существенное социальное различие между городом и селом. Мадм был владельческим селом. Документы Мугского архива содержат ясные свидетельства зависимости сельских жителей от феодалов. Так, в документе Б-7 мадрешкатский государь пишет кштутскому: «И, господин, (у меня) с паргарцами. . . распря, ибо, господин, они сюда прибыли («спустились») и, господин, ни днем, ни ночью не прекращали работы и (исполнения) приказа. Но (затем) многие из них убежали. И, господин, я обращаюсь (к тебе) со следующим: те люди, которые убежали, — ты их так прикажи задержать, чтобы они тебя боялись, чтобы, господин, твоего («государя») приказа слушались. Ибо, господин, из них (почти) все убежали и, господин, здесь (сейчас) не более чем 7 человек» (Юридические документы. . ., 1963, с. 172—173). От Мадрушката до Кштута расстояние около 150 км. Из Кштута в Мадрушкат посылались люди, подчиненные государю Кштута, для выполнения каких-то явно принудительных работ на мадрешкатского государя. В другом документе содержатся данные о наборе людей по 2—3 человека от селения, видимо, для отправки на работы (там же, с. 149). Всего в этом документе упомянуто 9 человек из четырех селений. Из мугских документов следует, что крестьяне горных селений платили оброки зерном, фруктами, кожами. В документе В-9 имеются определенные указания на посылку одним феодалом другому людей для выполнения повинностных работ. «И так сделай: тех людей быстро сюда пришли, а (также) и работников», — пишет рустский государь Афарун некоему Зкатчу (там же, с. 157—159). В. А. Лившиц считает, что в этом документе термин, которым названы работники, обозначает, по-видимому, не работников вообще, а крестьян, посылаемых на повинностные работы. В других документах Мугского архива, содержащих упоминания о посылке крестьян из определенных селений или районов для выполнения каких-либо работ, крестьяне именуются обычно *p'β* или *mrtymkt* — «люди» (там же, с. 159).

Следует отметить, что владения Афаруна находились неподалеку от Самарканда; резиденция была в 15 км от него (Юридические документы. . ., 1963, с. 116—119), т. е. в равнинном Согде. Здесь также зафиксированы многочисленные поселения эпохи раннего средневековья с четко выделяющейся обширной цитаделью, так называемые тепе с площадкой. К сожалению, ни одно из них в Центральном Согде в достаточной мере не раскопано. В Южном Согде полностью раскопан замок Аул-Тепе V—VI вв., у подножия которого, как считает С. К. Кабанов, «выявлены признаки современного ему поселения, возможно жилищ подвластных владельцу замка людей и хозяйственных помещений» (1958, с. 53).

Раскопки производились также на нескольких тепе с площадкой, но вскрытая территория недостаточна, чтобы судить о плане в целом. К планировке Мадма — замок правителя, окруженный селением, в свою очередь обведенным оборонительной стеной, — близки «большие замки» афригидского Хорезма, из которых на значительной площади раскопан Якке-Парсан (Неразик, 1976, с. 176, рис. 105). В Якке-Парсане дощик с жилищем владельца занимает центр поселения, вокруг него по периметру располагалось около 30 скромных жилищ, очевидно подвластных владельцу крестьян. Е. Е. Перазик полагает, что в Якке-Парсане проживала большесемейная община. Она пишет: «Во внутренней застройке замка различаются изолированные секции, предназначенные, видимо, для обитания отдельных малых семей,

составляющих большесемейную общину. Каждая из таких секций обязательно включает складское и жилое помещение, причем последние во всех случаях совершенно однотипны по плану. Эта особенность расположения комнат, присущая, кстати, не только планировке Якке-Парсана, но и других хорезмских памятников VII—VIII вв., дает некоторое представление о структуре большой семьи-кеда афргидской эпохи и позволяет заключить, что каждая малая семья, входившая в состав общины, получила уже известную долю хозяйственной самостоятельности» (Перазик, 1963, с. 38). Однако трудно себе представить, чтобы близкие родственники владельца крупнейшего замка Хорезма довольствовались скромными крестьянскими домами, подобными жилищам рядовых горожан Гардани-Хисора. И по противопоставлению архитектуры жилища господина домам подвластных крестьян, и по числу домов крестьян Якке-Парсан и Гардани-Хисор представляются поселениями одного типа.

Наряду с владельческими селениями в Согде были небольшие селения без цитадели. Одно из них, Таш-Геше, V—VI вв., расположенное в долине Кашкадарьи, раскопано приблизительно на треть. Площадь, занятая под поселение, — 625 м². Поселение было застроено небольшими домами. В центре его находился двор, который служил загонем для скота (Кабанов, 1966, с. 59—62). Но не такие селения доминируют в археологическом ландшафте Согда. Его территория буквально усеяна тепе с площадкой. О. М. Ростовцев отмечает наличие более 1500 памятников в Самаркандской области (1975, с. 98—102). Многие из них, по его данным, имеют слои, относящиеся к раннему средневековью. Видимо, признак доминирования резиденции владельца над селением, так четко прослеженный в Гардани-Хисоре, был характерен для большинства селений раннесредневекового Согда.

Иначе обстоит дело в городе этого времени. Цитадель Пенджикента отделена от города глубоким оврагом, в Бухаре цитадель также находится вне стен домовусульманского города. На Афрасиабе цитадель хотя и лежит внутри города, но занимает весьма незначительную часть его территории. Все это свидетельствует, вероятно, о большой самостоятельности горожан.

Другим серьезным различием между согдийским городом и селом, зафиксированным при археологических раскопках, является натуральность хозяйства деревни и развитость товарно-денежных отношений в городе. В Гардани-Хисоре нет ни одной специально оборудованной мастерской или лавки. И во дворце, и на поселении найдено всего лишь 6 монет. Как известно, улицы Пенджикента первой четверти VIII в. были окаймлены десятками лавок и мастерских, в которых велась мелкая розничная торговля. При раскопках Пенджикента в жилищах и торгово-ремесленных постройках найдено более 4000 монет. Экономическая структура согдийского города определялась взаимоотношениями производительного и непроизводительного населения. Городские ремесленники свободно реализовывали на рынке продукт своего труда, но они зависели от городских землевладельцев, сдававших в аренду лавки и мастерские, а платежеспособный спрос на их изделия в значительной степени обеспечивался наличием в городах богатой знати с ее воинскими отрядами и слугами. Таким образом, рядовое торгово-ремесленное население всецело зависело от городской знати. И в городе, и в деревне господствовала знать, но господство это осуществлялось по-разному. Если в городе существовала экономическая зависимость, то в деревне, по-видимому, большую роль играло внешнеэкономическое принуждение. Сложность социально-экономических отношений в городе нашла свое отражение в структуре городской застройки. Для Пенджикента характерна четкая дифференциация по функциям как отдельных помещений каждого дома, так и целых «районов». Имелись два храма с обширными дворами, где могли собираться все горожане, выделяются торгово-ремесленные ареалы, наблюдается выделение участков жилой застройки по социальному признаку.

В городе каждое жилище имело дифференцированный план. Даже в жилищах ремесленников, как правило, выделяются специальные парадные по-

мещения. Жилища горожан в большей или меньшей степени по планировке и декору напоминают дворец правителя Пенджикента. Около трети домов из раскопанных было украшено живописью, что свидетельствует о наличии в городе многочисленного патрициата и подражающего ему в образе жизни слоя зажиточных горожан. Следует отметить, что технический уровень строительных работ одинаков в постройках разных социальных слоев. Иную картину мы наблюдаем в Гардани-Хисоре. Здесь нет храмов, нет общественных зданий. Замок владетеля чрезвычайно похож по дифференцированному плану, строительной технике, декору на богатое жилище Пенджикента, а все остальные жилища резко отличаются от резиденции феодала и от городских домов. В одноэтажных домах Гардани-Хисора насчитывается от одного до четырех помещений, причем обязательно наличие помещения со специальными отсеками для хранения продуктов. Такие же отсеки, но больших размеров, имелись в хозяйственных помещениях дворца. Для крестьянского дома более раннего времени, раскопанного Б. Я. Стависким в Калай-Муге, также характерно членение на жилую и амбарную половину. Для каждого деревенского дома обязательны очаги, пригодные для выпечки хлеба. В городских жилищах такого рода отсеки для хранения зерна и других продуктов и очаги для выпечки хлеба редки. Но в Пенджикенте на базарной улице раскопаны мастерские по выпечке хлеба на продажу. В нем в одном из жилых домов первой четверти VIII в. исследовано зернохранилище приблизительно на 1000 пудов пшеницы; его объем явно превышает потребности семьи, что позволяет считать это зернохранилище товарным складом. Для Гардани-Хисора характерны однокомнатные дома площадью до 50 м² с разделением единственного помещения на жилую и хозяйственную половину; в последней имеются отсеки для хранения запасов продовольствия. Сельский дом горных районов недавнего прошлого во всех основных чертах похож на дом начала VIII в., что связано с консервативностью уклада жизни села. Пенджикентский городской дом не находит сколько-нибудь полных аналогий в исследованных этнографами жилых домах городов Средней Азии.

Пенджикент и горное селение Мадм — как бы два полюса социальной жизни раннесредневекового Согда. Для полного понимания жизни общества того времени необходимо исследовать сельские поселения в равнинном Согде, где хозяйство могло быть менее натуральным, чем в горах. Неясно, что представляли собой — городок или замок с селением — такие известные памятники, как Варахша, Тали-Барзу или Кафир-Кала близ Самарканда. Площадь, занятая под селение, является слабым критерием для выяснения характера застройки. Пенджикент без цитадели занимает всего 13,5 га; в нем жило не более 4000 человек, но это был город, поскольку основное отличие города — сложная дифференциация хозяйственной и общественной жизни, которая отразилась в характере застройки. Варахша или Тали-Барзу примерно вдвое меньше Пенджикента, но, как их классифицировать без значительных раскопок, остается неясным.

Тали-Барзу и Кафир-Кала по планировке напоминают владельческое селение — в обоих случаях центр поселения занят мощной цитаделью, а жилые кварталы тянутся вдоль стен, хотя в Кафир-Кале было развитое ремесленное производство (квартал гончаров). Как разграничивали город и деревню сами согдийцы? Их взгляды, возможно, отразились в местных традициях, зафиксированных более поздними источниками. В IX—X вв. городом считалось поселение, имеющее соборную мечеть. Наршахи сообщает, что жители Варахши в IX в. отказались от предложения Исмаила Самани на льготных условиях построить соборную мечеть. «Амир Исмаил Самани позвал людей этого селения и сказал: „Я дам 20 тысяч дирхемов и лес и приму на себя работы по постройке, — некоторая часть здания еще стоит, — перестройте этот дворец в соборную мечеть“. Люди селения не пожелали этого и сказали: „Нашему селению это не подобает, так как оно не миср“, т. е. вообще «не город» (Шишкин, 1963, с. 82). Варахша, как отмечает Мукаддаси, относилась к тем селениям, которые «больше городов» и которым, «чтобы быть городами,

недостает только соборной мечети» (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 164—165). Интересно, что жители Пайкенда заняли прямо противоположную позицию. Мукаддаси пишет: «И сколько пришлось помучиться жителям Пайкенда, прежде чем они установили мимбар», т. е. построили соборную мечеть и обесценили себе статут города. Такое различие во взглядах населения Варахши и Пайкенда может быть объяснено тем, что в доисламское время Пайкенд был самостоятельной городской общиной — городом купцов, а Варахша — загородной резиденцией могущественных бухар-худатов. Арабские источники называют городом и Пенджикент, в котором, как показывают документы с горы Муг, также существовала городская община. Проблема специфики согдийского города сейчас только намечается, и для ее разработки необходимы широкие раскопки хотя бы одного крупного селения равнинного Согда.

ЛИТЕРАТУРА

- Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Кабанов С. К. Согдийское здание V в. н. э. в долине р. Кашкадарья (Узбекистан). — СА, 1958, № 3.
- Кабанов С. К. К изучению аграрного строя Согда в V—VI вв. — СА, 1966, № 3.
- Неразик Е. Е. Раскопки Якке-Парсана. — МХЭ, 1963, вып. 7.
- Неразик Е. Е. Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М., 1976.
- Ростовцев О. М. Изучение сельских поселений самаркандского Согда. — В кн.: Тез. докл. сессии, посв. итогам полевых археол. исслед. 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973.
- Ростовцев О. М. Изучение сельских поселений самаркандского Согда. — ИМКУ, 1975, вып. 12.
- Ставиский Б. Я. Работы Магиапской группы в 1958 г. — Археологические работы в Таджикистане, 1961, вып. VI.
- Сухарева О. А. Традиции сочетания городских и сельских занятий и формы связи горожан с рынком в Средней Азии конца XIX—начала XX в. — В кн.: Бартольдские чтения, 1976. Тез. докл. и сообщ. М., 1976.
- Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.
- Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В. А. Лившица. Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. М., 1963.
- Якубов Ю. Результаты археологических работ на поселении Гардани-Хисор. — В кн.: Тез. докл. сессии, посв. итогам полевых археол. исслед. 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973.
- Якубов Ю. Отчет Зеравшанского археологического отряда за 1971 г. о раскопках дворцового комплекса Гардани-Хисор в селении Мадм. — Археологические работы в Таджикистане, 1975а, вып. XI.
- Якубов Ю. Поселение Гардани-Хисор. — АО 1974 г., 1975б.

Л. И. Ремпель

РАНИЕСРЕДНЕВЕКОВАЯ ЖИВОПИСЬ СРЕДНЕЙ АЗИИ

(Некоторые проблемы теории и методики)

Открытие настенной живописи в Средней Азии и последовавшая ее публикация в большом количестве книг, альбомов и статей требуют дальнейшего изучения, что упирается в ряд методологических трудностей теоретического характера. На некоторых из них мы хотели бы остановиться подробнее.

Границы ремесленных школ раннего средневековья не всегда совпадают с границами художественных школ в живописи Согда, Уструшаны, Тохаристана. Можно полагать, что буддийские монастыри создали свои островки культурного искусства. Они как бы вырывались из контекста культуры городов и принимали даже другое направление. Поэтому живопись монастырей и светская живопись существенно различались между собой (как и светское инакомыслие от той или иной религиозной системы), хотя обе составляли как бы одно культурное целое, которым отличалась эпоха и вне которого было бы невозможно воссоздать ее художественный стиль.

Язык искусства, его красочные средства становятся понятными лишь тогда, когда язык форм приводится в соответствие с содержанием. По понять содержание живописи нельзя только по сюжету. Важна и форма выражения этого сюжета. Уже в том, какой для этого избран жанр живописи и насколько он отвечает потребностям эпохи, раскрывается идейное содержание искусства. Но нет ничего труднее, как определить идею, лежащую в основе данного произведения, ее истоки и меру результата, достигнутого художником.

Место живописи в культурной жизни общества диктует определенные жанры. Изображение индивидуальных черт человека невозможно без портретного жанра, а тот присущ не каждому искусству. То же касается форм и средств типизации общественных явлений, будь то придворная среда или сообщество горожан, поставленных в условиях определенной политической системы. Символы религиозного значения, массово-народные обозначения, геральдика знати составляют, казалось бы, проявления разных жанров искусства и присущи разной социальной среде. Но они были доступны пониманию каждого человека и, следовательно, входили в систему культуры общества. Стиль жизни и художественный стиль перекликались, находя в разных жанрах отражение разных сторон и интересов эпохи.

Абсолютная дата и дата реализации «потребления» художественных произведений, в том числе и настенной живописи, могут расходиться. Это доказано не раз в отношении художественных произведений, изготовленных уже, когда данный стиль угас и служил только напоминанием о прошлом. В том, что «старый стиль» появляется спустя одно-два столетия, отрываясь от породившей его среды, нет ничего странного. И наоборот, некоторые художественные явления как бы опережают свое время, предшествуют ему. Предвидение грядущего в искусстве вообще не исключено, но то оно и искусство. Творческое озарение, как и всякое открытие, предшествует новизне. Может быть, в этом факторе, чисто психологическом, заключается и ответ на то, почему многие признаки искусства эпохи Кушан заключены еще в произведениях художников Греко-Бактрии, почему согдийское искусство вызывает к искусству эпохи Кушан, а искусство первых веков ислама восходит к искусству сасанидского времени и времени расцвета живописи Согда.

Были тому социально-экономические и культурно-исторические причины. К числу причин замедленной или ускоренной реакции относится способность искусства переживать свое время или предчувствовать, предвосхищать эпоху перемен. Она ставит в тупик строгих приверженцев абсолютных дат, как якобы единственно достойных внимания исследователя, пренебрегающего всеми другими обстоятельствами, при которых данная художественная идея обрела силу и мощь, став объектом воплощения в настенной живописи или другом виде искусств.

Традиция не имела бы силы, если бы не опиралась на постоянное сравнение прошлого и настоящего, если бы не сопоставлялись мечты о лучшей доле с реальным положением вещей. Традиция позволяла людям опираться на опыт прошлого. Это относится и к традициям в живописи. В ней было то же вековое стремление к почитанию определенных образов, владевших сознанием и эстетическим чувством прошлых поколений. Все, что подлежит почитанию: культ верховной богини, пантеон божеств, царственный род предков, — подвергалось строгой регламентации. Это сказалось и на иконографии лиц, канонах композиции фигур и на самом отношении предстоящих к предмету своего почитания.

Отсюда не только в буддизме, где художественный и этический идеалы воплотились в образе Будды, но и во внебуддийской практике сторонников зороастризма и ряда местных культов самое живое, подвижное, верное наблюдение жизни, а не следующее только религиозной догме, связано с изображением предстоящих. Аналогичное явление имеем и в западноевропейской художественной практике. Это могли быть служители культа, дароносцы или молящиеся, но во всяком случае люди, а не божества, люди, наделенные всеми присущими каждому человеку чертами физического и духовного облика.

Уже в искусстве Среднего Востока античного времени это свойство доминирует в живописи. Позже, в раннем средневековье, предметом индивидуализации стали именно эти, казалось бы, малосущественные для композиции лица, в то время как божества иссушались и канонизировались все более. Это так похоже на средневековый Запад, где индивидуализация коснулась самих божеств, наделенных уже чертами человека, все еще идеального, но более близкого земным заботам. В Средней Азии в основу композиции легло движение фигур; оно стало неслучайной и отличительной чертой многих произведений настенной живописи Самарканда, Пенджикента, Уструшаны, стало предметом художественных поисков для живописцев средних веков. Успехи в композиции их картин были огромны: достаточно вспомнить в росписи Афрасиаба фигуру путника, стягивающего тук с товарами, упершись в него босой ногой, фигуру, петипящую для местной живописи раньше. Но если художники и дали толчок новому пониманию живописи, то этим они обязаны той же традиции. Это она побуждала их следовать старым схемам на новый лад и держаться этих схем ради выразительности содержания, весомости его смысла в новую эпоху, а не ради своего рода «искусства для искусства» и повизны стиля.

Новое искусство раннего средневековья отличается, таким образом, от искусства античного времени не иконографией божеств (здесь была преемственность), языком форм и даже не господством того или иного приема, а в основном содержанием живописи, получившей новый стимул для своего развития и новые цели.

Старые рамки иконографии типов и многие композиционные схемы перешли из античного времени в раннее средневековье, отозвались в миниатюре XIV—XVI вв., по смысл их и образное осмысление мечты — сперва религиозного еще содержания, потом эпического и фольклорного, а затем и лирико-романтического — стали со временем шире. Многие космогонические и религиозно-нравственные мотивы перешли в область художественной литературы и, не теряя своего религиозного предназначения, стали слагаемым художественных образов эпохи, ее искусством в самом широком и глубоком смысле.

Надо признать, что в каждую из эпох имелся ряд манер даже в пределах одной художественной школы. Существование «стиля эпохи» играет лишь роль определенного обобщения, когда некоторые манеры могут выражать нечто для них общее и основное. Известный стандарт еще в какой-то степени возможен для керамики и теревтики (хотя и здесь рядом исследователей его значение преувеличено стремлением все классифицировать по частным признакам ремесла). Для живописи, с ее преобладанием творческого начала над ремесленным навыком, такая стандартизация искусства вообще исключена. Образы искусства меняются постоянно под влиянием творческого замысла и мировоззрения определенного художника, его почерка и творческого лица, конкретизирующих общие художественные тенденции эпохи.

Представление о том, что древний и средневековый мастер творил только по образцу и что эти образцы образуют непрерывную цепь явлений, связанных развитием стиля, и что эту цепь надо восстановить, подогнав все звенья одно к другому, по логике развития форм едва ли оправдано. Стремление исследователей навести таким образом в этом кажущемся скоплении явлений некий логически доказуемый порядок в достаточной мере эфемерно. Если исследователь, историк искусства, расставляет предметы хронологически только по признакам стиля (от пластичности к живописности или графичности, по степени декоративности), он рискует оторваться от фактов. Факты, прикрепленные к определенной дате, нуждаются в группировке не для того, чтобы навести внешний порядок в последовательности зафиксированных явлений, а для того, чтобы уяснить себе доминанту этих явлений, движение процесса в целом, его составные части и взятый художниками эпохи курс. Раскрытие одних формальных признаков — манеры мастера — становится недостаточным. Каждое явление стиля, даже противоречившее, казалось бы, общему

движению искусства, имеет свое реальное объяснение. Нет необходимости исключать его из данного процесса или переносить по воле исследователя совсем в другую эпоху только потому, что оно соответствует манере-направлению, получившему преобладание в другой среде, в другое время или в другом образе. Это относится ко всем видам искусства, в частности к живописи.

Еще один вопрос требует ясности. Можно ли тот или иной стиль или направление в искусстве считать более или менее высоким по сравнению с другим стилем? Так, искусство империи Сасанидов выше или ниже искусства империи Ахеменидов, живопись Согда выше или ниже живописи времени Кушан, искусство романского средневековья выше или ниже Ренессанса и т. д.? Этот вопрос поднимался на страницах печати не раз, и делалось заключение, что все это «выдумка искусствоведов», ибо каждое искусство хорошо по-своему. Мы согласны с тем, что каждая из эпох творит в искусстве нечто новое и что этим она и ценна для последующих поколений в культурно-историческом отношении. Но из сказанного не следует, что отдельные виды и жанры искусства в каждую из эпох стояли на равной высоте и что, следовательно, высота их стиля вообще надумана. Развитие вазовой живописи в античности несопоставимо с расписной керамикой ранних цивилизаций, греко-римское искусство во всех его видах и жанрах несопоставимо со скифским «звериным» стилем, хотя греко-римский мир знал и свой жанр зооморфных изображений, которым его искусство пользовалось очень широко.

То же можно сказать и о монументальной живописи Средней Азии в античное время и в пору раннего средневековья. Какое из них выше — зависит от нашего отношения к наследью, от критерия отбора тех или иных качеств (формы образительности, степени декоративности, искомой условности и т. д.). Вместе с тем нельзя отрицать и самого факта мифологичности и светской линии в древней живописи, преобладания эпического начала и сказочности в раннем средневековье, романтического сюжета в более поздних миниатюрах. По-видимому, каждая из этих эпох дала простор именно своему жанру и связанным с ним содержанию и стилю изображений.

Это касается и нашей эстетической оценки явлений, которая не может быть ни безразличной к искусству разных эпох, ни отдающей предпочтение тому или иному стилю только потому, что он отвечает требованию, скажем, реализма и правильного отражения сущего. Здесь всякое пристрастие к тому или иному стилю будет шагом неверным, но считать, что степень развития искусства, его жанров, равнозначна по своим результатам, тоже ошибочно и неверно.

Цель научного исследования не в том, чтобы отдать предпочтение определенному художественному направлению искусства прошлых лет, а в том, чтобы точнее определить его проявления в каждую из эпох на своем месте, область его воздействия на другие современные ему культуры (в этом его общеисторическое значение) и извлечь из его рассмотрения те уроки, которые были в свое время восприняты или по тем или иным причинам отвергнуты. Этим мы раскроем значение данного художественного явления для нас, не опускаясь на уровень узкого прагматизма и «пользы» для современности.

Главное — выявить то неповторимое, что придает жизненное содержание данному искусству, диктует ему и форму. Не менее важно выяснить, каковы его окружение и взаимодействие с другими внешними силами. Вне этого не понять и его собственную природу. Саморазвитие стиля лишается причин, в которых проявились сила этого искусства и его способность впитывать в себя уроки других школ, не теряя собственной природы.

Само описание настенной живописи может быть весьма скрупулезным (ведь оно подчас идет, как принято среди части исследователей, от макушек и до подошв действующих фигур!). Может оно быть и этнографически точным (по типам). Но при всем том картина — не папотикум, где выставлены для обозрения восковые фигуры. Она имеет смысл лишь благодаря своим идеям,

в том числе и художественным, в русле которых в той или иной мере проявилось искусство мастера.

Индивидуальность мастера присуща каждому истинному произведению искусства. Она в почерке, манере мыслить и представлять. Только этим можно объяснить, что в том же Пенджикенте почти каждое произведение несет отпечаток руки мастера и что индивидуальная манера художника здесь очевидна. В то же время нельзя сказать, что стиль живописи Пенджикента составляет своего рода «лоскутное одеяло», которое спорит с эпохой и тем раздражает это искусство на части. Здесь важно, не опасаясь ущерба для понимания согдийского искусства в целом, установить степень проявления индивидуальности художника, неповторимости его художественной манеры.

В этом отношении росписи Пенджикента особенно интересны — в них проявилась индивидуальность большого количества мастеров, быть может, разных поколений. Вместе с тем устанавливается, что многие из них работали в одном городе одновременно и что, следовательно, ряд манер и почерков сосуществовал во времени. Самое убедительное тому подтверждение дает настенная роспись во дворце Афрасиаба (Самарканд), где разные почерки, композиционные приемы и степень живописности или графичности рисунка применены на разных стенах одного и того же зала одновременно. Это доказывает, что индивидуальность мастера должна быть категорично принята во внимание и что попытки расставить и другие произведения искусства во времени (как произошло, например, с серебряной посудой) по манере или приему («раньше» и «позже»), на основании изгиба ветки или по другому подобному же мелочному признаку едва ли доказуемы и обоснованы. Представляя собой внешне стройную и в своей субъективности логическую конструкцию исследователя, они не гарантируют его от неточностей и ошибок.

Описание или классификацию объектов живописи, как и предметов, обнаруженных методами археологии, нельзя ограничивать и суживать до системы признаков ремесла и дат их появления. Требуется системное историко-культурное исследование всего комплекса художественных вещей и отраженных в них идей эпохи.

Выяснение значения изображений, семантики живописи поздней античности и раннего средневековья должно иметь своей целью раскрытие не только и не столько первобытного значения образа, с которым генетически ассоциируется данная вещь, но языка поэтики своего времени, запаса символов, взятых ею из прошлого и переосмысленных в данную эпоху.

Конечно, как явление искусства поэтика форм искусства прошлого неотделима от нашего впечатления и восприятия. Ведь мы судим о живописи спустя много веков. И здесь недопустимо, чтобы властвовало одно впечатление, особенно когда речь идет о былом. Для того чтобы исключить всякую предвзятость, порожденную моментом нашего впечатления, одни исследователи прибегают к «палеонтологии» образов, другие ищут ответа в религиозных толкованиях сюжета богословами той же эпохи, пытаются стать на их место. Тот и другой подход к искусству прошлого чреват опасностями: в одних случаях историю подменяют праисторией, в других — на место пауки ставят теологию, хотя она способна дать лишь одностороннюю картину истории религиозного искусства.

Важно сохранить историзм в подходе к явлениям искусства прошлого и из комплекса идей данного произведения выделить самые типичные черты. Задача историка состоит в том, чтобы из массы наблюдаемых им мелочей выбрать нечто главное, что определяло собой «дух» искусства и взятое им направление. Раскрытие эстетической системы этого искусства — основная цель. Ей подчинен и момент нашей эстетической оценки. Например, в сценах баталий заключены не только чувство восхищения победным звоном оружия, не только торжество добра над злом (факторы эпические) и не только гармония декора, радующего глаз (фактор эстетический), но и глубокая вера в то, что данное изображение лишено случайных и личных впечатлений. Эти убеждения отложились в сознании древних как нечто непреходящее по истине

и красоте своего выражения. Мы бы сказали, что здесь властвует средневековый реализм идей над реализмом материальной жизни, зависимость искусства от причин и следствий. В наши дни мы называем такой реализм идеализмом (уже в философском смысле). Но такова живопись прошлого! И, быть может, в убежденности его художников непреходящая сила их искусства.

Теория влияний и теория автохтонности, т. е. местного происхождения культур, контактируют между собой давно. Спор об этом ослаб, но время от времени он вспыхивает вновь благодаря опасению, что теория влияний может угрожать самобытности культур. Между тем влияние в искусстве, если оно не было враждебно прогрессу художественности культуры данной народности, являлось неперенным условием ее развития. Таким было влияние эллинизма на культуру народов всего Среднего Востока, пока ее развитие не пришло в столкновение с интересами развития их собственных культур. Эллинизм стал некоей нормой, направившей живопись, как и другие виды искусства этих народов, по пути позднегреческих, а затем и римских образцов. Таким же было и влияние искусства сасанидского Ирана, сперва прогрессивное (в III—IV вв.), а затем ставшее стеснительным для развития живописи Согда. Последняя пошла дальше того, что было достигнуто в искусстве Сасанидов, аккумулировав и продолжив их опыт.

В Средней Азии поздней античности и раннего средневековья влияние извне прослеживается в сюжетах живописи, ее композициях, во всех формах и средствах, как будто это заимствование было механическим переложением одного языка на другой. Редко обращают внимание на то, как эти же сюжеты переосмысливались «переводчиками», которые в старые меха (свои или чужие) вливали новое вино и заставляли его бродить по-новому (это относится, между прочим, и к басням Эзопа или к различным новеллам из «Панчататры», с которыми были знакомы в том же Пенджикенте); они зазвучали в живописи Пенджикента по-иному. В таких случаях мало констатировать влияние индийской культуры или ее иранское переложение на живопись в Согде. Здесь сам термин «взаимодействие», пришедший на смену теории влияний, не отражает сполна картину «перевода» пришлых сюжетов на местный лад. Взаимодействие предполагает новую почву, на которой искусство только и может плодоносить. В результате новое качество обязано обоим сторонам.

В этом смысле все искусство эпохи Кушан обязано как культуре древних оседлых государств Бактрии и Индии, так и культуре кочевий и было плодом их взаимодействия. Все искусство Средней Азии IX—X вв. обязано как традициям старины (сложившимся на почве Бактрии, Согда, Хорезма), так и воздействию арабского халифата Передней Азии, что и породило здесь искусство зрелого средневековья в целом.

Можно допустить и односторонние влияния, но в этом случае чаще речь идет о следовании «моде» (таково, например, следование «китайской культуре» в искусстве Западной Европы в XVIII в., а японской культуре — в конце XIX в.), но такое влияние было непрочным, оно проходило, как и всякое временное поветрие, вызванное внешним заимствованием форм. Влияние же живописи Согда на Восточный Туркестан и Китай не было временным. Оно продолжалось веками и опиралось на традицию всестороннего взаимодействия культур, и особенно буддизма, который из Бактрии-Тохаристана «транслировался» на весь Дальний Восток и, быть может, лишь отраженным эхом пропикал в Фергану.

В изучении связей художественной культуры Средней Азии и других стран меньше всего учитывают чувство прекрасного у народа. Между тем именно оно является одним из устойчивых черт каждого этноса вообще, а не язык народности (язык народности нередко уступает другим языкам вследствие политического и военного господства выходцев из других народов) и не религия верховодящих кругов (она меняется также по причинам внешним и внутренним, не исключая завоеваний). Только глубоко национальное чувство прекрасного живет в народе веками и сохраняет свою поэтическую природу,

как песня или танец на протяжении целых тысячелетий, пока этническая природа данного народа не потерпит существенных изменений. Примеров тому достаточно на почве тюркского этногенеза в Средней Азии и на степном Востоке, на Северном Кавказе или на Балканах, где каждый пришлый народ оставлял свой след и где чувство прекрасного, сложившись в определенную форму, консервировалось в народе и проявлялось в его искусстве веками, порой без существенных изменений.

Итак, монументальная живопись Средней Азии была отражением не только истории религии как обрядности и культа. Монументальная живопись (а она охватывала все стороны жизни общества) — это также показатель духовных интересов, направленных в разное время и по разному поводу в русло религии. Сказки, жития и космогонические представления о миро-здании, лежавшие в основе сказок, имевших свою фабулу, местную или заимствованную извне, сливались с древнейшей мифологией и позднейшим эпосом, образуя нерасторжимый сплав, из которого исходило дальше все средневековое искусство. Из него же продолжает черпать свои традиционные образы и народное искусство наших дней. Это говорит о необходимости не сужать тему живописи Средней Азии как исторического и художественного явления до ступени истории той или иной религии или культа, не превращать описание произведений живописи в своего рода инвентарные книги, в которых все учтено по номенклатуре вещей, но нет только определения тех художественных идей и их истоков, которым обязано это искусство.

Археологические открытия последних лет в Средней Азии имеют кардинальное значение не только для истории материальной культуры, но и для истории мирового искусства. Они открывают перспективу плодотворных исследований, цель которых одна — познание прошлого в интересах современности.

А. М. Беленицкий, Б. И. Маршак

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ЖИВОПИСИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО СОГДА

Проблема датирования настенных росписей достаточно сложна. Многие особенности живописи, которые сначала казались надежными основаниями для датировки, позднее потеряли свое определяющее значение. Например, считалось, что белый грунт и применение ультрамарина характерны только для росписей VII—VIII вв. (Костров, 1954, с. 173—188). Однако позднее выяснилось, что ультрамарин широко применялся уже при Кушанах (Ставиский, 1974, с. 103—107, рис. 80—81), а белый грунт есть в ранних росписях Пенджикента. Кроме того, отсутствие грунта — это, как правило, не особенность техники, а результат сильного размывания живописи, когда грунт растворялся, тогда как красочный слой, частично тоже размывтый, все же сохранялся, но уже не на грунте, а непосредственно на глиняной обмазке. Нельзя датировать и по такому стилистическому признаку, как наличие (или отсутствие) моделировки объемов тоном. Дело в том, что тоновая моделировка часто исчезает в ходе разрушения росписи, остается только линейный рисунок с остатками цвета. Обычно при этом сохраняется только предварительный рисунок, наносившийся до цвета. Поскольку очень часто разную сохранность принимали за различия в технике или стиле, то приходится соглашаться, что технико-стилистические признаки не должны играть главную роль при датировании росписей. Остаются археологические методы, из которых наиболее строгим является стратиграфический, хотя определенное значение сохраняет и датировка по изображенным реалиям.

Последовательность слоев подробно исследована только в Пенджикенте. В постройках Пенджикента среди находок были тысячи монет, которые

позволили почти по всему городищу выделить слой, отложившийся в первых десятилетиях VIII в. В нем наблюдаются многочисленные следы пожарниц. С достаточным основанием можно считать, что пожары связаны с известным походом арабов против пенджикентского государя Деваштича в 722 г. Выше, как правило, лежал слой продуктов размыва стен и сводов. Еще выше в ряде домов находился слой с монетами самаркандского царя Тургара, вступившего на престол в 738 г. Тогда были восстановлены многие дома, причем некоторые из ремонтных стен и обмазок старых стен были расписаны (Беленицкий, Маршак, 1973а, с. 61—63; Беленицкий, 1973а, табл. 23—34). В части зданий выделяется еще один слой с арабскими монетами. В их легендах указаны даты выпуска, доходящие до 770 г. Для этого слоя характерны как отсутствие новой живописи, так и следы нарочитого уничтожения росписей на ранее построенных стенах. Восстановление домов, видимо, связано с упоминавшейся выше примирительной политикой Насра ибн-Сейяра — примерно 740 г. (Большаков, 1964, с. 116—119), а особенности последнего слоя отражают исламизацию населения в эпоху посла Абу-Муслима (третья четверть VIII в.). Конечно, есть и такие дома, в которых слои выражены слабо, и тогда не удается установить до или после 740 г. выполнены росписи. Постройку зданий, сгоревших в 722 г., ранее относили к VII в., что и отразилось в опубликованных датах их росписей. Теперь, однако, удалось выяснить, что очень многие из домов построены примерно за 10 лет до пожара, а некоторые даже оставались незавершенными в момент пожара (объект XXI). Иногда под стенами и полами домов находили монеты конца VII в., и это помогало датировать постройки. Целый квартал (объекты III, VII), в котором сохранились росписи (неоднократно издавались), как оказалось, был полностью перестроен после сноса проходившей по его длинной оси первоначальной восточной городской стены (Беленицкий, Маршак, Распопова, 1975, с. 534). Эта стена, построенная в момент основания города, превратилась с возведением еще восточнее новой линии укреплений во внутреннюю стену. Но и оказавшись внутри города, она сохранила оборонительное значение: ее несколько раз ремонтировали и укрепляли (рис. 2). Последний ремонт датируется монетами из швов кладки. Это монеты Вархумана, правившего в третьей четверти VII в., и пенджикентского правителя Чакин-чур-Бильга, вступившего на престол не позднее 690 г. (Лившиц, 1973, с. 257).

Таким образом, все росписи объекта III, вошедшие в науку как принадлежащие VII — началу VIII в. (Живопись . . ., 1954, табл. XXIV—XXXIII), теперь должны быть датированы не ранее первой четверти VIII в. По ряду причин ко времени Деваштича должна быть отнесена и постройка дворца на цитадели, в росписях которого, видимо, отражены события второго десятилетия VIII в. (Исаков, 1971, 1975; Беленицкий, Маршак, 1973б, с. 57, рис. 5—6).

Для хронологии раннего Пенджикента большое значение имеет клад из 26 мелких серебряных монет с изображением лучника. Клад найден в одной из бойниц первоначальной городской стены. По определению Е. В. Зеймалю, монеты относятся к самым поздним сериям выпускавшихся на протяжении нескольких столетий монет с лучником. Поздние серии отделены несколькими этапами типологического ряда от монет с легендами, почерк которых близок к почерку «старых согдийских писем» (начало IV в.). Зеймаль на этом основании находил возможным предполагать (1972), что позднейшие выпуски относятся к VI и даже VII в. Итак, монеты не позволяют датировать ранний этап жизни Пенджикента. Однако приобретает особое значение то, что они были найдены в надежном археологическом контакте вместе с керамикой комплекса I.

Как же датируется ранняя пенджикентская керамика?

Если объединить близкие, но все же различные керамические комплексы, то они образуют три хронологические группы: комплексы I—II, III—V и VI (Маршак, 1964, с. 227—243; Распопова, 1969, с. 181). Обычно археологи отводят не менее века на каждую из подобных этим группам «керамических

эпох». В таком случае мы получим даты: комплекс VI—VII в., комплексы III—V — VI в. и комплексы I—II — V в. Степень различия между керамической слюей середины VII и первой половиной VIII в. была принята за примерный масштаб перемен на протяжении 60—70 лет. Если приложить такие мерки к различиям между более ранними комплексами, то окажется возможным отнести комплекс II не к V в., а к рубежу V—VI вв., но и в этом случае комплекс I приходится на V в. Конечно, подобные выкладки, несмотря на применение статистических методов, остаются неточными, однако если учесть толщину слоев с керамикой ранних комплексов и множество перестроек зданий (в частности, на время до VII в. приходится пять строительных периодов храмов и три-четыре строительных периода на разных участках городских стен) (Маршак, 1964, с. 184—216; 1975; Беленицкий, 1973б, с. 106—108; 1975, с. 121—126), то станет очевидным, что большее сокращение хронологически уже невозможно. Следовательно, позднейшая допустимая археологическая дата дляклада — вторая половина V в., что, по мнению Е. В. Зеймаля, оказывается наиболее ранней допустимой нумизматической датой. Основание города произошло несколько раньше, поскольку и клад и комплекс I относятся не к моменту основания первой городской стены, а лишь ко времени ее функционирования.

Наиболее ранние росписи Пенджикента, получившие стратиграфическую дату, — это живопись на восточной и западной стенах первоначальной северной капеллы во дворе II храма (Беленицкий, Маршак, 1973а, с. 58—61). Эти росписи были закрыты кладками более поздней стены и суфы (рис. 3) с керамикой комплекса II. Сама живопись, следовательно, относится примерно к концу V—началу VI в. Росписи главного здания по сходству костюмов изображенных персонажей с костюмами росписей V—VI вв. в северной капелле надо отнести к тому же времени. Интересно, что живопись в храме имеет следы подновления; правда, оно произведено не позже VI в. Предполагалось, что во II храме были изображены тюрки (Якубовский, 1951, с. 252, 255—256), с которыми согдийцы познакомились только в VI в. Однако теперь в согдийской живописи найдены подлинные изображения тюрков (Альбаум, 1975, с. 29—34, табл. VII, IX—XI, XXXII) и можно утверждать, что в иконографии храма II нет ничего подобного.

Более поздние росписи — в северной капелле храма II (в прямоугольной нише, встроеной в проход в западной стене при перестройке капеллы V в.) (Беленицкий, 1973а, с. 12—13, табл. 1, 2), в главном портале храма I (рис. 4) (Беленицкий, Маршак, 1973б, с. 55—57, рис. 3—4), в пом. 41/42 объекта VI (рис. 5) и др. — были закрыты кладками стен, функционировавших в VII в. Стратиграфическая дата этих росписей — не позднее первой половины VII в., однако сходство изображенных на них костюмов, тканей и украшений с реалиями самых ранних росписей очень велико.

Среди узоров на тканях нет еще сасанидских кругов из перлов, обрамляющих медальоны, которые широко распространяются с конца VI в. Кроме того, со второй половины VI в. костюм пародов Средней Азии сильно изменился. Его мы видим на согдийцах, изображенных на рельефах третьей четверти VI в., выполненных по согдийскому рисунку (Scaglia, 1958). Таким образом, анализ реалий позволяет уточнить стратиграфическую дату и отнести перечисленные пенджикентские росписи уже не к VI—VII в., а только к VI в.

Хуже всего исследована в Пенджикенте живопись VII в. Наиболее определенно к этому времени можно отнести сцены охоты из росписи зала жилого дома (пом. 26 объекта XXIII; рис. 6). После планировки произошел пожар 722 г., и весь дом сгорел. Мы не знаем, за сколько времени до 722 г. зал был перестроен, но можно утверждать, что живопись была нанесена задолго до этого ремонта.

Археологические даты пенджикентской живописи помогают в какой-то мере уточнить хронологию других росписей Средней Азии. На Афрасиабе росписи найдены в нескольких залах домов аристократического квартала VI—VII вв. (Альбаум, 1975, с. 11—14). Был ли в этом квартале царский

дворец, пока остается неясным, ибо планировка и детальная стратиграфия всего участка не до конца исследованы. Ничего специфически дворцового здесь нет. Правда, в одном из залов есть изображение приема послов царем Самарканда, но было бы упрощенным считать, что изображение царя могло находиться только в его собственном дворце. Роспись объекта XI (там же, табл. I, II) может быть датирована VII в. по аналогии с пенджикентскими росписями: костюм и меч мужского божества и орнамент из фестончатых листьев весьма сходны с зафиксированными на ранних росписях главных зданий храмов I и II (Якубовский, 1950, табл. 57; Живопись. . ., 1954, табл. XVII; Беленицкий, Маршак, 1973б, с. 55—56, рис. 3—4), а также пом. 41/42 объекта VI, хотя по сюжету афрасиабская живопись ближе к пенджикентским росписям VIII в. в пом. 2 и 13 объекта XXIV, где также изображена чета богов (рис. 7). Живопись пом. 1 датируется по надписи временем правления упоминаемого в ней самаркандского царя Вархумана (Альбаум, 1975, с. 52—56), ставшего царем до 655 г. (не позже этого года он получил утверждение от танского императора). После 675 г. в Самарканде какое-то время не было царя. Кроме его непосредственного преемника, другие цари Согды в конце VII—начале VIII в. не относились к династии Вархумана (Лившиц, 1973, с. 25—26). Поэтому позже едва ли был смысл создавать в память этого царя «мемориальные» росписи. Распространенное мнение, что Вархуман правил до 696 г., не основано на источниках, так же как и обязанное своим возникновением ошибке в переводе мнение, что согдийский царь, вступивший на престол в 698 г., был сыном Вархумана (Смирнова, 1970, с. 170—171). Дата росписей пом. 1 — время правления Вархумана, т. е. третья четверть VII в. К VI—VII вв. относятся и сцены охоты, открытые за последние годы еще в двух залах (Ташходжаев, 1973, с. 472).

Росписи пом. 1 существенно отличаются от пенджикентской живописи первой половины VIII в. и известных росписей Варахши. Не останавливаясь на оружии и костюмах, отметим, что здесь, несмотря на тщательность прорисовки многочисленных и разнообразных узорных тканей (Альбаум, 1975, с. 60—73, табл. IX, XXXV, XXXVIII, XXXIX), нет ни одного изображения полихромного танского шелка с орнаментом в виде сложных розеток, тогда как решительно преобладают шелка с сасанидскими кругами перлов. Между тем в первой половине VIII в. танские шелка со сложными розетками приобретают огромную популярность (Akiyama, Matsubara, 1969, p. 217—218, tab. 49, 52—55). Их изображения очень часто встречаются в Пенджикенте (Беленицкий, 1973а, с. 32, табл. 26, 30), а также в Варахше (на пополах слопов; Шишкин, 1963, табл. XIV) и Аджина-Тепе (Литвинский, Зеймаль, 1971, с. 96). Еще более популярны были в Согде VIII в. одноцветные шелка с тканым узором в виде больших розеток, обрамленных двойным или тройным бордюром. Узоры этих шелков напоминали узоры известных полихромных тканей зенданахи, производившихся в Согде (Иерусалимская, 1972, рис. 24). Такие ткани очень часто изображали в Пенджикенте VIII в. (Живопись. . ., 1954, табл. XXXIX; Беленицкий, 1973а, табл. 19—21). Их рисовали и в Варахше (Шишкин, 1963, табл. XIV), но отнюдь не в Афрасиабе. Такое различие реалий, видимо, объясняется не отличием самаркандской школы от пенджикентской, а хронологическим разрывом.

Итак, и по манере, и по реалиям росписи Варахши близки не афрасиабским третьей четверти VII в., а пенджикентским первой половины VIII в. Это особенно отчетливо видно по узорам изображенных тканей. Прежде живопись Варахши относили к VII в. Теперь эта дата представляется слишком ранней. Слишком ранняя дата (V—VI вв.) была предложена и для Балалык-Тепе (Альбаум, 1960, с. 125). Археологические находки там не имеют четких датировочных признаков, а изображенные ткани, как показала А. А. Иерусалимская, относятся к концу VI—VII в. (1972, с. 34—38). Ни стратиграфия, ни изображенные реалии не помогают уточнению хронологии Шахристана. Исследователи отмечают, что росписи коридора близки по манере к пенджикентской живописи первой половины VIII в., тогда как

росписи «малого» зала весьма своеобразны по стилю (Негматов, 1973а; 1973б. с. 21—23; Соколовский, 1974; Воронина, Негматов, 1975). Считают, что росписи «малого» зала относятся уже ко второй половине VIII или к первым десятилетиям IX в. Около 822 г. династия Уструшаны по крайней мере официально принимает ислам (Негматов, 1957, с. 138—140). После этого в приемном зале дворца уже не могли рисовать изображения богов. Если допустить вслед за О. Г. Большаковым (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 191), что Шахристан — не столица Уструшаны, как это считает Н. Н. Негматов (Негматов, Хмельницкий, 1966, с. 191—195), то возможная дата создания росписей «малого» зала продлится еще на два-три десятилетия — до окончательной исламизации страны.

При всей неразработанности хронологическая шкала согдийских росписей все-таки точнее, чем хронология росписей Тохаристана или Восточного Туркестана. Можно наметить только несколько сопоставлений. Так, опубликованные И. Т. Кругликовой росписи Дильберджин-Тепе в Северном Афганистане, происходящие из капелл около городской стены (Кругликова, 1974, с. 54—76, табл. 6—18), по реалиям близки пенджикентским росписям V—VI вв., а росписи Какрака (Haskin, Carl, 1933, tab. XII—XIV; Auboyer, 1968, tab. 77) — пенджикентской живописи начала VIII в. В Восточном Туркестане росписи Пещеры художников и пещеры 15 в Кумтуре сближаются с пенджикентскими V—начала VI в.

ЛИТЕРАТУРА

- Альбаум Л. И. Балалык-Тепе. Ташкент, 1960.
 Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975.
 Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. М., 1973а.
 Беленицкий А. М. Раскопки на городище древнего Пенджикента (1970 г.). — АРТ, 1973б, вып. X.
 Беленицкий А. М. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1971 г. — АРТ, 1975, вып. XI.
 Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
 Беленицкий А., Маршак Б. Стенные росписи, обнаруженные в 1970 году на городище древнего Пенджикента. — СГЭ, 1973а, вып. XXXVI.
 Беленицкий А., Маршак Б. Настенные росписи, открытые в Пенджикенте в 1971 году. — СГЭ, 1973б, вып. XXXVII.
 Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки в Пенджикенте. — АО 1974 г., 1975.
 Большаков О. Г. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III. — МИА, 1964, № 124.
 Воронина В. Л., Негматов Н. П. Открытие Уструшаны. — В кн.: Наука и человечество. Международный ежегодник. М., 1975.
 Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.
 Зеймаль Е. В. Тали-барзинский клад моет с изображением лучника. — СГЭ, 1972, вып. XXXIV.
 Иерусалимская А. А. К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде. — В кн.: Средняя Азия и Иран. Л., 1972.
 Исаков А. Дворец правителей древнего Пенджикента. — В кн.: Страны и народы Востока. М., 1971.
 Исаков А. Раскопки дворца правителей древнего Пенджикента. — АРТ, 1975, вып. XI.
 Костров П. И. Техника и консервация росписей древнего Пенджикента. — В кн.: Живопись древнего Пенджикента. М., 1954.
 Кругликова И. Т. Дильберджин (раскопки 1970—1972 гг.). Ч. I. М., 1974.
 Лившиц В. А. Правители Согды и «цари хуннов» китайских династийных историй. — В кн.: Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. IX годич. науч. сессия ЛОИВ АН СССР. Л., 1973.
 Лптивинский Б. А., Зеймаль Т. И. Аджина-Тепе. Архитектура, скульптура, живопись. М., 1971.
 Маршак Б. И. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. — МИА, 1964, № 124.
 Маршак Б. И. Городская стена V—VII вв. в Пенджикенте. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов. (Тез. докл. конф.). Ч. II. Киев, 1975.
 Негматов Н. Уструшана в древности и раннем средневековье. Душанбе, 1957.
 Негматов Н. Н. О живописи дворца афшинов Уструшаны. (Предварительное сообщение). — СА, 1973а, № 3.

- Негматов Н. Н. Эмблема Рима в живописи Уструшаны и древневосточная мифологическая традиция. — Изв. АН ТаджССР, 1973б, вып. 1 (71).
- Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г. Средневековый Шахристан. — МКУ, 1966, вып. I.
- Распопова В. И. Квартал жилищ рядовых граждан Пенджикента VII—VIII вв. — СА, 1969, № 1.
- Смирнова О. И. Очерки из истории Согда. М., 1970.
- Соколовский В. О живописи «малого» зала дворцового комплекса городища Калаи-Кахкаха I (Шахристан, Таджикская ССР). — СГЭ, 1974, вып. XXXIX.
- Ставиский Б. Я. Искусство Средней Азии. Древний период (VI в. до н. э.—VIII в. н. э.). М., 1974.
- Ташходжаев Ш. С. Работы на Афрасиабе. — АО 1972 г., 1973.
- Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.
- Якубовский А. Ю. Итоги работ Согдийско-Таджикской экспедиции в 1946—1947 гг. — МИА, 1950, № 15.
- Якубовский А. Ю. Древний Пенджикент. — В кн.: По следам древних культур. М., 1951.
- Akiyama T., Matsubara S. Arts of China. Buddhist Cave Temples. New researches. Tokyo and Palo Alto, 1969.
- Auboyer J. Afganistan und seine Kunst. Praque, 1968.
- Hackin J., Carl J. Nouvelles recherches archéologiques à Bamian. — MDAFA, 1933, t. III.
- Livshitz V. A. A sogdian alphabet from Panjikant. — In: W. B. Henning Memorial Volume. London, 1970.
- Scaglia G. Central Asians on a Northern Ch'i Gate Shrine. — Artibus Asiae, 1958, vol. XXI.

Л. Л. Гуревич

АНАЛИЗ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА

В настоящее время в связи с широким охватом и вовлечением в научный обиход письменных источников существенно повышается значение археологических материалов для изучения сложения и развития раннесредневекового среднеазиатского города.

Во второй части монографии «Средневековый город Средней Азии» (1973) рассматривается современное состояние источников и выдвигается требование единой и строгой методики археологического исследования города. Два из пяти сформулированных в этой работе направлений исследования города объединяют вопросы изучения пространственно-планировочной структуры как важнейшего, свободного от субъективной тенденциозности, однако трудно интерпретируемого источника. Повышению эффективности изучения города на археологическом материале может послужить выделение и систематическое рассмотрение специального объекта — городского пространства.

Городское пространство (пространственная структура города и его ближайшего окружения) — часть окружающей среды, которая связана с населением города (социокультурной общностью) системными связями. Эти связи обусловлены деятельностью коллектива (Щедровицкий, Дубровский, 1973). Влияние пространственной структуры на коллективный субъект двояко. Как элемент неживой природы она регулирует поведение, ограничивая возможности движения в среде. Как искусственный объект, в который создателями вкладывается определенное культурное содержание, она носит черты знаковой системы, осуществляющей внутреннее, обусловленное культурой регулирование деятельности, служит социальной коммуникации, моделирует представление о мире.

Городище древнего Пенджикента — памятник очень компактной и развитой градостроительной структуры — представляет особый интерес для анализа городского пространства, ибо является частным развитием системной методики изучения социальной истории города на археологическом материале, основы которой были сформулированы в первые годы раскопок городища

(Якубовский, 1951), а положения развиты в работах руководителей и сотрудников экспедиции (Воронина, 1960; Беленицкий, 1967; Беленицкий, Маршак, Распопова, 1976, и др.). Высокая степень археологической изученности городища, ее комплексность делают исследование возможным уже сейчас.

Городское пространство как объект анализа подробно описывается по пространственным признакам, из которых в процессе исследования выделяются дифференциальные, и по функциям отдельных пространств, определенным на локальном археологическом материале. Исходя из назначений отдельных помещений и открытых пространств на основе пространственной морфологии квартала и города, можно оценить функцию синхронного целого, которая дополнит культурную картину периода, что может привести к выделению новых дифференциальных признаков и переопелке назначений отдельных пространств. Заявка на последовательный анализ по функциям сделана применительно к типам строений Пенджикента (Распопова, 1973). К анализу городского пространства применима универсальная структура из пяти социокультурных функций (экологическая, утилитарно-инструментальная, социорегулятивная, культурно-интегративная, лично-интегративная) городской среды. Автор посвятил ее рассмотрению специальную работу (Гуревич, 1974).

Ниже предпринимается анализ двух разделов морфологии: планировочной сеги и плотности жилой застройки, дающий материал для функциональной интерпретации градостроительной структуры Пенджикента. Базой анализа послужили архитектурно-обмерные материалы всех сезонов, геодезическая съемка городища, выполненная И. Н. Тереховым в 1971 г., геодезическая увязка объектов с опорной сетью (исполнители наблюдений и расчетов А. И. Ильин, В. Е. Лившиц, Я. И. Маршак, В. П. Степанов, В. А. Янков), аэрофотосъемка 1972 г., натурные наблюдения автора, участвовавшего в работах 1970—1976 гг. Рассмотрение вопроса в настоящем виде не могло бы осуществиться без учета устных сообщений о наблюдениях и отдельных выводах старших товарищей по экспедиции; автор выражает глубокую признательность за эти сообщения А. М. Беленицкому, А. И. Исакову, Б. И. Маршаку, В. И. Распоповой.

Раскопки последних лет изменили представление о структуре города. Изучение городских стен в 1973—1976 гг. на объектах III, VII, XII (раскопки Б. И. Маршака) и XXVIII (Г. Л. Семенов) показало, что длительный период (не позднее начала VI в. — не ранее 712 г.) шахристан был разделен на внутренний и внешний город стеной со стрелковыми галереями (одно время и с казармами в толще стены) и рвом перед нею (Маршак, 1975; Беленицкий, Маршак, Распопова, 1976). Территория города состояла из следующих частей (рис. 8, А): цитадель (замок с донжоном, терраса дворца, внешняя зона, окруженная стеной), внутренний город (собственно шахристан), внешний город (рабад?), зона пригородных усадеб с орошаемыми площадями, некрополь. Западнее цитадели в первые годы археологического изучения Пенджикента сохранились остатки квартала с керамикой пенджикентского времени; в настоящее время территория распланирована. Была ли это отдельная часть внешнего города или нечто отличное от него — остается неизвестным.

Первое, что обращает на себя внимание в планировке раскопанной части городища, — более высокая степень регулярности застройки собственно шахристана по сравнению с внешним городом. В пределах первого пересекающиеся стены строго перпендикулярны. Граница регулярной и менее организованной застройки отчетливо прослеживается по линии стены шахристана V в., пролегающей в пределах объектов III и VII (Маршак, 1975). Планировка строений внешнего города к востоку от этой стены подчинялась направлениям внешней стены, из-за чего даже отдельные помещения второго и пятого комплексов объекта VI получили, судя по обмерам, ромбический план (Ставиский, 1964, рис. 1).

Оппраясь на аэрофотосъемку городища 1972 г., удалось определить направления планировочных осей раннего шахристана. Они выявились по сте-

нам жилых домов и крупным элементам: границам участков храмов, остаткам вышеупомянутой стены шахристана V в., меридиональной улице к западу от объектов III и VII, отрезкам степы шахристана к западу от предполагаемого привратного лабиринта, прослеживаемой в нераскопанном рельефе и частично открытой на объекте XII (Маршак, 1964, с. 184, рис. 1, 3), переулком в пределах объектов XII, XIV, XVI, XXII—XXV.

По направлениям осей нами была сориентирована расчетная координатная сеть, на которую по инструментальным наблюдениям и расчетам нанесли планы исследуемых объектов. Составление увязанного плана центральной части шахристана, включающего объекты XVI, XXIII—XXV и часть объекта VII с участком ранней стены шахристана, позволило констатировать одинаковую сориентированность их стен и точную прямоугোলность планов всех строений (за исключением некоторых стен на объекте XXV), а также модульность ранней планировки. В пределах рассматриваемого участка открыты три частично перекрытых сводами меридиональных переулков шириной около 1.8 м в сводчатой части: у восточной границы объекта XXIII, на границе объектов XXIII и XXIV, у западной границы объекта XXIV. Исследования ранних слоев объектов показали, однако, что сначала они были открытыми, шириной около 2.4 м. Кроме того, в пределах объекта XVI (раскопки В. И. Распоповой) прослеживается меридиональный коридор примерно той же ширины, с востока ограниченный стеной, первоначально бывшей фасадом здания. В центральной части объекта XXIII (раскопки И. Рахматуллоева) в северной стене квадратного зала обнаружен заложенный арочный проход меридионального направления с пролетом около 2 м; на его оси к югу расположено пом. 32 шириной 2.7 м с папдусом. далее на той же оси — сводчатое пом. 39 примерно такой же ширины. Возможно, эта цепь помещений — след существовавшего прежде переулка. Расстояния между осями трех явных переулков и восточной стеной внутреннего города 27, 53.9 и 107.6 м. Включение в цепочку размеров расстояний между предполагаемыми переулками дает величины 26.9, 26.9, 53.8 и 53.9 м. Из этого можно вывести планировочный модуль в 53.8 м (половина — 26.9 м). Этот же линейный модуль прослеживается в размерах участков храмов, в расстоянии от них до меридиональной внутренней стены шахристана, в размерах предполагаемого привратного лабиринта, прослеживаемого в нераскопанном рельефе. Вся территория раннего шахристана, включавшего, по-видимому, и часть северного склона террасы, сохраняющую лёссовый массив остатков построек (материк под городищем — галечный конгломерат) на 30 м севернее современного обрыва, вписывается в целое число квадратов со стороной 53.8 м. Отклонения границ от прямоугольного пятна квадратов наблюдаются на западной и южной сторонах, что обусловлено особенностями естественного рельефа. В 1976 г. открыт восточный фас замка самого раннего из известных периодов цитадели (раскопки А. И. Исакова), датируемого керамикой V в. Он оказался параллельным меридиональным осям планировки шахристана. Полные размеры замка еще не установлены, но, судя по скрывающему его холму, он вписывается в квадрат со стороной 53.8 м, входящий в сеть квадратов шахристана (рис. 8, А). Видимо, сориентированность замка и шахристана с храмами не случайна, а достигнута благодаря специальным усилиям.

Открытая во внутреннем городе (собственно шахристане) сеть улиц и переулков подчиняется сети квадратов со стороной 53.8 м и дополняет ее. Меридиональные переулки, уже упомянутые и те, которые являются, по-видимому, их продолжением на объектах XIV и XXII, а также переулки объектов VII, XVI и XII проложены чаще, чем широтные улицы, — через 26.9 м. Реконструируемая планировка соответствует по схеме шахристану доисламской Бухары, однако отличается размерами кварталов (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 234—237). Следует отметить значение этого типа планировки для микроклимата в городе. Большинство улиц и переулков — меридиональные — имеют меньшую ширину, их стены повернуты в жаркую часть дня вдоль направления солнечных лучей, перпендикулярно

господствующим ветрам. Следовательно, летом снижался перегрев, зимой уменьшалось охлаждение от продувания.

Регулярно расположенная застройка — не первая на территории городища. Пахотки вещей «кушанского» времени (Маршак, 1964) и остатки стены на материке под строениями северного храма (объект II) говорят о более раннем обживании территории.

Вышеизложенное позволяет заключить, что в V в. Пенджикент, в котором жизнь продолжалась на уже освоенном месте, был спланирован по единому замыслу и застраивался по единому плану. Разбиты ли храмовые территории по этому плану или, наоборот, четкий прямоугольник участков храмов, возможно вместе с внутренней стеной, послужил основой проложения осей планировки всего города — вопрос пока открытый.

Представляется вероятным предположение, что в основе планировки раннего Пенджикента лежал модуль в 53.8 м, употребляемый также и в половинном размере — 26.9 м. Квадрат со стороной, равной 53.8 м, почти точно совпадает с одним из вариантов джериба, широко распространенным в Средней Азии до конца XIX в., так называемым танабом в 625 кв. сажен (Давидович, 1970, с. 127; Хицц, 1970), — площади соответственно 2894.4 и 2845.16 м² (расхождение по длине стороны в пределах 50 см). Джериб почти того же размера выводится по площади Афрасиаба: $54 \times 54 = 2916$ м² (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 224). Такое совпадение подтверждает гипотезу Е. А. Давидович о местном и древнем происхождении танаба в 625 кв. сажен (Давидович, 1970, с. 127).

Джериб представляет собой единицу в $60 \times 60 = 360$ кв. газов. Если предположить, что древнепенджикентский планировочный модуль образовывался аналогично, то в основе его лежала единица в 89.6 см, что лишь на 7 мм отличается от широко распространенного в средневековье газа в 88.9 см (Давидович, 1970, с. 113).

В дальнейшем строгость и регулярность планировки были искажены перестройками и переделами участков, только храмы сохранили свои участки почти неизменными.

Достигнутая в последних периодах жизни Пенджикента плотность жилой застройки (около 70% всей территории шахристана) явилась результатом длительной эволюции. Исследованные в разных частях шахристана кварталы позволяют судить об этапах преобразования жилой застройки. В сомкнутых массивах жилых строений объектов XII, XVI, XXII, XXIII, XXIV прослежены фасадные поверхности ранних построек, расположенных в кварталах с разрывами. Объект XXIV (раскопки Б. И. Маршака) дает наиболее наглядную картину. В VII в. жилые здания занимали только половину открытой части квартала, располагались в шахматном порядке, не касаясь друг друга (рис. 8, Б, 1). Прямые линии реконструируемой планировки V в. соблюдались, задняя граница жилищ проходила точно по средней линии квартала. В течение VII в. вся территория между переулками была застроена, причем последние из застройщиков довольствовались «нестандартными» остатками свободной от застройки площади. К концу этого этапа, по-видимому, все строения достигли наибольшей высоты и этажности, ограниченных техническими возможностями времени — в пределах трех этажей (рис. 8, Б, 2). Резервы пространства внутри квартала были исчерпаны, и следующий структурный этап уплотнения ознаменовался надстройкой переулков помещениями жилых домов, иногда в два этажа (над пом. 5 объекта XXIV — безусловно; рис. 8, Б, 3). Надстройка приводила иногда к использованию соседских стен для ошпирания перекрытий, загораживанию чужих окон. Это свидетельствует о повышении ценности пространства шахристана, распределявшейся неравномерно. Центральный участок шахристана (рис. 8, В) выделяется повышенной частотой художественно оформленных парадных помещений и пространств со специфическими функциями коммуникации и хранения (крытые переулки, лестницы и пандусы, зернохранилища). Три свода над переулками объектов XXIII и XXIV начинались от фасада главной широтной улицы, соединявшей

участки храмов с виадуком между шахристаном и цитаделью. Следующий этап переделов участков жилых домов объекта XXIV был связан с последствиями периода запустения в 20—30-х гг. VIII в. Аналогичный процесс уплотнения застройки, протекавший на два века раньше, прослеживается на объекте XII (Маршак, 1964), где шахматная застройка также переходит в сплошную, одноэтажная — в двухэтажную.

Обнаруженное в переулках объектов XXIII и XXIV отторжение территорий общественных коммуникаций прослеживается и на объектах VI, VII, XVI, XVII, XXI во многих случаях из-за частых перестроек лавок-мастерских. Следствием было сужение и искривление первоначально прямых улиц и переулков. Свою ширину сохранили, по-видимому, только улицы с арыками между храмами и объектом III (ширина 8 м; Беленицкий, Гуревич, Маршак, 1973) и вдоль северной границы объектов XXIII и XXIV (в этом месте ширина 14 м; Беленицкий, 1973, с. 116, табл. 15).

В пределах внешнего города, к востоку от собственно шахристана, длинная меридиональная улица, очевидно, никогда не была прямой. Несмотря на перестройки, изученные на объекте VI (Ставиский, 1964), здесь до последнего периода жизни города оставался незастроенный большой двор. Здание на объекте V, в южной части внешнего города, было окружено незастроенной площадью.

Таким образом, в городском пространстве древнего Пенджикента отражены динамика сложения его частей и взаимодействие черт градостроительного замысла со стихийным развитием.

ЛИТЕРАТУРА

- А н а р б а е в А. К. вопросу о водоснабжении и озеленении городов Средней Азии в пре-арбское время (по материалам Пенджикента). — КСИА, 1976, вып. 147.
- Б е л е н и ц к и й А. М. Древний Пенджикент — раннефеодальный город Средней Азии. Автореф. докт. дис. Л., 1967.
- Б е л е н и ц к и й А. М. Раскопки на городище древнего Пенджикента (1970). — АРГ, 1973, вып. X.
- Б е л е н и ц к и й А. М., Б е н т о в и ч И. Б., Б о л ь ш а к о в О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Б е л е н и ц к и й А. М., Г у р е в и ч Л. Л., М а р ш а к Б. И. Пенджикентские храмы и развитие согдийского культового искусства в V—VII вв. — В кн.: Тез. докл. сессии, посв. итогам полевых археол. исслед. 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973.
- Б е л е н и ц к и й А. М., М а р ш а к Б. И., Р а с п о п о в а В. И. Социальная структура населения древнего Пенджикента. — В кн.: Бартольдские чтения, 1976. Тез. докл. и сообщ. М., 1976.
- В о р о н и н а В. Л. Проблемы раннесредневекового города Средней Азии. Автореф. докт. дис. М., 1960.
- Г у р е в и ч Л. Л. О социальных функциях градостроительной среды. — В кн.: Планировка и застройка новых городов. Вып. 2. М., 1974.
- Д а в и д о в и ч Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М., 1970.
- М а р ш а к Б. И. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. — ТТАЭ, 1964, т. IV (1954—1959). (МИА. № 124).
- М а р ш а к Б. И. Городская стена V—VII вв. в Пенджикенте. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов. (Тез. докл. конф.). Ч. II. Киев, 1975.
- Р а с п о п о в а В. И. Типы строений и социальная дифференциация горожан Пенджикента. — В кн.: Древний город Средней Азии. Л., 1973.
- С е м е н о в А. А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. — В кн.: по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. III. Сталинабад, 1954.
- С т а в и с к и й Б. Я. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект VI) в 1951—1959 гг. — ТТАЭ, 1964, т. IV. (МИА. № 124).
- С у х а р е в а О. А. Квартальная община позднесредневекового города Бухары. М., 1976.
- Х и н ц В. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М., 1970.
- Щ е д р о в и ц к и й Г. П., Д у б р о в с к и й В. Я. Проблема объекта в системном проектировании. — В кн.: Методология исследования проектной деятельности. Сб. 2. М., 1973.
- Я к у б о в с к и й А. Ю. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии. — Тр. Тадж. фил. АН СССР, 1951, т. XXIX.

ОРНАМЕНТАЛЬНОЕ ИСКУССТВО В ТВОРЧЕСТВЕ СОГДИЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ

VI—VIII вв. — это период расцвета Согда в области строительного, изобразительного и орнаментального искусств. Детально рассматривая настенную живопись преарабского периода, мы все больше и больше убеждаемся в том, что согдийские художники были великолепными скульпторами, мастерами живописи и орнаменталистами.

Орнаментальная живопись в декоре стен и сводов парадных залов, храмов и жилищ дополняла сюжетную настенную роспись Пенджикента (Беленицкий, 1973). Бордюры и фризы состояли из гофр, ромбовидных, ступенчатых и растительных мотивов, выполненных в черном и желтом, черном и белом, черном, желтом и красном тонах. Стены украшались кувшинами с ветками гранатов, расставленными в шахматном порядке. В орнаментации сводов фигурируют растительно-цветочные мотивы. Они решены на ромбической сетке. Большинство орнаментальных композиций, особенно ленточные бордюры, обрамлено перлами. В живописном орнаменте Пенджикента, как считает В. Л. Воронина (1963, с. 92, 93, 95—97, 99, рис. 3, 7), зооморфный сюжет отсутствует. Однако пристальное изучение ряда мотивов, а также поздние находки в древнем городище Пенджикента свидетельствуют о изображении различных «видов» драконов в виде хищных животных (пантер, львов), человеко-змей, просто спиралеобразных змей и, наконец, женщин-птиц. Образы драконов и женщин-птиц тесно связаны между собой. До сих пор среди таджиков бытует представление, что птица с красивой женской головой живет в небесах и влюбляет в себя юношей. Иногда она перевоплощается в большую ящерицу, змею или хищного зверя. Эти животные в таджикском фольклоре оберегают крепости, дворцы, храмы. Поэтому живописный фриз в виде спиралевидных побегов, написанных в основании свода синими, желтыми, красными и белыми красками, следует понимать как один из вариантов изображения драконов.

Настенные росписи дворца в Варахше открыты в трех залах, условно названных Восточным, Западным, Красным. Роспись, опоясывающая все стены, композиционно делилась на три горизонтальные полосы. Нижняя полоса состоит из орнамента, перекликающегося с орнаментом на резной колонне Чорку. А чудовища, изображенные на стене Красного зала, с различными крыльями и птичьими когтями отмечены одинарными и двойными зубчатыми элементами, характерными для орнаментальной росписи Пенджикента (Шишкин, 1963, табл. II, VI, XI). Предметы культового и ритуального назначения, отображенные в росписи, также украшались геометрическим и растительным орнаментом. Среди узоров, известных в резьбе по дереву Шахристана, декоре мавзолея Саманидов и пенджикентской росписи, мы видим кресты в круге, зубцы, тройные концентрические квадраты.

В росписях Пенджикента, Уструшаны, Варахши и Афрасиаба, отличающихся друг от друга кругом мифических и сказочных образов, батальных и погребальных сцен, сцен пиршества и религиозных обрядов, есть и общие черты. Костюмы мужских и женских фигур, ювелирные украшения, воинские доспехи, жертвенники и другие аксессуары сюжетной росписи переданы художниками без тени преувеличения, с большой правдивостью. Другая характерная черта — наличие красновато-охристой тональности. Контуры изображений обведены красными и коричневыми красками. Любопытно, что зеленый фон в росписи отсутствует. Чем это объясняется, сказать трудно. Но можно предположить, что зеленому цвету придавалось отрицательное значение или этого цвета вообще не было в палитре согдийских художников.

Памятники искусства рассматриваемого периода позволяют считать, что в творчестве согдийских художников классическими изображениями были

фигурки тритонов, титанов, демонов, воинов, драконов, женщин-птиц и орнаментальные композиции из крестов, косоугольников, аркатур, трилистников, аканта, украшавшие балки, прогоны, потолки и колонны. Найденное в Урта-Кургане резное дерево стилистически входит в круг памятников искусства из Калаи-Каххаха II и Пенджикента, для которых типичны пятилепестковые пальметты, гирлянды, перлы, четырех- и пятилепестковые розетки (Ремпель, 1972, рис. 1).

Орнаментальная резьба в Пенджикенте была настолько развита, что ее влияние даже ощущается в скульптурной резьбе кариатид-танцовщиц. Особенно это подчеркивается плавными и изящными линиями складок их одежд и грациозностью поз. Алебастровый декор Варахши также дает богатейший материал для изучения развития орнаментального искусства в эпоху раннего средневековья.

Наряду с архитектурным декором несомненно развивались и другие виды прикладного искусства (торевтика, резьба по кости, керамика, стеклоделие и др.), в орнаментации которых согдийские художники обращались к геометрическому, растительно-цветочному и зооморфному узорам, подчиненным законам построения орнамента. Керамические изделия этого периода покрывались свинцово-оловянной поливой и расписывались голубовато-зеленой, реже — желтой, а позже коричневой красками. Потеки красок, стекающих с бортов, служили своеобразной орнаментацией изделий. Уже в IX в. орнамент обрисовывается двумя линиями, заполненными мелкими точками. Анализ керамики этого времени показал, что по форме и технике она имеет тесную связь с художественным металлом Согда V—VII вв. (Ташходжаев, 1972, с. 189).

Таким образом, исходя из известных нам материалов, можно сказать, что уже в VI—VIII вв. ощущалась тенденция к орнаментальному искусству. И эта установившаяся основа была достаточна для того, чтобы найти дальнейшее развитие в творчестве таджикских художников и орнаменталистов.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. (Живопись, скульптура). М., 1973.
- Воронина В. Л. Архитектурный орнамент древнего Пенджикента. — В кн.: Скульптура и живопись древнего Пенджикента. М., 1963.
- Ремпель Л. И. Об отражении образцов согдийского искусства в исламе. — В кн.: Из истории искусства великого города. Ташкент, 1972.
- Ташходжаев Ш. С. Вопросы исторической классификации поливной керамики Афрасиаба. — В кн.: Из истории искусства великого города. Ташкент, 1972.
- Шишкин В. А. Варахша. М., 1963.
-

II. НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Г. А. Пугаченкова

К ДАТИРОВКЕ КИРПИЧЕЙ С ОРНАМЕНТАЛЬНЫМИ ШТАМПАМИ ИЗ МИАНКАЛЯ

В течение ряда лет Узбекистанская искусствоведческая экспедиция спорадически проводит разведки Мианкаля — острова на Зеравшане, там, где он разветвляется за Самаркандом на Акдарью и Карадарью, встречающихся затем близ Катта-Кургана. В числе отмеченных при этом небезынтесных находок — особая группа жженных кирпичей с оттиснутым на их поверхности до обжига орнаментальным штампом.

При обследовании в 1934 г. Калаи-Дабуса (городище средневековой Дабусии) А. Ю. Якубовский уже отметил находки таких кирпичей с оттиском типа «сасанидского» круга с большими точками и с орнаментом в виде шестиконечной звезды и трилистников. Основываясь на сопоставлении со сходными кругами на афрасиабских очажках, он пришел к следующему заключению: «Едва ли можно сомневаться, что кирпичи эти относятся к раннеисламскому времени и, быть может, доходят до саманидской эпохи включительно» (Якубовский, 1940, с. 152). Позднее Л. И. Ремпель опубликовал ряд кирпичей данного типа из Дабусии и Рабиуджана, хранящихся в Самаркандском музее, с различными вариантами орнаментики. «Фигурные керамические плитки в виде зубцов (мерлонов) и диски, употреблявшиеся ранее для венчания стен, стали чисто орнаментальным мотивом на квадратных и прямоугольных кирпичах VIII—X вв. из Дабусии и Рабиуджана» — таков вывод (Ремпель, 1961, с. 132, 133, рис. 52).

В 1970 г. несколько жженных кирпичей со штампами были осмотрены нами в школьном музее Иштихана. Они были найдены при откопке земли на территории современного райцентра (но в стороне от средневекового Иштихан-Тепе). Позднее этот участок был осмотрен Т. В. Беляевой, нашедшей еще несколько фрагментов.

В 1976 г. во время работ Мианкальского отряда в Хатырчишском районе автором настоящей заметки и Б. А. Тургуновым осуществлен осмотр Калаи-Дабуса. В загородной зоне городища близ крупного подквадратного тепе, пока еще не ушедшего под распашку, были обнаружены два фрагмента и целый жженный кирпич со штампами. На одном куске видна лишь часть крупного круга с точками, на другом — тоже круг (д=16 мм), часть шестигульной звезды и вписанные в треугольники трилистники (тип, описанный А. Ю. Якубовским). На целом же кирпиче (21×21×3 см) виден полный штамп: в круге (д=9 см) с точками — нечеткий оттиск какой-то стилизованной фигуры, четыре кружка и миндалина. Подъемная керамика на тепе в основном безглазурная и в небольшом числе глазурованная — все это в рамках VI—X вв.

Важное значение имеет, однако, аналогичная находка на городище Курган-Тепе. Площадь его около 6 га, план прямоугольный, охваченный

полуразрушенными и оплывшими крепостными стенами (высота рядов пахсы 80—85 см). На одном из участков виден косой ряд сырцовых кирпичей (42×25×12 см), возможно, от свода отрезками. Почти в центре высится квадратный бугор бывшего кешка (высота до 10 м), с крутыми гранями, с южной стороны которого обнаружен пандус. С трех сторон кешка проходила пониженная эспланада, ныне использованная под посевы. Внутри ограждающих стен городища — всхолмления древней застройки. С западной стороны за стеной также отмечаются холмы с культурными остатками.

Вся подъемная керамика — безглазурная, чаще всего светлоангобированная, иногда с потеками буро-красной краски. По формам она может быть отнесена к VI—VII вв.; этой дате отвечают и архитектурные остатки.

В составе находок есть жженые кирпичи-маломерки (21×21×3 см; рис. 9, 1—5). На одном из фрагментов оказался штамп в виде круга с точками и отходящими внутрь него трилистниками. Мотив этот находит прямые аналогии на опубликованном жженом кирпиче из Дабусии (Ремпель, 1961, рис. 52, б).

Находка из Ходжа-Кургана тоже имеет важное значение. Памятник этот представлял собой крупную феодальную усадьбу домусульманского Согда с кешком и примыкавшим извне заселенным участком. Пикаких более поздних следов его обживания, как и всей округи, нет. Причина, видимо, в том, что после арабского завоевания ирригация на Мианкале пришла в упадок и вся эта сильно пониженная зона была захвачена тугаями, а, может быть, какое-то время и вообще находилась под водой. Данные наблюдения подтверждают и другие близрасположенные городища — Умарамин-Тепе, Кипчак-Тепе и пр., где археологических остатков мусульманского времени не найдено.

Таким образом, кирпичи со штампами имели распространение еще в архитектуре доарабского Мианкаля, в VI—VIII вв. С этим в полной мере согласуется и их оформление (круги с точками, их внутреннее орнаментальное заполнение, зубцы-мерлоны и др.), которое находит широкий круг аналогий среди сырцовых архитектурных форм и в орнаментальном репертуаре доарабского зодчества Средней Азии (Ремпель, 1961, рис. 19, 24—26, 28). Датировки наших предшественников, очевидно, проистекали из традиционного представления, будто жженный кирпич входит в архитектуру Средней Азии как декоробразующий элемент с эпохи Саманидов. Между тем, оказывается, введение его в качестве декоративного элемента протекло здесь значительно раньше.

Следует также подчеркнуть, что рассматриваемая нами группа декоративных жженных кирпичей с фигурными штампами специфична лишь для данного региона — от Иштихана до Дабусии; в других областях Средней Азии (в том числе и в столь близком Самарканде) они не встречаются. Мы уже отметили выделение зоны Акдарьи—Карадарьи также и по оссуариям (из Бия-Шаймана и Иштихана) (Пугаченкова, 1975, с. 33, 34). Возможно, что оно проявляется и в других видах раннесредневековой художественной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Пугаченкова Г. А. Иштиханский оссуарий — новый памятник согдийского искусства. — ОНУ, 1975, № 3.
- Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. — В кн.: История развития и теория построения. Ташкент, 1961.
- Икубовский А. Ю. Археологическая экспедиция в Зарафшанскую долину 1934 г. — ТОВЭ, 1940, т. II.

ИЗУЧЕНИЕ ОКРУГИ РАННЕФЕОДАЛЬНОГО САМАРКАНДА

Для изучения исторической топографии раннефеодального Самарканда немаловажную роль играет определение границ и характера застройки его округа. Большой интерес в этом плане представили материалы, полученные в 1976 г. в южном рабаде. Объект стратиграфически изучен семью раскопками и зачистками. Вскрыты уличные магистрали, жилые и производственные помещения, охватывающие период от середины I тыс. до н. э. до последних столетий. Цель данного сообщения — публикация материалов, относящихся к поре раннего феодализма.

Наибольший интерес представило открытие ирригационной системы. На площади 100×100 м² выявлены три русла каналов с мелкими отводами, относящихся к раннесредневековой эпохе, — каналы 2, 4, 8.

Канал 2 раскрыт в восточной части котлована. Он прошел по ложу античного канала с небольшим расширением последнего. Направлен он с юго-востока на северо-запад с дальнейшим резким поворотом на север, к Афрасиабу. Ширина канала 12 м, глубина 1 м. В заполнении наряду с античным материалом расчищен слой мощностью 0,6 м, с керамическими обломками IV—VI вв. Зачищены два небольших арка, уходящих в западном направлении для обводнения данной площади.

Характерными формами керамики из канала и отводов являются вазообразные кубки на невысокой ножке с широким основанием, глубокие жаровни, котлы двух типов с вертикально поставленным, треугольным в разрезе венчиком и прямоугольно срезанной вершиной и с плавно отогнутой наружу закраиной, у которой горловина пережата рельефным валиком (рис. 10, 1—3, 5—7).

Интересна терракотовая фигурка всадника на лошади. Сохранился лишь лошадиный торс со следами подлепки всадника (рис. 10, 4).

Перед нами магистральный канал, идущий к Афрасиабу, с отводами, использовавшимися для водопользования на месте. Вдоль отводов сохранились культурные слои жилых сооружений, материал которых идентичен заполнению канала и связан с периодом становления феодализма.

В 60 м к юго-западу от магистрального канала зафиксирован канал 4. Он проходит также с юга на север, но уже с западным отклонением. Глубина его 1 м, ширина 6 м. Заполнение аналогично вышеописанному — керамика от античной поры до V—VI вв. Рядом с ним — в 6 м к юго-западу — раскрыт еще канал 8, интересный тем, что является хронологическим продолжением описанных. Материал в нем относится к VII—XII вв. Он идет параллельно каналу 4, но на вскрытом участке юго-восточный отрезок дна оказался выше северо-западного. Создается впечатление, что вода в нем подавалась в обратном направлении.

Вскрытие системы из нескольких каналов с отводами говорит о том, что в описываемый период южная округа Самарканда обживалась интенсивно, создание средневекового Самарканда проходило на базе формирования античного предместья и довольно интенсивный процесс его начался с поры раннего феодализма.

Ю. Якубов

РАСКОПКИ ГАРДАНИ-ХИСОРА

(К проблеме становления городских поселений
в горных районах Средней Азии)

Впервые на верхнем Зеравшане и в Согде полностью раскопано крупное поселение VII—VIII вв., ныне известное под названием Гардани-Хисор (Якубов, 1966, с. 40—45). Расположено оно в 1 км к северо-востоку от сел.

Мадм, в 12 км от знаменитого замка на горе Муг, на высоком труднодоступном холме. Памятник состоял из замка и собственно поселения (рис. 11).

Замок-дворец занимает верхнюю часть холма, а поселение примыкает к нему, располагаясь на склоне. Помещения замка возведены на искусственно поднятой платформе, разделенной на три части. Южную часть занимает входная постройка с каменной лестницей. При входе расчищен обугленный деревянный порог, на котором устанавливались двухстворчатые ворота. Входная постройка помимо широкого входного коридора, ведущего во двор, включала также айван с двумя примыкавшими к нему помещениями, вероятно комнатами слуг. Планировка и устройство входной постройки напоминают план входных частей ак-бешимского и педжикентского храмов (Хмельницкий, 1959, с. 244—245). Толстые стены входной постройки наводят на мысль, что над пом. 1 и 2 был некогда еще второй этаж, где, по-видимому, жила стража.

За входной постройкой размещались большой двор и основная парадная постройка. Вдоль восточной стены цоколя парадной части располагались хозяйственные помещения. Над ними был второй этаж, куда вела лестница. На платформе находились богатые парадные комнаты: большой зал и домашнее святилище, сходные с раскопанными в кварталах жилищ знати древнего Пенджикента, айваны, коридоры, жилые покои — всего более 20 помещений. На южном краю платформы — широкий айван, вытянутый с запада на восток более чем на 15 м при ширине 3.25 м. Пол айвана был вымощен большими известняковыми плитами; вдоль стены зафиксировано несколько выемок от колонны, на которые опирались прогоны перекрытия.

Из айвана входы ведут в помещения дворца. В северо-западном углу здания расположен большой зал, в плане почти квадратный (7.7×7.5 м). Вдоль всех стен зала тянулись суфы. Западная суфа в середине расширяется, образуя площадку — «почетное сиденье». На суфе обнаружены остатки большого обугленного ворсового ковра, некогда покрывавшего стены и суфы зала. Дворец, видимо, был покинут неожиданно: обитатели даже не успели вынести с собой дворцовые ковры. Зал имел плоское деревянное перекрытие, опиравшееся на четыре деревянные колонны. Колонны стояли на деревянных базах. Деревянная конструкция перекрытия зала была покрыта первой-классной резьбой.

Большой интерес представляет раскопанное домашнее святилище (4.8×3.4 м). В центре южной стены расположен алтарь — неглубокая сырцовая ниша, пристроенная к стене. По бокам ниши — две колонки, перед которыми находится ковшеобразный очаг с невысокими глиняными бортиками, где горел священный огонь. Алтарь стоит на небольшой суфе. У стены над алтарем с двух сторон есть прямоугольные выступы, сложенные из сырцовых кирпичей в виде пилонов. Очевидно, это остатки ниши, которая возвышалась над алтарем и имела арочное завершение. Справа и слева от ниши алтаря расчищены глиняные базы с отверстием в центре, по-видимому, от деревянных колонн. У баз форма усеченной четырехугольной пирамиды. Алтари с арочкой и колоннами найдены в Пенджикенте на объекте III (пом. 13), а также на объекте IX (пом. 18) (Воронина, 1964). Очевидно, наш алтарь был аналогичным.

Среди находок из дворца большое место занимает обугленное резное дерево, перекликающееся с резным деревом Пенджикента, Шахристана, Джумалик-Тепе и с хронологически более поздним резным деревом верхнего Зеравшана (Андреев, 1925, с. 210—220). Находки резного дерева в Гардани-Хисоре объясняют казавшееся ранее неожиданным обилие резьбы по дереву в этом районе в IX—XII и последующих столетиях.

Поселение было расположено к западу, северу и югу от замка. На нем вскрыты 22 дома. Каждый дом включает от одной до шести-семи комнат. Раскопаны четыре однокомнатных дома, шесть двухкомнатных, восемь трехкомнатных и один четырехкомнатный. Однокомнатные дома состоят из помещения площадью от 22 до 46 м². Среди них только один (дом I) четко

разделен на три части: прихожую с очагом, среднее помещение с большой П-образной суфой и хозяйственную половину, где было расположено восемь хумов. В других однокомнатных домах хозяйственная часть не выделяется, зернохранилище обычно расположено вдоль одной из стен комнаты, есть очаг. В двухкомнатных домах одно помещение с очагом и суфами было жилым, второе — хранилищем продуктов. В амбарах обязательно закрома (хамма) для хранения зерна и иных продуктов. В трехкомнатных домах одно помещение служило амбаром и было разбито на отсеки для хранения запасов, а два остальных, с суфами и очагами, были жилыми.

Среди раскопанных домов только один четырехкомнатный (дом IV). Очень большая комната в нем служила амбаром. Две другие были жилыми, причем в одной из них установлены тапур и очаг. Этот дом имел домашнее святилище и небольшой дворик, к которому ведет улица 2.

На поселении раскопан один, видимо, двухэтажный дом с четырьмя комнатами нижнего этажа, три из которых сводчатые, хозяйственные. Остальные дома были одноэтажными и имели плоское деревянное перекрытие. Сводчатые перекрытия применялись для узких хозяйственных помещений.

На поселении Гардани-Хисор в каждом доме обнаружено по два, иногда по три очага для варки пищи, отопления и печения хлеба. Большинство из них находят параллели среди этнографических материалов. Выделяется более 10 вариантов бытовых очагов, многие из которых существовали в то же время и в городах Средней Азии. Внутри одного из очагов, названного нами «равактапур» (сводчатый очаг), была найдена разбитая глиняная сковорода с остатками обугленного хлеба, причем диаметр дна сковороды (40 × 40 см) равен расстоянию между полочками очага. Следовательно, полочки служили одновременно и подставками под сковороду. Благодаря этой находке мы узнали назначение внутренних сводчатых очагов с полочками и назначение самих сковородок, которые так часто встречаются при раскопках раннесредневековых поселений и городов Средней Азии.

Раскопанные дома Гардани-Хисора свидетельствуют о том, что в это время в поселениях горных районов Согда и Уструшаны люди жили небольшими семьями. Среди раскопанных домов нет крупных, как и в Пенджикенте. По мнению В. Л. Ворониной, размеры секций в Пенджикенте были разные, в зависимости от социального положения владельца. «Семьи аристократии занимали в первом этаже 20 помещений общей площадью до 900 кв. м, рядовые горожане довольствовались порой комнатой в 20 кв. м» (Воронина, 1969, с. 187). Несмотря на то что в Пенджикенте раскопана четвертая часть города, трудно выделить отдельный дом (Беленицкий, Бенатович, Большаков, 1973, с. 23). Воронина пишет, что квартал в Пенджикенте представлял собой «массив плотно слитых жилых секций» (1964, с. 187).

Плотность жилых домов, возможно, связана с родственными связями, но могли быть и другие причины. Во-первых, в это время были постоянные феодальные междоусобные войны и люди старались жить компактно. Во-вторых, могли жить или строить дома скученно из-за нехватки площади; в-третьих — с целью экономии строительных материалов. Судя по этнографическим наблюдениям, сплошная застройка не всегда может свидетельствовать о родстве между собой жителей квартала. О том, что в данное время семьи были небольшими, говорят и раскопки в пригороде самого Пенджикента (Большаков, Негматов, 1958, с. 156—185). Учитывая площадь погибшей в результате обвала северной части поселения, в Гардани-Хисоре в 20-х гг. VIII в. н. э. размещалось 30—35 семей. К этому надо прибавить замок, где жил правитель района со своими приближенными.

Гардани-Хисор по своей структуре двухчастный: замок-дворец правителя и поселение. Поселение с трех сторон (южной, западной и северной) окружает замок и отделяется от него улицей. Дома расположены на склоне холма, поэтому планировка домов и улиц зависела от рельефа и общего контура террасы. Дома построены плотно друг к другу в один ряд вдоль улицы. К западу от замка, где площадь пологого склона шире, раскопаны четыре улицы и

три ряда домов. А к западу от входной постройки замка холм сужается, и поэтому здесь дома стоят в два ряда. Дома, расположенные вдоль холма, повторяют его рельеф. Северные участки улиц (1—3) погибли вместе с северной частью поселения во время обвала. Гардани-Хисор по своей структуре очень похож на современные селения, расположенные на склонах гор в верхнем Зеравшане, которые тоже имеют террасовую планировку.

Поселение с двух сторон окружено обрывами, скатами, а с юга и запада — оборонительной стеной с внутренним коридором. При раскопках Гардани-Хисора не найдены помещения для скота. Очевидно, жители держали свой скот где-то за пределами поселения. Аналогичную картину мы наблюдаем, например, и сейчас в кишлаках Анзоб и Артуч верхнего Зеравшана.

Таким образом, Гардани-Хисор это первый полностью раскопанный памятник, где можно судить о структуре и планировке согдийского поселения VII—VIII вв. Гардани-Хисор нельзя назвать городом в полном смысле слова, так как здесь в основном господствовало натуральное хозяйство. На поселении найдено всего шесть монет правителей Согда, Панча и Уструшаны. Однако, судя по археологическим материалам и согдийским документам из замка на горе Муг, в некоторых селениях верхнего Зеравшана были развиты различные ремесла (Якубов, 1975, с. 18—20). Поселение явно построено по предварительно разработанному плану. Деление Гардани-Хисора на замок и поселение соответствует двухчастному делению города на диз и шахристан. План дворца-кешка показывает, что перед нами постройка в известном смысле уникальная. В то же время Гардани-Хисор коренным образом отличается от остальных известных нам памятников Буттама того периода, в том числе и от замка на горе Муг и крепости Кум. Характер раскопанной парадной части Гардани-Хисора и анализ сведений, содержащихся в мугских документах, позволяют утверждать, что замок Гардани-Хисор — горная резиденция фламандара Утта, управляющего по поручению пенджикентского владетеля — Деваштича — буттажским селениями, а возможно, временами и местожительство самого пенджикентского государя (Якубов, 1966, с. 44—45).

Если бы в 722 г. арабы не разрушили Гардани-Хисор, то он со временем, очевидно, развился бы в настоящий город в горах Буттама. То же самое произошло бы и со многими другими двухчастными поселениями типа Гардани-Хисора. Как известно, двухчастных поселений накануне арабского завоевания в Средней Азии было очень и очень много. Двухчастную структуру мы наблюдаем на ранних этапах существования также в двух наиболее изученных домусульманских городах Согда — Пенджикенте и Самарканде.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев М. С. Деревянная колопа в Матчо. — ИРАИМК, 1925, т. IV.
Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
Большаков О. Г., Негматов Н. Н. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента. — МИА, 1958, № 66.
Воронина В. Л. Резное дерево Зеравшанской долины. — МИА, 1950, № 15.
Воронина В. Л. Архитектура древнего Пенджикента. — МИА, 1964, № 124.
Воронина В. Л. Архитектура Средней Азии VI—VIII вв. — В кн.: Всеобщая история архитектуры. Т. 8. М., 1969.
Хмельницкий С. Г. Опыт реконструкции буддийского храма городища Ак-Бешма. — Тр. Кирг. археол.-этногр. экп., 1959, т. II.
Якубов Ю. Археологические раскопки Гардани-Хисор (в селении Мадм) 1964—1965 гг. — ИООН ТаджССР, 1966, № 4.
Якубов Ю. Поселение Гардани-Хисор. — АО 1974 г., 1975.

ФИЛЬМАНДАРСКИЙ ЗАМОК

За период с июня по сентябрь 1974 г. археологическим отрядом института им. А. Дониша АП Таджикской ССР было исследовано шесть новых археологических памятников, среди которых наибольший интерес представляет замок Фильмандар. Замок расположен в 22 км к юго-востоку от древнего Пенджикента, сооружен на естественном высоком холме, расположенном в северо-восточной части современного кишлака Фильмандар на высоте более чем 30 м.

До раскопок замок имел вид всхолмления, 9×4 м. Небольшой размер объекта позволил нам раскопать его полностью и даже оконтурировать фасады. Замок сохранился с запада на восток на 17.5 м при ширине 10 м в западной части, 14 м — в восточной (рис. 12). Сильно пострадали северный и южный фас, где стены и угловые башни разрушились до основания. Замок Фильмандар был двухэтажным, что подтверждает пандус, обнаруженный в его северо-восточном углу. От нижнего этажа сохранились три комнаты, пандус и хранилище под ним, а также остатки двух угловых башен. Вход в здание был расположен с восточной стороны. В южной и северной стенах башен перед входом расчищено по две ложные щелевидные бойницы; еще шесть бойниц было обнаружено на северной части восточного фасада. Они расположены в два ряда, причем три нижние бойницы — ложные, до 0.7—0.8 м уходят в толщу стен. Из верхних бойниц одна южная также ложная, а две северные — сквозные. Стрелки обстреливали нападавших, находясь на полу второго колена пандуса, ведущего на второй этаж. Проходом шириной 1.25 м можно было попасть в первое помещение замка.

Пом. 1 вытянуто с севера на юг; оно проходное, 2×5 м, имеет во всех направлениях по проходу; это главный вход в замок, ведущий в пандусное помещение, в юго-восточную башню и, наконец, в следующее помещение.

Пом. 2 вытянуто с запада на восток, 3.5×3 м. Оно также было проходным; кроме прохода, связывающего пом. 1 и 2 между собой, обнаружены еще проходы: в юго-западную башню и в третье помещение замка.

Пом. 3 слегка вытянуто с запада на восток, 4×3 м, занимает центральную часть замка. В этом помещении стены сохранились до 3 м. По пятам сводов на северной и южной стенах и арке проходов можно судить о наличии в прошлом сводчатого перекрытия. На арке прохода от пом. 2 и прохода, ведущего в северо-западную башню, хорошо прослеживается переход кладки кирпича от арок к своду. В северной стене помещения на высоте 1.3 м от пола обнаружены три расположенных в один ряд отверстия бойниц. Бойницы изнутри имеют высоту 0.48—0.3 м при ширине 0.19—0.26 м. Высота их с фасадной стороны равна 1.25 м при ширине 0.18—0.2 м.

При зачистке пола в северо-западном углу помещения была обнаружена могильная яма, $1.45 \times 0.6 \times 0.5$ м, ориентированная с севера на юг. В могиле костяк располагался на спине с согнутыми в коленях ногами. При погребенном найдены семь пастовых бусин голубого цвета и две черного (поверхность последних украшена волнистым орнаментом), а также ракушка с отверстием, большая орнаментированная и глазурированная сине-голубоватого цвета пастовая подвеска с петелькой и отверстием на самом верш (рис. 13, 1). Кости рук погребенного вытянуты, положены друг на друга несколько ниже пояса. На правой руке — бронзовый браслет. Судя по характеру украшений, погребение относится к концу X—XII в. Не исключена его связь с трагическим случаем, поскольку положение костяка, вещевые находки и неглубокая могильная яма внутри заброшенного жилища не соответствуют требованиям мусульманской религии.

Один из проходов пом. 1 (северный) шириной 1.25 м ведет в пандусное помещение (4.25×4.25 м) и в так называемое хранилище, представляющее квадратное сооружение, 4.25×4.25 м, и расположенное в северо-восточном углу за-

мка. По двум щелевидным, насквозь пробитым в восточной стене бойницам можно судить, что некогда пандус помимо своего прямого назначения играл роль угловой башни. Кроме того, как указывалось, были обнаружены еще три в плане прямоугольные башни, симметрично расположенные по трем углам. В более хорошем состоянии оказалась северо-западная башня (размер внутри 2.5×4 м). По остаткам сохранившихся стен удалось восстановить первоначальный план башни, квадратной в плане, 7.5×7.5 м. Очевидно, такой же размер имела и юго-западная башня. Что касается восточных башен, то здесь имеется несколько неясностей. Если наши предположения верны и пандус выполнял роль одной из угловых башен, тогда становится ясно, что башни, некогда прикрывавшие вход в здание, выглядели мощнее западных; размер их, возможно, приближался к 8.5×8.5 м.

Согласно предложенной архитектором Л. Л. Гуревичем реконструкции, Фильмандарский замок некогда имел симметричную планировку со сторонами 17.5×18 м. Вышеуказанные элементы фортификации, планировка, характер помещений и время сооружения (V в. н. э.) сближают Фильмандарский замок с усадьбой, раскопанной Г. В. Шишкиной под Самаркандом (1961, с. 192—222). По материалам публикации можно сделать вывод, что усадьба эта пережила три этапа перестроек, в результате которых первоначальное здание хотя и сохранилось, но было замуровано стенами строений последующих периодов (там же, с. 194, рис. 2; Маршак, 1975, с. 116—117). В последние годы функционирования замка прямоугольные башни имели многоярусные высокие щелевидные бойницы, чередующиеся с ложными (до четырех ярусов); они аналогичны обнаруженным по фасу в первичной стене шахрстапа древнего Пенджикента (Маршак, 1975, с. 115—117).

Касаясь вопроса назначения здания, мы имеем полное основание считать его замком или укрепленным домом свободного дехканина-землевладельца, не являвшегося еще в V в. собственно феодалом по своему социальному статусу. Надо учесть, что даже при наличии второго этажа в замке одновременно могло жить одно семейство максимум из 10—15 человек (?). Керамические находки многочисленны (рис. 13, 3—12).

В заключение следует отметить, что наиболее интенсивное освоение сегодня центральной части бассейна Магиандарьи, как можно предполагать, начинается около V в., в период становления феодального общества, а расцвет земледельческой культуры здесь относится к VII—VIII вв. Ко времени расцвета древнего Пенджикента именно в эти века, как справедливо отмечает А. Ю. Якубовский, «в Пенджикент свозили с гор кожу, овечью шерсть, прекрасный урюк, а из Пенджикента все, что выделывали селения и города Согда» (1951, с. 321).

ЛИТЕРАТУРА

- Григорьев Г. В. Городище Тали-Барзу. — ТОВЭ, 1940, т. II.
Маршак Б. И. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1961 гг. — МИА, 1964, № 124.
Маршак Б. И. Код для описания керамики Пенджикента V—VI вв. — В кн.: Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
Маршак Б. И. Городская стена V—VII вв. в Пенджикенте. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов. (Тез. докл. конф.). Ч. II. Киев, 1975.
Ставиский Б. Я. Археологические работы в бассейне Магиандарьи в 1957 г. — АРТ, 1959, вып. V.
Шишкина Г. В. Раннесредневековая усадьба под Самаркандом. — ИМКУ, 1961, вып. 2.
Якубовский А. Ю. Древний Пенджикент. — В кн.: По следам древних культур. М., 1951.

БРОНЗОЛИТЕЙНАЯ МАСТЕРСКАЯ НА X ОБЪЕКТЕ ГОРОДИЩА ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА

В 1974 г. при раскопках пом. 4 объекта X городища древнего Пенджикента была обнаружена бронзолитейная мастерская. Объект X расположен в центральной части городища к востоку от храма I. Задача раскопок — исследование площади перед храмом I.¹ Установлено, что эта площадь должна быть понята как еще один внешний двор храма (рис. 14, А). Боковые стены двора были украшены живописью и, следовательно, защищены навесом. В северо-восточном углу внешнего двора к северной стене пристроено пом. 1, четырехколонное, с несколькими печами внутри. Раскоп, заложенный на направлении главной оси храма, к югу от пом. 1, показал, что его внешний двор имел на основной оси парадный восьмиколонный айван с живописью на синем фоне, служивший главным входом в храм (пом. 2). Учитывая общую симметричность плана храма I, а также то, что пом. 4 примыкает к главному входу, это помещение следует относить к комплексу храмовых построек. Пом. 4 первоначально представляло собой подквадратный четырехколонный зал (8.45 × 8.10 м). Судя по остаткам росписей на стенах, исходной функцией его была парадная. Однако это назначение помещение сохраняло, видимо, недолго (хотя окраска стен дважды возобновлялась), поскольку вскоре в нем появляется мастерская.

Мастерская располагалась в западной части зала между базами колонн. Горн мастерской (рис. 14, Б) представляет собой ямку в полу глубиной 16 см, диаметром 11 см. Стенки горна ошлакованы в верхней части до стекловидного состояния. С южной стороны в горн ведет канал для дутья длиной 4 см и диаметром 3 см. Внутри горн был заполнен хорошо прокаленной золой белого цвета. Рядом с горном лежали куски бронзовых отливок и два бракованных фрагмента от ручек зеркал, оканчивавшихся протомой коня (рис. 14, В). Здесь же обнаружены медные шлаки и бронзовая заготовка для печати (?).

Мастерскую можно датировать первой четвертью VIII в. на основании монеты «пенджикентской царицы» из этого слоя. Такая дата подтверждается также уровнями, перекрывающими мастерскую, в которых обнаружено девять монет Тургара типа II, относящихся к 40—50-м гг. VIII в. Между слоем с монетами Тургара и слоем времени функционирования мастерской располагается постройка периода запустения после пожара 722 г. Надо отметить, что выше этого слоя имелся еще один уровень обживания, который, очевидно, относится к последнему периоду жизни на городище — к 750—770 гг. Таким образом, существование мастерской приходится на период с 700 по 722 г. (монеты «пенджикентской царицы» выпускались не позднее 722 г.).

Оба квадратных зала по сторонам главного айвана храма использовались как производственные помещения до взятия города арабами, когда храм сохранял еще свое назначение. Поэтому мастерскую объекта X можно считать храмовой мастерской, устроенной в зале с согласия или по приказу администрации храма. Обращает на себя внимание продукция мастерской — ручки зеркал на двух опорах в виде протом коня, уже известные в Пенджикенте. В Средней Азии такие ручки найдены на городище Афраснаб и в могильнике Джул-Сай (Пянджский район), где они обнаружены в погребении с сасанидскими монетами второй половины V в. Происхождение подобных ручек неясно. Можно лишь сказать, что появляются они в глубокой древности (Беленицкий, 1953, с. 31; Литвинский, 1971, с. 58, 59, рис. 5; Распопова, 1972, с. 66, 68—69). Более подробно разработана семантика мотива сдвоенных протом коней. Мотив этот, как и само зеркало, исследователи

¹ С 1973 г. раскопки объекта X велись автором.

считают соответственно символом и атрибутом солнечного божества (Литвинский, 1964, с. 103; Мухитдинов, 1973, с. 17—18; Денисов, 1974, с. 53). В Пенджикенте изображение бога солнца на колеснице из двух вздыбленных коней засвидетельствовано на одной из резных деревянных плах пом. 11 объекта УП (Беленицкий, Маршак, 1976, с. 82, рис. 13). Фреска северной стены объекта XXVI демонстрирует подобный персонаж, но уже на троне с опорами в виде двух коней (там же, с. 80). Аналогичное божество на зооморфном троне в виде протом коней присутствует и на западной стене «малого» зала дворца на городище Калаи-Кахкаха I в Уструшане (Соколовский, 1974, с. 49). Возможно, что к этому божеству, входившему в пантеон согдийцев, имеют отношение и зеркала с ручками в виде сдвоенных протом коней. В таком случае можно говорить о мастерской X объекта как о специальной храмовой мастерской, производившей зеркала с ручками в виде протом коней в качестве символа одного из согдийских божеств.

ЛИТЕРАТУРА

- Беленицкий А. М. Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг. — ТТАЭ, 1953, т. II. (МИА. № 37).
- Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения согдийцев VII—VIII вв. в искусстве Пенджикента. — В кн.: История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976.
- Денисов Е. П. Глиняная печать из Туп-Хоны (Дангаринский район). — ИООН АН ТаджССР, 1974, № 2 (76).
- Литвинский Б. А. Зеркало в верованиях древних ферганцев. — СЭ, 1964, № 3.
- Литвинский Б. А. Хронология и классификация среднеазиатских зеркал. — МКТ, 1971, вып. 2.
- Мухитдинов Х. Ю. Терракоты Саксапохура как источник по истории и культуре Северной Бактрии. Автореф. канд. дис. Душанбе, 1973.
- Распопова В. И. Зеркала из Пенджикента. — КСИА, 1972, вып. 132.
- Соколовский В. М. О живописи «малого» зала дворцового комплекса городища Калаи-Кахкаха I (Шахристан, Таджикская ССР). — СГЭ, 1974, вып. XXXIX.

Д. Абдуллаев, Л. Л. Гуревич

ЧЕРТЕЖИ СТРОИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА

На городище древнего Пенджикента начиная с 1972 г. одним из авторов данной статьи в центральной части шахристана раскапывается жилой комплекс — объект XXV (Абдуллаев, 1975, с. 3, 4). Раскопки 1976 г. производились в северной половине объекта, где были вскрыты три помещения, относящихся к одному дому (рис. 15, А).¹

Пом. 11 (1110×240 см) — сводчатый коридор, по которому с улицы попадали в дом. В его северной стене находились три прохода: в пом. 12, 13 и в еще одно нераскопанное помещение. Пом. 12 (максимальные размеры 590×590 см) раскопано почти полностью. В его северо-западном и северо-восточном углах были возведены пилоны, на которые, по-видимому, опиралась арка. Пом. 12, судя по аналогиям, — «зал с эстрадой»; вдоль южной, западной и восточной стен прослеживаются суфы. Открыта часть росписи на северной и полностью росписи на южной, западной и восточной стенах. В этом зале в 1976 г. после снятия штукатурки с росписями на пахсовых блоках западной, южной и восточной стен и пилонов были обнаружены проведенные черной краской одна горизонтальная и несколько вертикальных линий. На западе с залом грапичило пом. 13 (590×455 см). В нем на пахсовом блоке второго яруса северной стены при снятии штукатурки вскрыт чертеж. Он состоял из одной горизонтальной и нескольких вертикальных и наклонных линий.

¹ Обмеры северной части объекта XXV выполнены архитекторами Е. А. Тарангул, О. А. Тумаповой и Л. Л. Гуревичем.

В коридоре, зале и пом. 13 прослеживаются три слоя разновременных полов, что свидетельствует о трех периодах жизни в этих помещениях. Судя по найденным на полах монетам, первый период относится ко времени до 30-х гг. VIII в. Тогда, видимо, и были расписаны стены пом. 13, которое, как и пом. 12, являлось парадным. Второй период относится ко времени правления Тургара (после 738 г.), о чем свидетельствуют найденные на уровне второго пола пом. 13 монеты этого правителя. В указанный период росписи, поврежденные при запустении дома, в пом. 13 не восстанавливались, в то время как в пом. 12 была нанесена роспись. Начиная с данного периода и до конца жизни в доме пом. 13 использовалось как жилая комната с очагами. На стены поверх росписей был нанесен тонкий слой штукатурки. Порча росписей пом. 12 (повреждены прежде всего лица и руки фигур) произошла уже в последний период — между 750—770 гг.

На вопрос о том, к какому периоду относятся чертежи в пом. 12 и 13, можно ответить, что, по-видимому, ко времени постройки дома, а не ремонта, так как, судя по чертежам в пом. 13, они находились под основной штукатуркой, которая ко времени Тургара была покрыта тонким дополнительным слоем. Все обнаруженные чертежные линии нанесены черной краской (возможно, при помощи натянутой бечевки) на поверхность пахсовых блоков до покрытия их штукатуркой и, вероятно, до возведения суф: в пользу последнего говорит расположение горизонтальных линий на высоте 120 и 147 см, а наклонных — до 190 см над уровнем пола, т. е. на высоте, наиболее удобной для работы стоя на полу. В пом. 12 на трех длинных стенах и на лицевой поверхности пилонов прослежена горизонтальная линия (рис. 15, А). Высота ее над полом около 120 см, колебание вертикальных отметок в пределах всего контура, как показала нивелировка, плавное, в диапазоне 2 см. Открыто также девять пересекающихся ее отрезков вертикальных линий, продолжавшихся, по-видимому, и выше. Отклонений их направлений от линий отвеса установить не удалось. Все линии выглядят абсолютно прямыми (толщина 1—4 мм). Восемь из девяти вертикалей расположены парами в 25—26 см друг от друга. Все пары, а также единственная непарная вертикаль находятся примерно на одинаковом расстоянии от ближайших к ним углов зала — от 125 до 133 см; Если распространить этот порядок на несохранившиеся участки горизонтальной линии, то получается регулярная схема из шести пар вертикалей, на западной и восточной стенах отстоящих друг от друга на 122—123 см; на южной стене это расстояние равно двойному промежутку от пары угла плюс ширина одной пары — 285 см. Можно предположить, что в верхней части стен, над входом на юге и пишей на севере, были разбиты вертикали в том же порядке; в таком случае их было всего 10 пар.

Есть все основания полагать, что вертикали означают места опирания деревянного перекрытия на стены зала. Они размерены с большой точностью.

Сложносборное, резного дерева перекрытие, обычное для парадных залов Пенджикента, могло быть возведено только мастером высокой квалификации, который в силу технической обособленности своего труда не должен был входить в артель, возводившую сырцово-пахсовые конструкции, и, видимо, заключал отдельный договор с заказчиком. Косвенным подтверждением может служить 26-я строка документа А-5 Мугского архива (Лившиц, 1962, с. 182): «И дал я гвѣс-у за (возведение) крыши 100 драхм». Судя по разметке, перекрытие возводилось только над частью зала вытянутым в плане прямоугольником и не имело промежуточных опор. Следует учитывать, что окружающая дом застройка была двух-трехэтажной и к залу примыкали помещения второго этажа. Поэтому объем зала был столь высок, что заполнение конструкциями его верхней части (или понижение плоского перекрытия) было желательным. В обоих случаях гнезда для опирания перекрытия оказывались не у верхнего обреза стены, а ниже и устраивались еще в процессе возведения стен, когда разметка снизу была удобнее.

При реконструкции схемы разметки опирания (рис. 15, *Б*) возможно несколько вариантов перекрытий. В нашем перекрываемом пролете (590×435 см) балки должны были иметь вертикальные поперечные сечения (с высотой, превышающей их ширину). Многолетнее изучение деревянных конструкций Пенджикента по их обугленным остаткам и следам на глине показало, что балки с поперечным сечением выше квадратного здесь не применялись (Воронина, 1957, 1964) даже при самых больших пролетах — в зале южного храма (Воронина, 1953). Обычный случай для Пенджикента — балка с горизонтальным форматом поперечного сечения. Эта устойчивая особенность пенджикентских конструкций делает вариант с плоским перекрытием маловероятным (рис. 15, *В*). Брусья с горизонтальным форматом поперечного сечения могли, однако, успешно служить подкосами во вспарушенных конструкциях большого пролета, где на них приходится значительно меньшее изгибающее усилие. Если стены помещения продолжают выше пят распорной конструкции, покрытие может лежать на горизонтальных балках, перекинутых от стен к верхним концам подкосов, и последние вообще не испытывают изгибающего усилия, что позволяет дополнительное сокращение их поперечного сечения. Изображения рам с подкосами встречены в Пенджикенте в живописи зала объекта XXIV (пом. 13). В зале объекта XXIII (пом. 19) открыт заделанный в стену поперек ее горизонтальный массивный деревянный брус, сверху до половины открытый благодаря наклонной выемке в стене, по ширине совпадающей с брусом. Эта находка была интерпретирована обмерщиком помещения архитектором Н. П. Егоровой как опорное устройство рамной конструкции (наклонная поверхность выемки — отпечаток подкоса). Вспарушенное перекрытие над нашим залом могло иметь подкосы в двух, трех или четырех наклонных плоскостях (рис. 15, *Г—Е*). Деревянное перекрытие с подкосами в двух наклонных плоскостях (рис. 15, *Г*) известно по многочисленным живописным и рельефным скульптурным изображениям у восточноиранских народов доисламского периода. Возможен вариант перекрытия с подкосами в трех наклонных плоскостях (рис. 15, *Е*). Деревянная конструкция асимметрична, однако масса арки и пазух над нишей достаточна для погашения опрокидывающего усилия. Мы не знаем аналогов подобной конструкции, но цельность и динамизм внутреннего пространства делают этот вариант перекрытия возможным, а по нашей оценке — и наиболее вероятным.

Чертеж в пом. 13 нанесен на пахсовый блок северной стены. Необычно большая длина блока (260 см) объясняется, по-видимому, его предназначением для чертежа. Сохранность линий фрагментарная. Они менее аккуратны, чем в пом. 12, некоторые проводились по два или даже три раза; толщина линий колеблется резко (рис. 15, *Ж*). Сохранились отрезки одной горизонтальной, пяти вертикальных (рис. 15, *Ж*, *1—V*) и шести наклонных под разными углами (рис. 15, *Ж*, *1—6*, три последние — лишь на крохотных отрезках) прямых. Четкость геометрического построения и расположение на специальном пахсовом блоке позволяют предположить практическое производственное назначение и этого чертежа, однако сейчас мы не можем дать его однозначную интерпретацию. Предполагаются два аспекта применимости чертежа в строительных работах: получение в пределах самого построения абсолютных размеров создаваемых конструкций (в этом случае важно выявление примененных в нем мер длины); использование чертежа для переноса заложенных в нем соотношений на габариты всего помещения при помощи лучей, исходящих из одной точки, и построения подобных треугольников с целью разметки стен и перекрытий (для изучения этого аспекта необходимо дополнительное обследование стен помещения). Не исключено, что чертеж включает не одно, а два или несколько построений, направленных на получение нескольких результатов.

Для целей анализа чертежа реконструируем прямые в пределах наиболее вероятных пересечений; через точку пересечения наклонной 2 с горизонталью проведем еще одну вертикаль — *dc* и построим квадраты с осно-

ваниями в виде отрезков III—V, Vc. Прослеживаются следующие особенности построения. Отрезок II—III равен отрезку III—V (51.6 и 51.4 см); отрезок IV—V составляет треть отрезка II—V (34 и 103 см). Вертикаль II, наклонные 2 и 3 пересекаются в точке «в»; вертикаль I, наклонные 4 и 6, по-видимому, пересекаются в точке «а»; отрезок dc равен отрезку IVc (44.5 см); отрезок Vc (71.5 см) равен диагонали квадрата, построенного на основании отрезка III—V; отрезок се больше отрезка IVc в 1.618 раза, т. е. они находятся в соотношении «золотого сечения». Отрезки II—V (103 см) и III—V (51.5 см) совпадают по размерам с традиционными среднеазиатскими газами (большим и малым); последний — с капоническим газом в 24 ангушта (пальца). Этот газ широко применялся в древнем строительстве Средней Азии (Воронина, 1951); для интересующего нас периода он зафиксирован в постройках столицы аббасидских халифов (Herzfeld, 1912). Следовательно, отрезок Vc представляет собой среднюю пропорциональную между газом и его половиной. Поэтому не исключено, что здесь дано решение задачи на удвоение квадрата, известное еще в античности (Михайлов, 1967, с. 20). Отрезки dc и IVc (по 44.5 см) равны половине широко распространенного в позднесредневековой Средней Азии газа в 88.9 см, лежащего, видимо, также в основе планировочного модуля раннего шахрстана древнего Пенджикента. Возможно, целью построения было нахождение размеров, соизмеримых с обоими локтями, или газами (51.5 и 44.5 см). Не исключено, что целью геометрического построения было также нахождение «золотого сечения», а угол наклона прямой 2, образующей прямоугольные треугольники с отношениями сторон 1 : 1.618, явился его результатом.

Сравнивая чертежи в пом. 12 и 13 между собой, следует отметить большую степень строгости первого из них, предназначенного для согласования работы мастеров двух разных специальностей. Новооткрытые чертежи являются самыми ранними для среднеазиатской архитектуры — до сих пор были известны лишь чертежи планов XVI в. (Бакланов, 1944; Прибыткова, 1976).

ЛИТЕРАТУРА

- А б д у л л а е в Д. Один из жилых домов Пенджикента VIII века. — В кн.: Конференция молодых научных сотрудников и аспирантов Ин-та востоковедения АН СССР. Тез. докл. по ист. и экон. М., 1975.
- Б а к л а н о в Н. Б. Архитектурные чертежи узбекского мастера XVI в. — В кн.: Сообщения института истории и теории архитектуры. Вып. 4. М., 1944.
- В о р о н и н а В. Л. К вопросу о древней метрологии Средней Азии. — КСИИМК, 1951, вып. 39.
- В о р о н и н а В. Л. Древняя строительная техника Средней Азии. — В кн.: Архитектурное наследие. Вып. 3. М., 1953.
- В о р о н и н а В. Л. Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества. — Архитектурное наследие, 1957, вып. 8.
- В о р о н и н а В. Л. Архитектура древнего Пенджикента. — МИА, 1964, № 124.
- Л и в ш и ц В. А. Согдийские документы с горы Муг. М., 1962.
- М и х а й л о в Б. П. Витрувий и Эллада. М., 1967.
- П р и б ы т к о в а А. М. О методе проектирования средневековых зодчих. — В кн.: История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976.
- Н e r z f e l d E. Erster vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen von Samarra. Berlin, 1912.

И. Рахматуллаев

ЗЕРНОХРАНИЛИЩЕ НАЧАЛА VIII в. В ПЕНДЖИКЕНТЕ

Специально оборудованное зернохранилище было исследовано в 1974—1976 гг. на объекте XXIII городища древнего Пенджикента. Объект XXIII — это участок жилой застройки, находящийся к югу от улицы, которая шла от цитадели к храмам (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973).

Здесь открыто несколько жилищ, каждое из которых включает помещения первого и второго этажей. Все жилища вплотную примыкают друг к другу. Самый большой из домов VII—VIII вв. (рис. 16) на данном участке занимает площадь около 260 м² на первом этаже. Он состоит из вестибюля (пом. 28), пандуса (27), двух сводчатых коридоров (31, 43) и шести сводчатых комнат (29, 30, 37, 38, 40, 45) на первом этаже. На втором этаже помещались два парадных зала (26, 36) и две комнаты (40/41, 42). Кроме того, на втором этаже находились зернохранилище (4, объект XXIV) и, возможно, пандус, ведущий на третий этаж. Паличие третьего этажа предполагается над узкими, сохранившимися на почти полную высоту помещениями второго этажа дома.

Вестибюль — сводчатая комната (4.25 × 2.25 м), имеющая четыре прохода, которые соединяются с улицей и двумя сводчатыми помещениями и коридором. Здесь на стенах были открыты живописные композиции. На восточной стене — сидящая мужская фигура в натуральную величину, ниже — оседланный конь (масштаб 1 : 2), которого держит за повод конюх. Остатки изображения прослеживаются на северной стене, на южной — две фигуры (одна из них с мечом). На западной стене сидящая фигура передана в натуральную величину; стойку ее трона завершает голова слона. Ниже — плохо сохранившиеся изображения лошади и колениопрклоненной фигуры мужчины (масштаб 1 : 2).

В зал (пом. 26) на второй этаж поднимались по пандусу и входили через айван. Первоначально зал был прямоугольным, позднее его перестроили. В торце появилась прямоугольная сводчатая ниша, свод которой опирался на пилоны из сырцового кирпича. После разборки этих пилонов открыта роспись со сценой конной охоты. Второй зал (пом. 36) также был украшен росписью — на восточной стене обнаружены остатки живописи на белом грунте.

Перекрытия второго этажа сгорели в пламени пожара, который, согласно монетным находкам, произошел не ранее первой четверти VIII в. и может быть отождествлен с пожаром 722 г., когда во время событий, связанных с гибелью пенджикентского владетеля Деваштича, город подвергся разгрому. Росписи вестибюля, таким образом, относятся к периоду до 722 г. Живопись зала может быть датирована не позднее второй половины VII в., поскольку на срок между нанесением этой живописи и пожаром приходится обветшание росписей, их подновление и, наконец, постройка пилонов (Беленцкий, Маршак, Распопова, 1976, с. 561). Сводчатые комнаты первого этажа были хозяйственными помещениями. Находки многих фрагментов разбитых хумов подтвердили их характер.

План дома сложился в результате объединения двух строений. Граница между ними проходила по стене, отделяющей пом. 31 и 37 от пом. 40 и 43. Пом. 40, 43 и 45 первоначально представляли собой отдельное рядовое жилище с выходом на улицу через пом. 43. К западу от этого дома проходил переулок. Когда богатый горожанин строил свой обширный дом, он присоединил владения соседа. При этом выход на улицу был заложен, а в разделявшей дома стене пробит проход; второй этаж полностью перестроен заново. Над переулком повзели свод и соорудили два помещения второго этажа (4 и 21, объект XXIV). Одно из них, с разделенными стенками отсеками, обмазанными алебастром, служило дополнительным зернохранилищем емкостью 3—4 м³.

Для датировки устройства второго этажа над переулком важна керамика приблизительно середины VII в., найденная под основанием стены, на которую опирался свод, перекрывавший переулок. Вся перестройка, связанная со строительством дома богатого горожанина, следовательно, относится не ранее чем ко второй половине VII в. Более поздняя дата тоже невозможна, если учесть, что от момента постройки до пожара 722 г., как показывает история зала (пом. 26), прошло немало времени. До этого пожара два сводчатых помещения (37 и 38) дома были перестроены с целью сооружения специального зернохранилища, которое представляет особый интерес в качестве пер-

вого полностью сохранившегося сооружения такого рода. Как свидетельствуют карнизы на стенах, окно в торцовой стене и настил пола зернохранилища из жженных кирпичей над принольным слоем первоначальной комнаты, здесь сначала было обычное помещение (37), 6×2 м. Все стены сохранились на высоту полного этажа. Они сложены комбинированным методом: между рядами пахсовых блоков выложены два ряда кладки сырцового кирпича размером 50×25×10 см. Все стены и свод покрыты алебастровой обмазкой; мстами на ней прослеживается копоть от пожара.

Зернохранилище, таким образом, относится к периоду не позднее 722 г. и вряд ли ранее 700 г., поскольку между постройкой дома и устройством зернохранилища прошло какое-то время. При переоборудовании зернохранилища помещение было перегородено двумя сырцовыми стенками, образующими два отсека и одну площадку для отсыпки зерна прямо у прохода. Площади обоих отсеков 21×2.1 и 2×2 м. Их полы выложены жженным кирпичом размером 34×22×3 см. Все стены и пол покрыты алебастровой обмазкой для защиты зерна от сырости и мышей. В восточной стене южного отсека на высоте 25 см от пола имеется отверстие диаметром 15—20 см, уходящее наклонно вниз в пом. 38. Здесь также специально построен отсек — приемник для получения зерна из зернохранилища через отверстие. Площадь отсека (2×1.85 м) позволяет поместить в нем несколько мешков зерна. В северо-восточном углу южного отсека зернохранилища у восточной стены в своде вертикально была вставлена керамическая труба (диаметр 18 см, высота 55 см), которая могла служить одновременно для засыпки и вентиляции помещения. Еще одно отверстие в северной стене-перегородке использовалось для засыпки нижней части второго отсека. Вторая перегородка, отделяющая второй отсек (2×2 м), также сложена из сырцового кирпича. Стены обмазаны грубой алебастровой штукатуркой, пол выложен плиточными жженными кирпичами. На расстоянии 40 см от восточной стены и на высоте 25 см от пола в стене второй перегородки имеется отверстие диаметром 20 см с уклоном к третьему отсеку, который служил приемником. Проход в зернохранилище был арочным; позднее переделан в прямоугольный проем с дверью.

Итак, из вышесказанного следует вывод, что в пом. 37 и 38 обнаружен специально сооруженный амбар. В двух отсеках можно было содержать около 15—16 т зерна. Если предположить, что для нужд хозяина дома и его домочадцев использовалось зерно амбара на втором этаже, то представляется вероятным, что в пом. 37 находился запас товарного зерна. В тщательно оборудованном амбаре зерно могло храниться до весны, когда оно поднималось в цене. Хозяин дома мог быть как хлеботорговцем, так и землевладельцем, реализовавшим зерно на городском рынке. Городское жилище с подобным зернохранилищем обнаружено в Средней Азии впервые.

ЛИТЕРАТУРА

- Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
Беленицкий А. М., Маршак Б. И., Распопова В. И. Раскопки в Пепджикенте. — АО 1975 г., 1976.

Д. Давутов

СОГДИЙСКИЕ МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК ПОСЕЛЕНИЯ ГАРДАНИ-ХИСОР

В Гардани-Хисоре, полностью вскрытом горном селении (Якубов, 1969), было найдено пять согдийских медных монет. Все они принадлежат к типам, уже известным согдийской пумизматике.

1. Тархун (рис. 17, 1).

Л. ст. — гладкая, без отличий.

Об. ст. — надпись в две концентрические строки, 'trwrg MLK'. По краю монетного кружка широкий ободок. Квадратное отверстие заключено в узкую рамку. Монета в двух частях. Д-22; в-2.29; С₁; 1964;¹ пом. 3, в отвале. Шифр Н-393 (как № 144-160; Смирнова, 1963).

2. Гурак, тип II (рис. 17, 2).

Л. ст. — в центре прямоугольная рамка, имитирующая квадратное отверстие согдийских монет китайского образца. Слева У-образный знак (Υ), верхние концы которого стерты. Ободок линейный. Форма при отливке сдвинута вправо. Справа остатки литника.

Об. ст. — в центре поля такая же прямоугольная рамка с точкой посередине. Вокруг нее концентрическая однострочная надпись 'wtrg MLK'. Ободок линейный. Форма сдвинута вверх. Монета в двух частях. Д-21; в-2.66; ↓; С₃; 1964; пом. 14, в закладке первого отсека. Шифр Н-393 (как № 695-733; Смирнова, 1963).

3. «Безымянная царица» (рис. 17, 3).

Л. ст. — в центре знак , обрамляющий квадратное отверстие. Знак отлит нечетко. Рамка узкая. Ободок плохо прослеживается.

Об. ст. — надпись в одну концентрическую строку — rлѳу пп δβ отлита нечетко. Ободок и рамка неширокие. Квадратное отверстие заполнено металлом. С двух сторон остатки литника. Д-20; в-2.31; ↙; С₂; 1975; пом. 52, пол. Шифр Н-393 (как № 415-463; Смирнова, 1963; Дьяконова, Смирнова, 1967, с. 76).

4. То же (рис. 17, 4).

Л. ст. — гладкая, без отличий.

Об. ст. — надпись rлѳу пп δβ'рпн, отлита плохо. Ободок и рамка неширокие. Монетный кружок тонкий, чуть вогнут к л. ст. Д-16; в-0.61; С₃; 1973; шурф к востоку от шурфа, заложенного в 1965 г., 2-й штык. Шифр Н-393 (как № 361-412; Смирнова, 1971, с. 173).

5. Уструшана (Сатачари или Раханч) (рис. 17, 5).

Л. ст. — погрудное изображение правителя в фас в крылатом венце, частично стертые. Ободок из редко поставленных точек. Форма сдвинута чуть влево. Справа внизу следы литника.

Об. ст. — в центре, занимая все поле, У-образный знак (Υ) с двухстрочной надписью, по сторонам от которой сохранился только титул, переданный идеограммой MR'γ. Монетный кружок тонкий. Д-18; в-1.56; ↘; С₃; 1974; южная часть внутренней крепостной стены, в штукатурке. Шифр Н-393.

Единственной монетой, время которой точно устанавливается по годам правления выпускавшего ее царя, является монета согдийского ихшида Тархуна (700—710 гг.). Дата других монет в связи с отсутствием каких-либо сведений о выпустивших их лицах устанавливается главным образом по стратиграфическим и нумизматическим данным. Стратиграфические материалы поселения Гардани-Хисор — комплекса конца VII — первой четверти VIII в., как и стратиграфические данные городища Пенджикент, дают дополнительные сведения для уточнения датировки некоторых типов согдийских монет (монеты Гурака типа II и «безымянной царицы»). Поселение было полностью разрушено не позднее 722 г. при продвижении арабских карательных отрядов, преследующих согдийцев во главе с Деваштичем. Монета уструшанских правителей принадлежит группе монет, впервые выявленной О. И. Смирновой. Н. Негматов эту группу, по археологическим данным, относит к VI — началу VII в. (Смирнова, 1971, с. 62). Смирнова сообщает, что одна такая монета с именем Сатачари I найдена в составе клада монет первой четверти VIII в. Наша уструшанская монета обнаружена в штукатурке внутренней

¹ Здесь и далее буква «С» — степень сохранности, год после нее — время находки.

крепостной стены и относится, видимо, к концу VII в. Вместе с тем очевидно, что стена была отштукатурена не раньше времени ее выпуска.

Монет пенджикентской «безымянной царицы» в Гардани-Хисоре обнаружено 2 экз.: одна из них найдена на полу и датируется первой четвертью VIII в., не позже 722 г. (Распопова, 1969, с. 175). Этому не противоречит находка второго экземпляра на верхнем ярусе шурфа. Монета Гурака (тип II), согласно стратиграфическим данным поселения Гардани-Хисор, также относится к первой четверти VIII в. (Смирнова, 1963, с. 123; 1970, с. 171—172). Такую датировку монет подтверждают стратиграфические наблюдения на городище Пенджикент (Большаков, 1964, с. 117—118; Распопова, 1969, с. 175).

Таким образом, время чеканки монет из Гардани-Хисора охватывает в основном конец VII — первую четверть VIII в. и полностью совпадает со временем жизни на поселении, определяемым археологически (Якубов, 1973, с. 173). Находки монет также показывают, что население этих высокогорных районов в какой-то мере было втянуто в товарный обмен и связано как экономически, так и политически с пенджикентским владением.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Большаков О. Г. Отчет о раскопках северо-восточной части объекта III. — МИА, 1964, № 124.
- Дьяконова Н. В., Смирнова О. И. К вопросу о культе Наны (Анахиты) в Согде. — СА, 1967, № 1.
- Распопова В. И. Квартал жилищ рядовых горожан Пенджикента VII—VIII вв. — СА, 1969, № 1.
- Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент. (Матер. 1949—1956 гг.). М., 1963.
- Смирнова О. И. Очерки по истории Согды. М., 1970.
- Смирнова О. И. Первые монеты из Уструшаны. — ЭВ, 1971, вып. XX.
- Якубов Ю. Паргар в VII—VIII вв. Автореф. канд. дис. Душанбе, 1969.
- Якубов Ю. О раскопках в Куме. — АРТ, 1973, вып. X.

В. С. Соловьев

ГОРОДИЩЕ КАФЫР-КАЛА

(К характеристике раннесредневекового города
Северного Тохаристана)

Городище Кафыр-Кала расположено в Вахшской долине, на западной окраине райцентра Колхозабад. В плане оно делится на три обособленные части: цитадель, город и пригород. Город с цитаделью образуют правильный четырехугольный массив со сторонами длиной 360 м, ориентированными по странам света, который окружен мощным рвом шириной 57 м, глубиной до 5 м и оборонительными стенами с башнями. Цитадель располагается в северо-восточном углу города. Она квадратная в плане (70×70 м), над окружающей местностью возвышается на 12 м. Цитадель имеет снаружи, у юго-западного угла, выступ, глубоко вдающийся в ров. В этом месте, очевидно, находился подвесной мост, связывавший ее с самим городом. Городские постройки в виде холмов и впадин различной величины занимают основную часть городища — около 12 га. Они имеют 6—8-метровые отметки над уровнем окружающей местности. Через весь город с запада на восток тянется главная уличная магистраль, разделяющая его на две равные части — северную и южную. Упирается она своими концами в западные и восточные ворота. К этой магистрали со всех сторон подходят улочки, связывающие между собой отдельные постройки или целые строительные массивы. В центре города находится площадь (35×40 см). Городская стена в виде широкого (5—10 м) оштукатуренного вала прослеживается очень четко. Через равные интервалы,

примерно в 50 м, над стенами возвышаются башни; на каждой из них располагалось, очевидно, по семь башен. Угловые башни были крупней промежуточных.

Постройки пригорода начинаются сразу за городским рвом. Остатки их — небольшие холмы — прослеживаются с северной, западной и южной сторон города. В 100 м к югу от юго-восточного угла города, во дворе современного жилого дома, находится почти полностью сохранившаяся загородная усадьба в виде круглого холма диаметром 27 м, высотой до 2 м. В обресе холма видны две стены: одна пахсовая, другая из сырцового кирпича (52 × 26 × 10 см). В толще пахсовой стены летом 1969 г. был найден керамический сосуд с 200 анэпиграфными монетами VII—VIII вв. Со стороны пригорода, напротив западных ворот, в ров вклинивается насыпная лёссовая дамба длиной около 15 м, шириной 10 м. Над суженной частью рва, образовавшейся в этом месте, несомненно располагался мост, ведущий в город. Очевидно, такая же дамба имелась и напротив восточных ворот.

Некрополь находился к востоку от городища, на территории, занятой современными жилыми домами. В 1962 г. во дворе одного дома недалеко от городища было найдено захоронение в хуме.

Кафыр-Кала впервые была обследована в 1947 г. Вахшским археологическим отрядом, возглавляемым А. М. Беленицким (Беленицкий, 1950, с. 143, табл. 70, 2). В 1956—1957 гг. Т. И. Зеймаль произвела на городище первые раскопки. В ходе их был почти полностью вскрыт парадный зал аристократического жилого дома, сделаны ценные наблюдения по стратиграфии городища и датировке отдельных этапов его существования (подстилающий слой КФ-III — примерно IV—V вв.; КФ-II — середина VI—середина VII в.; крошечный слой КФ-I — середина VII—середина VIII в.). Она же отождествила Кафыр-Калу с Вахшем — раннесредневековой столицей области (Литвинский, Гулямова, Зеймаль, 1959, с. 131, 134, рис. 3).

В 1968 г. раскопки на Кафыр-Кале были возобновлены в более широком масштабе. На этот раз они велись преимущественно на цитадели. Общее руководство раскопками осуществлял Б. А. Литвинский. В работах принимали участие сотрудники Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР, Института востоковедения АН СССР и Института археологии АН СССР. Как затем выяснилось, на цитадели находились дворцовые постройки, синхронные городским. Наиболее полно изучены строения позднего дворца (период КФ-I) (Литвинский, Зеймаль, 1973, с. 155—163). Его ядро состояло из группы жилых и парадных помещений, занимавших центр площадки. В северо-восточном углу имелся крупный (площадь около 200 м²) аудиенц-зал, в юго-восточном — буддийская часовня (Литвинский, Денисов, 1973), к западу от нее — двор (примерно 15 × 35 м). На периферии дворца находились хозяйственные помещения. Сравнивая планировку кафыр-калинского дворца с планировкой других дворцов Средней Азии (Шинкин, 1963, с. 85—96), следует отметить, что она непохожа на них. Прежде всего нужно сказать о наличии во дворце Кафыр-Калы обходных коридоров. Иначе располагались здесь по отношению друг к другу парадные жилые и хозяйственные помещения, другим было их количество, размеры и т. д.

Городской жилой дом Кафыр-Калы еще полностью не вскрыт, но уже сейчас можно судить об его устройстве. Композиционным центром дома являлся крупный парадный зал (15 × 7 м), вытянутый с запада на восток. Внутреннее околостенное пространство зала занято суфами; западная, торцовая стена оформлена в виде ниши с фланкирующими ее колонками. К югу от зала вскрыты четыре небольших хозяйственных помещения. Следовательно, изучаемый жилой дом включал в себя не менее четырех помещений различной величины и назначения. По принципу устройства он напоминает ранне-средневековое жилище других областей Средней Азии (Воронина, 1963, с. 84—96).

Особенно близкие параллели дают жилые дома Пенджикента. Только здесь парадные залы, как правило, квадратной формы. В Куве жилые комп-

лексы VII в. имеют до четырех помещений, расположенных обычно на одной прямой (Булатова, 1966, с. 82—90).

Постройки пригорода пока не раскапывались. Они, как указывалось, окружали город со всех сторон, образуя местами крупные всхолмления. Застройка его, судя по рельефу, состояла как из отдельных усадеб, так и, видимо, из нескольких, слитых вместе. Границы пригорода установить сейчас невозможно, ибо рельеф вокруг городища сильно изменился. Кроме Кафыр-Калы пригороды к настоящему времени четко зафиксированы у городища древнего Пенджикента (здесь проводились его раскопки), у Бунджиката (столица Уструшаны), у Тараза раннесредневекового периода (Большаков, Негматов, 1958; Негматов, Хмельницкий, 1966, с. 194; Сенигова, 1972, с. 204).

Трехчастность городища Кафыр-Калы является важным аргументом в пользу тех ученых, которые считают раннесредневековый город прототипом средневекового города, имеющего в арабской терминологии соответственно следующие термины для частей: кала (цитадель), меина (город), рабад (пригород) (Толстов, 1948; Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973, с. 43). Естественно, автор не берется утверждать, что раннесредневековому городу Средней Азии свойственно только трехчастное деление. Это было бы грубой ошибкой. Однако, если перефразировать одно из замечаний А. Ю. Якубовского о нем, можно все же сказать, что у большинства столичных городов, являвшихся культурными и политическими центрами отдельных государств и владений, имелся пригород. Причин для его зарождения могло быть несколько. Одна из них — урбанизация. Город, обнесенный стеной и лишенный тем самым роста вширь, «выплескивался» за ее пределы. Таким образом, на примере Кафыр-Калы мы видим город с тремя основными, образующими его частями. Цитадель с городом при этом возведены одновременно, по единому плану.

Суммируя сказанное, нужно отметить, что раннесредневековый город Северного Тохаристана развивался, очевидно, в тех же традициях, что и некоторые города Согда, Уструшаны, других областей Средней Азии и Казахстана.

ЛИТЕРАТУРА

- Беленицкий А. М. Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г. — МИА, 1950, № 15.
Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
Большаков О. Г., Негматов Н. Н. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента. — МИА, 1958, № 66.
Булатова В. А. Жилой комплекс VII в. в Куве. (Результаты работ 1964 г.). — ИМКУ, 1966, вып. 7.
Булатова В. А. Древняя Кува. Ташкент, 1972.
Воронина В. Л. Черты раннесредневекового жилища Средней Азии. — СЭ, 1963, № 3.
Литвинский Б. А., Гулямова Э. Г., Зеймаль Т. И. Работы отряда по сбору материалов для составления археологической карты. — АРТ, 1959, вып. IV.
Литвинский Б. А., Денисов Е. П. Буддийская часовня на Кафыр-Кале. — АРТ, 1973, вып. X.
Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Раскопки на Аджина-Тепе и Кафыр-Кале в 1970 г. — АРТ, 1973, вып. X.
Негматов Н. П., Хмельницкий С. Г. Средневековый Шахристан. — МКУ, 1966, вып. I.
Сенигова Г. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.
Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
Шижкин В. А. Варахша. М., 1963.

КОСТЯНОЙ ТАЛИСМАН

В 1963 г. Западно-Памирский археологический отряд Таджикской археологической экспедиции полностью завершил раскопки могильника Зумудч, расположенного на территории юго-западной части Горно-Бадахшанской автономной области. В одном из погребальных сооружений (5) наряду с изделиями из бронзы, железа, дерева и керамикой (Бабаев, 1965, с. 71—81) были найдены предметы из кости, в число которых входят плоские орнаментированные трубочки, напоминающие музыкальный инструмент, костяные дощечки, а также четырехугольный амулет, которому посвящена данная статья (рис. 18).

Амулет (или талисман) — четырехугольный предмет с горизонтальным сквозным отверстием для подвешивания. С обеих сторон орнаментирован резным узором, заключенным в рамку. По краям нанесены резные точки. На одной стороне мастерски изображен бегущий олень, у которого рога гордо закинута назад, ноги подогнуты и запечатлены в стремительном беге. На обратной стороне — две фигурки у горящего жертвенника.

Размеры талисмана: длина 2.7 см, ширина 2.2 см, толщина 0.5 см. Изображение бегущего зверя (в данном случае мы имеем в виду оленя, архара или козла?), по-видимому, связано с религиозными верованиями. Не случайно на территории Средней Азии широко распространен «звериный» стиль — изображения козлов и других животных на стенках и ручках керамических сосудов, на перстнях и геммах. Религиозные верования, связанные с козлом, имеют глубокую древность (Окладников, 1949, с. 79). Близкая аналогия изображению на памирском амулете известна на гемме IV в. н. э., найденной на территории Узбекистана (Пугаченкова, 1963, с. 78).

Рисунок на обратной стороне также связан с религиозным обрядом и имеет несомненно широкий круг аналогий. Интересно, что у многих памирских сосудов из погребальных сооружений есть нагар копоти с внутренней стороны. Данное явление кажется нам не случайным, а связанным с культом огня. Изображения на талисмানে в какой-то мере аналогичны аташданам из Семиречья, где они представляют собой чаши на подставке. Среди светильников сасанидского Ирана А. Н. Бернштамом были отмечены экземпляры в виде массивной усеченной пирамиды. Не исключено, однако, что это изображения керамического жертвенника, аналогичного найденным в Балалык-Тепе (Бернштам, 1952, с. 135; Альбаум, 1960, с. 71—76). Наконец, укажем на подобные изображения, отмеченные Р. Гиршманом на многих эфталитских монетах (Girschman, 1948).

Далее, изображение на памирском амулете явно подражает тем каменным жертвенникам, которые соответствуют переносным алтарям для огня. А. Я. Борисов, рассматривая изображения на бия-найманских оссуариях, в качестве аналогий приводит ряд иконографических деталей (1940, с. 40). Сопоставляя их с изображением жертвенника, происходящего из могильника Зумудч, мы видим, что многие детали совершенно совпадают. Вероятно, это связано с культом огня, существующим на территории Средней Азии еще с эпохи бронзы. Культ огня на Западном Памире засвидетельствован многими явлениями. Так, например, в имени правителя крепости, расположенной вблизи кишлака Ямчун, — Замри-Оташ-Парст — слово Замр обозначает собственно имя, Оташ-Парст — «огнепоклонник». Интересные сведения дают этнографические наблюдения, по которым огонь выступает как оберег, имеет очистительную силу.

Вернемся к изображению жертвенника на памирском амулете. Он представляет собой чашевидный сосуд с широкой закраиной и снабжен устойчивым поддоном. Сосуд покоится на каком-то предмете, состоящем из двух дуг, соединенных в верхней части. В центре этого круга находится изображение, напоминающее наковальню. В то же время жертвенник не касается подставки. Как показали исследования, курильницы, столики-блюда и

жаровни, в которых горел священный огонь, не должны были непосредственно касаться земли. Жертвенник устанавливался на каменном постаменте или колонне. Наличие подставок, мешающих жертвенникам касаться земли, по всей вероятности, объясняется тем, что огонь — священная стихия: вся «Авеста» полна опасениями осквернить огонь и строжайшими указаниями, как надо его предохранять от контакта со всеми сокращенно нечистыми (Снесарев, 1969, с. 69, 70). Очевидно, у древних племен Западного Памира был распространен культ огня, одно из конкретных проявлений которого позволила раскрыть описанная нами уникальная находка.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- А л ь б а у м Л. И. Балалык-Тепе. К истории материнской культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.
- Б а б а е в А. Д. Уникальные находки из погребальных сооружений Западного Памира. — ИООН АН ТаджССР, 1965, № 1 (39).
- Б е р н ш т а м А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, 1952, № 26.
- Б о р и с о в А. Я. К истолкованию изображений на бия-пайманских оссуариях. — ТОВЭ, 1940, т. II.
- О к л а д н и к о в А. П. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш в Южном Узбекистане (Средняя Азия). — В кн.: Тешик-Таш. Палеолитический человек. М., 1949.
- П у г а ч е н к о в а Г. А. Резные камни античной поры в Музее истории Узбекистана. — ТТГУ, 1963, вып. 20.
- С н е с а р е в Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
- G h i r s c h m a n R. Chionites-Heptalites. La Caire, 1948.

А. Г у б а е в

ЗАМОК АК-ДЕПЕ У АРТЫКА В СВЕТЕ НОВЫХ РАСКОПОК

(К динамике развития раннесредневековых поселений Северного Хорасана)

Систематические раскопки замка Ак-Депе, проводящиеся Ашхабадским государственным университетом им. М. Горького, позволяют охарактеризовать развитие раннесредневековой культуры в зоне относительной политической стабильности, которую образовал Северный Хорасан, входивший в III—VII вв. в состав Сасанидского государства. Планиграфически Ак-Депе состояло из центрального бугра — собственно замка — и формирующего посада, представленного рядом менее значительных всхолмлений (рис. 19).

Основное внимание при работах уделялось раскопкам центрального бугра. Здесь были намечены контуры крепостной стены, к которой снаружи пристраивались небольшие комнаты, использовавшиеся как складские помещения. В них, кстати, было обнаружено значительное число булл с разнообразными оттисками.

В 1975—1976 гг. при работах была оконтурена стена замка на протяжении 50 м с семью башнями различной конфигурации. Ранее контуры замка были определены на северном фасае, где расчищена башня овальной формы, датируемая VI в. н. э. и пристроенная впритык к более ранней стене собственно замка. От этой башни и производится описание стены и башен, оконтуренных в ходе последующих раскопок. Башня 1 имеет форму неправильного четырехугольника. Расстояние между пристроенной поздней башней и башней 1 — 2,87 м. Через 2,35 м следует полукруглая башня 2 диаметром около 6 м. В промежутке между башнями 1 и 2 расчищены две бойницы щелевидного типа, высотой до 0,8 м, шириной 0,1—0,15 м. Крайний северный участок стены замка образует тупой угол, к которому пристроена круглая башня

3 диаметром 5.5 м. Расстояние от башни 2 до башни 3 — 2.7 м. В 1.6 м от башни 3 находится башня 4, овальной формы, выступающая от стен замка на 4.2 м. Через 4.7 м начинается полукруглая башня 6 диаметром 5.5 м. На юго-западном фасе башни были расчищены две бойницы. Одна из них имеет стрельчатую форму. Ее высота 1 м, ширина 0.12—0.2 м. Стрельчатая часть образована двумя половинками кирпичей. Непосредственно к башне 6 с запада и юга примыкают остатки стен помещений, пристроенных снаружи к замку. Внешние контуры башни и стены служили при этом стенами хозяйственных помещений. Непосредственно у южного фаса башни были расчищены три вертикально стоящих в ряд хума высотой до 1.25 м, с выпуклыми днищами и валикообразными венчиками. При расчистке хумов обнаружены три уровня полов хозяйственного помещения, внутри которого они находились. Найденные здесь фрагменты керамики датируются IV—VI вв., но аналогичны нисийской посуде парфянского периода. Это уже вторая такая находка во время раскопок замка Ак-Депе. Из других находок необходимо отметить фрагменты каменного бокала и статуэтки животного из плохо обожженной глины. Все башни пристроены вплотную к стене замка, выложены из кирпича размером $40 \times 40 \times 10$ см.

На южном фасе холма был заложен стратиграфический раскоп IVa (4×40 м), протянувшийся от верхней плоскости холма до его подошвы. В верхних слоях раскопа отмечен завал керамики VII в. н. э., аналогичной той, что была обнаружена в предыдущие сезоны на северном фасе холма и во время работ на раскопе IV. Среди керамики VII в. найдены фрагменты двух железных ножей, стеклянных флаконов, керамические и мраморные пряслица. Под кроющим слоем VII в. расчищена нивелировочная платформа, занимающая значительную часть площади раскопа. Эта платформа перекрывает стену собственно замка и спускается вниз по скату холма. Грани стены замка удалось засечь лишь в нескольких точках. Ширина ее около 5 м, сохранившаяся высота 1.65 м; размеры кирпичей, из которых она сложена, 37×9 , 32×8 , 33×7 и 36×9 см. Сама стена покоится на другой, более ранней стене. С внутренней стороны стены замка также имеется забутовочная кладка, на которой сохранились остатки стен из кирпича размером 39×10 и 38×12 см.

На поселении вокруг замка собран значительный подъемный материал, в основном керамика, аналогичная той, что происходит из кроющих слоев главного холма. Особый интерес представляет находка медных монет, три из которых принадлежат «маргианскому чекану» рубежа и начала нашей эры (рис. 20, А). Одна монета найдена непосредственно у подножия холма, две другие — в радиусе 150—300 м от него. Среди других находок — пехлевийская надпись на черепке (рис. 20, Б).

Необходимо отметить значительную перестройку замка Ак-Депе, когда он был перекрыт нивелировочной платформой, на которой возведены строения. Новые строения были возведены и вокруг замка, вплотную к его стенам и башням. Первые из них предположительно относятся еще к VI в. н. э., и существовали они, пережив несколько строительных периодов, вплоть до середины VII в. Для датировки этих периодов важна находка в кладке арки на северном фасе холма драхмы Хосроя II, чеканенной в Мерве в 612 г. Находка подъемных медных монет «маргианского чекана» I—II вв. и фрагментов парфянской керамики подтверждает ранее высказывавшееся предположение, что первое обживание Ак-Депе относится еще к античному периоду.

Из исследований в округе замка представляют интерес работы на возвышении, в 150 м к югу от основного холма. Высота этого всхолмления 0.7 м, размеры с севера на юг 8 м, с запада на восток 12 м. Здесь был заложен новый раскоп. Среди завала, состоящего из обломков оштукатуренных кирпичей и фрагментов алебастровых обмазок, расчищен «алтарь огня». Он представляет собой конусообразное сооружение, сложенное из сырцового кирпича и покрытое глиной. Верхняя часть конуса разрушена. Сооружение покоится

на подиуме из алебастра, который возвышается над уровнем пола на 4 см. Подиум имеет подквадратную форму со сторонами 1 м и несет явные следы трех ремонтов — почти по всему его периметру сохранилась последняя по времени ремонтная обмазка со следами окраски светло-зеленого цвета. У самого конусообразного сооружения следующие размеры: высота сохранившейся части 45 см, диаметр основания 75 см, диаметр верха 45 см. При расчистке завала около «алтаря» выяснилось, что вокруг него по поверхности подиума идет слой прокаленной глины толщиной до 2 см. В завале встречены также фрагменты сырцовых кирпичей и штукатурки, покрытые краской не менее трех цветов. Ясно прослеживаются белый и красный цвета на черном фоне. Возможно, перед нами часть небольшого святилища огня.

Раскопки Ак-Депе показывают, что в Северном Хорасане в эпоху раннего средневековья, так же как и в Среднеазиатском междуречье, шел процесс формирования замков как одного из ведущих типов поселения. Этот процесс скорее всего отражает глубинные социально-экономические явления, в равной мере протекавшие в областях с различной политической ситуацией.

З. И. Усманова

РАСКОПКИ БУДДИЙСКОГО ПАМЯТНИКА III—VI вв. В МЕРВЕ

Среди изучаемых раннесредневековых памятников Мерва весьма интересным является буддийский памятник, открытый еще в 1960 г. О нем в связи с находкой глиняной головы статуи Будды и расписной вазы с древними рисунками в ней было несколько сообщений, однако материалы последующих раскопок еще не публиковались (Массон, 1963, с. 54—57). Памятник состоит из ступы и сангарамы. Ступа имела вид башни на квадратном постаменте (13.5×13.5 м) с парадной лестницей по северному фасаду, по обе стороны от которой находились две колонны с остатками резного стука, связанные с открытыми айванами. Перед лестницей на постаменте располагалась огромная глиняная статуя Будды. Раскопками установлено, что первоначально ступа была полусферической (диаметром 4.8 м, высотой 3.4 м) на платформе высотой 2.6 м, шириной 12.5 м. Встреченные в кладках медные монеты чекана Шапура I (243—273 гг.) указывают на строительство ступы во второй половине III в. н. э. Последующие периоды связаны с крупными ремонтными работами, датированными монетами Шапура II (309—379 гг.). Тогда уже сложилось здание к югу от ступы, предназначенное для совершения обрядовых церемоний вокруг нее (Усманова, 1972, с. 537), площадью 140 м². Вскрыто 26 помещений (рис. 21), установлены два крупных строительных периода (Усманова, 1975, с. 530).

К первому периоду относится возведение квадратного здания с рядом помещений (I, IV—VII, XVIII и XIX), из которых XVIII служило, видимо, святилищем для свершения обряда поклонения ступе. Пом. I было тогда квадратным и использовалось как молитвенный зал. Пол был выстлан жженым кирпичом, а стены с нишами покрыты белой штукатуркой. Пом. XVIII (2.5×2.5 м) имело три сводчатых прохода (восточный впоследствии заложено); вдоль северной стены возвышалась суфа из жженого кирпича на ганчевом растворе со следами красной краски. Затем прямо на суфе возвели кладку в один кирпич вдоль западной и восточной стен. Таким образом, на уровне суфы образовалась глубокая ниша (90 см). Стены ее были покрыты толстым слоем ганча. Ниша, видимо, предназначалась для скульптуры. Комната была богато отделана, о чем свидетельствуют куски глины с росписью и куски белой штукатурки со следами красной, а также ярко-желтой краски. Здесь же найдены два остракона. Пол комнаты выложен квадратным жженым кирпичом.

Второй период связан со строительством южной и юго-западной групп помещений, изолированных от первоначального ядра здания мощной сырцо-

вой стеной. Новый комплекс создавался по единому продуманному плану. Внешняя стена здания по восточному фасу шла уступами, образуя подовальный внешний контур. В помещениях полы глиняные, стены сырцовые, покрытые белой штукатуркой (в некоторых отмечены следы закопченности), все ниши со сводчатой аркой. В узких помещениях и коридорах сохранились начала выкладки сводчатых перекрытий. В центре пом. XVII (5.8×5.75 м) расчищена квадратная суфа высотой 25 см, обмазанная глиняной штукатуркой, отстоящая от стен на 1 м. Над суфой идет слой натека, свидетельствующий о забросе помещения. Поверх натека — слой завала, в котором найдены терракотовая фигурка женщины и куски глины с росписью белой, красной и черной красками. Пол выложен сырцом (40×40×10 см). На полу найдена чаша с росписью. Помещение с трех сторон имеет обходные коридоры с выходом на юг и запад. Судя по планировке, оформлению и находкам, пом. XVII с коридорами для свершения ритуала обхода выполняло функцию святилища. Такая планировка храмов связывается с местными традициями строительства культовых зданий Ирана, Афганистана и юга Средней Азии (Литвинский, 1972, с. 168). Вход в святилище осуществлялся с севера, однако в коридоры можно было попасть и с западного фаса, где располагались хозяйственные помещения с открытым айваном.

Полученный материал весьма своеобразен и выразителен. Это раскрашенная глиняная голова Будды (Пугаченкова, 1967, с. 80, рис. 17), уникальная расписная ваза (Кошеленко, 1966, с. 92—104), глиняные таблички (13.2×12.6 см) с оттиснутым изображением сидящего Будды, стоящей справа женщины и ступы с левой стороны, а также керамический реликварий в форме ступы, остраконы, женские и мужские терракотовые фигурки, изображения животных. Основным датированным материалом являются медные монеты, определенные М. Е. Массоном (1963). Монетами Шапура I датируется строительство буддийской ступы; время функционирования сангарамы в период ее полного благополучия определяется монетами следующих сасанидских правителей: Нарсе (293—302 гг.), Хормизда II (303—309 гг.), Вологаза (484—488 гг.), Ковада I (488—531 гг.), Хосрова I (531—579 гг.). С именем последнего связывается строительство второй ступы за городской стеной Мерва (Ртвеладзе, 1974, с. 234). К приходу арабов первая ступа была, видимо, окончательно покинута служителями культа.

ЛИТЕРАТУРА

- Кошеленко Г. А. Уникальная ваза из Мерва. — ВДИ, 1966, № 1.
 Литвинский Г. А. Буддизм и среднеазиатская цивилизация. — В кн.: Индийская культура и буддизм. М., 1972.
 Массон М. Е. Из работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции Академии наук Туркменской ССР в 1962 году. — Изв. АН ТуркмССР. Сер. обществ. наук, 1963, № 3.
 Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана. М., 1967.
 Ртвеладзе Э. В. Новый буддийский памятник в Старом Мерве. — ТЮТАКЭ, 1974, т. XV.
 Усманова З. И. Раскопки в Мерве. — АО 1971 г., 1972.
 Усманова З. И. Продолжение раскопок в Старом Мерве. — АО 1974 г., 1975.

Н. Г. Горбунова

О РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ КЕРАМИКЕ ФЕРГАНЫ

Несмотря на то что в различных районах Ферганы уже проводились раскопки на поселениях эпохи раннего средневековья, керамика с них почти не публиковалась. Даже при издании материалов Кувинского городища пришлось ограничиться только суммарной характеристикой керамики VII—VIII вв. (Булатова, 1972, с. 42—43). Некоторые сведения о раннесредневековой керамике Ферганы можно найти лишь в описании раскопок городища

Касан (Бернштам, 1952, с. 239), поселения Ак-Тепе (Баруздин, Брыкина, 1962, с. 96—98) и могильника Уч-Ат (Заднепровский, 1975, с. 53—55). Разумеется, в данной статье не предлагается полная характеристика ранне-средневековой посуды Ферганы. Речь пойдет лишь о некоторых ее формах, о тех общих изменениях в керамической традиции, которые уже достаточно очевидны, и о некоторых направлениях культурных связей Ферганы VII—VIII вв.

Ферганской экспедицией Государственного Эрмитажа и Ферганского областного краеведческого музея во время работ на новостройках в различных районах Ферганы были открыты культурные слои рассматриваемого периода на поселениях Чун-Тепе, Мыкты-Курган и Ак-Тепе на юго-востоке центральной части долины, Сары-Курган в юго-западной ее части и Куук-Тепе в северо-восточной.

Кроме того, во время работы по сбору материалов для археологической карты Ферганской области был выявлен еще ряд поселений этого периода. Насколько можно судить, слои VII—VIII вв. являются большей частью кроющимися на поселениях предшествующего времени, реже бывают основными или перекрытыми позднесредневековыми слоями (речь идет, конечно, о не-больших поселениях, а не о городах типа Кувы или Ахсыкета). Все это связано, видимо, с изменениями в расположении памятников в различные периоды. Так, например, очевидно, что поселения окраинной зоны песков Центральной Ферганы к данному времени прекращают свое существование, что было отмечено еще при проведении археологического надзора на строительстве Большого Ферганского канала (Гулямов, 1951, с. 121; Массон, 1976, с. 174). Количество поселений по сравнению с предшествующим периодом резко сократилось (по материалам Ферганской области почти вдвое). Это отмечал и А. Н. Бернштам (1952, с. 248). Изменения происходят и в материальной культуре, в частности в керамике. Раскопками Ферганской экспедиции открыты следующие комплексы.

На Чун-Тепе, расположенном на правом берегу Куvasая, раскопано несколько помещений, одно из которых, видимо, было мастерской по изготовлению железных изделий. Стратиграфически наблюдаются два перекрывающих друг друга строительных периода VII—VIII (IX?) вв. Ниже них были два культурных слоя предшествующего этапа, а выше слои X—XII вв. В верхнем слое завала мастерской (нижний из слоев VII—VIII вв.) найдена медная монета, определенная О. И. Смирновой как относящаяся к Аббасидам (подражание бухар-худатским монетам, конец VIII—начало IX в.).

В 1 км от Чун-Тепе, на том же берегу Куvasая, на одном из участков крепости Мыкты-Курган раскопаны небольшие помещения. В одном из них найдена часть станковой миски с четырьмя знаками тюркского рунического письма (рис. 22, 4).

На поселении Ак-Тепе (у селения Арсиф) открыта круглая в плане постройка, возведенная еще в предшествующий период, но продолжающая существовать и в VII—VIII вв. (Горбунова, Иванов, 1973, с. 458). Это поселение, так же как Чун-Тепе и Мыкты-Курган, относится несомненно к Кувинскому округу и было тесно связано с городом Куба (совр. Кува).

Крепостного характера постройка Сары-Курган, на р. Сохе, выполнявшая роль сторожевого пункта у начала оросительной системы Сохского веера, возникла в первой половине I тыс. н. э., но в VII—VIII вв. продолжает свое существование, перестраивается и укрепляется, а затем вплоть до XIX в. уже не функционирует (Горбунова, Шигин, 1976, с. 526).

И наконец, на поселении Куук-Тепе, расположенном в междуречье Карадарьи и Нарына, представлявшем в первой половине I тыс. н. э. монументальное сооружение, к VII—VIII вв. относятся только небольшие постройки хозяйственного типа на вершине цитадели (Горбунова, 1972, с. 514).

Во всех перечисленных постройках обнаружена керамика совершенно иного облика, чем посуда из нижележащих слоев. Известно, что в первой половине I тыс. н. э. в Фергане была распространена характерная, преиму-

щественно станковая керамика, покрытая сплошь или частично цветным (чаще всего красным) ангобом с нанесенным по нему геометрическим узором. Формы ее разнообразны, почти не имеют аналогий за пределами долины (Горбунова, 1971; Литвинский, 1973). В последнее время удается наметить в этой массе красноангобированной керамики более ранние и более поздние ее этапы. Насколько можно судить, керамике времени, непосредственно предшествовавшего VII—VIII вв., свойственно ухудшение качества ангоба, частичное покрытие сосудов, почти полное исчезновение специфически ферганского обычая украшать посуду процарапанным геометрическим орнаментом, сокращение количества и разнообразия ряда форм (например, горшков); в других формах проявляется влияние каунчинской культуры (в частности, появление кувшинов с рожком) и, возможно, начинает проникать через Уструшану влияние культуры Согда. Но в целом керамическая традиция не прерывается.

Иная картина наблюдается в VII—VIII вв. Красноангобированная керамика почти исчезает. Во всяком случае находки ее редки, и каждый раз следует тщательно проверять возможность попадания ее из нижних слоев. Станковая посуда светлоглиняная, большей частью без специального покрытия, с грязно-коричневым тусклым или светлым ангобом или с мажущимся красным покрытием. Остановимся на некоторых формах станковой и частично лепной посуды.

Миски. Эта форма становится менее вычурной и разнообразной. Сохраняется традиция изготовления мисок с перегибом по центру (рис. 22, 1), но они мельче, с менее четким перегибом (рис. 22, 4). Чаще встречаются миски с тонким непрофилированным венчиком, широко развернутыми краями (рис. 22, 3).

Широкогорлые сосуды. Известен только один фрагмент широкогорлого сосуда — со сливом у края венчика, с волнистым прочерченным орнаментом (рис. 22, 2). Он найден при шурфовке однослойного поселения Дамкуль-Тепе (Гамбург, Горбунова, 1959, с. 6). Он близок сосудам, которые встречаются как в нижних слоях Пенджикента, так и в верхних (Бентович, 1953, табл. IX, 6; 1964, с. 269; Маршак, 1964, с. 233). Видимо, к этому же типу относятся найденные на городище Кува носики-сливы в виде головы быка (Булатова, 1972, с. 44).

Кувшины. Это форма, на которой хорошо прослеживаются происшедшие изменения. По сравнению с предшествующим периодом явно увеличивается количество станковых кувшинов с ручками, с ручками и носиками-сливами (для первых веков нашей эры они вообще нехарактерны). Среди них следует отметить некоторые формы: кувшины с венчиком, утолщенным кольцевым ободком и с небольшим примытым сливом (рис. 22, 5), близкие по типу к кувшинам третьего этапа каунчинской культуры и кувшинам верхнего слоя Пенджикента (Бентович, 1964, с. 270, рис. 6, 3; Левина, 1971, с. 186, рис. 59, 353); кувшины с ручкой, изогнутой почти под прямым углом, с рожком, поставленным на плечико на противоположной от ручки стороне, сдвинутым с краев так, что верхний край касается венчика (рис. 23, 2; 22, 10). Такие кувшины хорошо известны также на третьем этапе каунчинской культуры и в Семиречье (Ак-Бешим) VII—VIII вв. (Распопова, 1960, рис. 3, 3; Левина, 1971, с. 186, рис. 59, 354). На нашем экземпляре (найденном в том же помещении Чун-Тепе, что и монета VIII—IX вв.), как и на кувшине из Ак-Бешима, по низу рожка нанесен углубленный орнамент «лунками». Такой орнамент часто встречается не только на кувшинах, но и на кружках. Он обычно располагается вокруг основания рожков или ручек. Аналогичные кувшины, но без такого орнамента были найдены и в Уструшане (Негматов, Пулатов, Хмельницкий, 1973, рис. 42, 2; Пулатов, 1975, рис. 27, 3), где они без особых оснований датируются IV—VI вв.

Встречены также треугольные сливы, подтесанные ножом (рис. 22, 7). Они принадлежали кувшинам, хорошо известным как в Согде, так и в других районах распространения согдийской культуры (Распопова, 1960,

рис. 7, 2; Маршак, 1961, с. 190; Бентович, 1964, с. 281, рис. 19, 6; Левина, 1971, рис. 59, 352). Для различных форм кувшинов характерны венчики, разделенные двумя-тремя валиками (рис. 22, 14), хорошо известные в согдийской керамике (Бентович, 1964, с. 279, рис. 6, 12; 19, 7). Ручки большей частью плоские, имеют по краям валики или вдоль всей плоскости один либо два желобка. Прикреплялись одним концом к краю венчика, другим к плечу. Иногда ручки являются имитацией витых (рис. 22, 13), а на верхней части ручек бывают выступы или круглые нащепки. Все эти особенности свойственны опять же каунчинской и согдийской культурам. На Куюк-Тепе была найдена и часть маслобойки, аналогичная пенджикентской (Бентович, 1964, рис. 16). Находки маслобоек известны и в Куве (Булатова, 1972, с. 42). Как в Куве, так и на Чун-Тепе встречены и глиняные педилки (рис. 22, 17). А в верхних слоях поселения Гайрат-Тепе были найдены небольшие мисочки с отверстием в дне (Козенкова, 1964, с. 234), подобные пенджикентским (Бентович, 1964, с. 273, рис. 13, 1, 2).

Кружки. Наиболее распространены согдийские кружки первого типа (Маршак, 1961, с. 180—185) — с цилиндрической верхней частью, округлым корпусом, валиком в месте перехода от горла к корпусу, небольшой кольцевидной ручкой, расположенной посередине тулова (рис. 23, 3; 22, 8). Ручки имеют два продольных желобка. По поводу происхождения такого типа кружек между Б. И. Маршаком и Б. А. Литвинским возникла небольшая дискуссия. Не вдаваясь в ее детали, можно лишь отметить, что кружка — несомненно форма, характерная для территории распространения полукочевнических и кочевнических культур (Акишев, Кушаев, 1963, с. 103, рис. 82, табл. VII—VIII; Левина, 1971, рис. 59). Появление единичных кружек в Фергане еще в V—III вв. до н. э. связано с влиянием этих культур. В первой половине I тыс. в Фергане данная форма свойственна более всего северо-западному ее району, постоянно связанному с культурами каунчинского круга. Недаром из 50 кружек, найденных в могильниках Западной Ферганы, свыше 30 — из погребений типа мугхона северо-западной ее части (Литвинский, 1973, с. 87). В могильниках же юго-западного района из 18 кружек семь относятся к типу, который Литвинский справедливо связывает с подражанием металлическим образцам, но они вряд ли сыграли роль в развитии типологического ряда кружек. Это как бы его «боковая ветвь». Сложение же согдийских кружек первого типа происходит не столько от конкретных прототипов их, сколько в результате продолжающейся устойчивой традиции изготовления таких форм в той же среде (на этот раз тюрки) и несомненно связано с подражанием металлическим образцам.

Распространение кружек первого типа оказалось гораздо более широким, чем предыдущих их форм. В Фергане имеются экземпляры как с более низкой верхней цилиндрической частью, так и с более высокой, что свидетельствует о последовательном распространении здесь и более ранней (VII в.), и несколько более поздней (VIII в.) их разновидности (Распопова, 1960, с. 145).

Получают распространение в Фергане и кружки с волнистым краем и петлевидной ручкой (рис. 23, 1; 22, 6), также очень характерные для Согда конца VII—VIII в. (Маршак, 1961, с. 185—189; Бентович, 1964, рис. 21, 17). Наш экземпляр найден на Чун-Тепе в помещении, перекрывавшем помещение с монетой. Известны и кружки цилиндрической формы, с накладным щитком на ручке (Булатова, 1972, с. 43). Похожие, но без накладки экземпляры встречены в Фергане в предшествующий период (Литвинский, 1973, с. 22). Такие кружки более характерны для Чача (Левина, 1971, с. 186) и Семиречья (Распопова, 1960, с. 148).

К числу элементов, свойственных керамике (в нашем экземпляре — лепной) VII—VIII вв., следует отнести также круглые налепы на ручках сосудов (рис. 22, 18, 19), дуговидные ложные ручки с насечками на них (рис. 22, 16).

Все приведенные данные свидетельствуют о том, что в VII—VIII вв. в Фергане происходят изменения в керамическом производстве. Прежние навыки

проявляются незначительно, усиливаются традиционные для Ферганы связи с Чачем и замечается новая линия связей — согдийская, начало которой, возможно, относится к предшествующему периоду. При этом необходимо отметить, что материалы, рассмотренные выше, происходят с рядовых поселений и отражают в первую очередь некоторые черты массового производства. В то же время в Куве имелись и более «парадные» вещи, такие как сосуды со сливом в виде головы быка, кружки, украшенные каннелюрами, и пр. Возможно, это были и просто привозные сосуды.

Изменение керамической традиции в VII—VIII вв. характерно не только для Ферганы, но и для самого Согда (Маршак, 1964, с. 241) и других областей Средней Азии (Неразик, 1959, с. 259; Левина, 1971, с. 188). Для Согда это объясняется новым расцветом культуры (Маршак, 1964, с. 241), для Хорезма — новыми этническими и культурными связями (Неразик, 1959, с. 1960), для Чача — согдийской колонизацией Семиречья, проходившей через его территорию (Тереножкин, 1950, с. 161; Расопова, 1960, с. 162; Левина, 1971, с. 188). Движение согдийцев не могло не затронуть Фергану. Время наиболее массового влияния согдийской культуры здесь, видимо, VIII в., что связано скорее всего с известными политическими событиями, вынудившими согдийцев, восставших против арабов, искать убежище в Фергане (Якубовский, 1950, с. 39—40). Вероятно, часть их затем так и осталась в стране, способствуя выходу Ферганы из некоторой культурной обособленности, свойственной ей на протяжении предшествующих веков.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.
- Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А. Археологические очерки Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962.
- Бентович И. Б. Керамика Педжикента. — ТТАЭ, 1953, т. II. (МИА. № 37).
- Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Педжикента (VII—VIII века). — ТТАЭ, 1964, т. IV. (МИА. № 124).
- Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. — МИА, 1952, № 26.
- Булатова В. А. Древняя Кува. Ташкент, 1972.
- Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г. Археологические работы Ферганского областного краеведческого музея в 1953—1954 гг. — ИМКУ, 1959, вып. 1.
- Горбунова Н. Г. Некоторые вопросы хронологии ферганской керамики с красным ангобом. — АСГЭ, 1971, № 13.
- Горбунова Н. Г. Работы Ферганской экспедиции. — АО 1971 г., 1972.
- Горбунова Н. Г., Иванов Г. П. Ферганская экспедиция. — АО 1972 г., 1973.
- Горбунова Н. Г., Шигин А. Е. Работы Ферганской экспедиции. — АО 1975 г., 1976.
- Гулямов Я. Г. Отчет о работе третьего отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. — ТИИА АН УзССР, 1961, вып. IV.
- Заднепровский Ю. А. Раскопки катакомбного могильника Уч-Ат в Южной Киргизии в 1973 г. — УСА, 1975, вып. 3.
- Козенкова В. И. Гайрат-Тепе. — СА, 1964, № 3.
- Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н. э. — ТХАЭЭ, 1971, т. VII.
- Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973.
- Маршак Б. И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII веков. — ТГЭ, 1961, т. V.
- Маршак Б. И. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. — ТТАЭ, 1964, т. IV. (МИА. № 124).
- Массон М. Е. Из воспоминаний среднеазиатского археолога. Ташкент, 1976.
- Негматов Н. Н., Пулатов У. П., Хмельницкий С. Г. Уртакурган и Тирмизактепа. — МКУ, 1973, вып. II.
- Неразик Е. Е. Керамика Хорезма афригидского периода. — ТХАЭЭ, 1959, т. IV.
- Пулатов У. П. Чильхуджра. — МКУ, 1975, вып. III.
- Расопова В. И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. — ТХАЭЭ, 1960, т. IV.
- Тереножкин А. И. Согд и Чач. — КСИМК, 1950, вып. XXXIII.
- Якубовский А. Ю. Итоги работ Согдийско-Таджикской экспедиции в 1946—1947 гг. — Тр. Согд.-Тадж. археол. эксп., 1950, т. 1. (МИА, № 15).

ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ УСАДЬБЫ КАЙРАГАЧ В ФЕРГАНЕ

Укрепленная усадьба Кайрагач расположена на высокой надпойменной террасе на мысе, образованном р. Ходжа-Бакырганом и пересыхающим летом саем (левым притоком реки). Благодаря такому расположению усадьба господствует над большим участком долины.

Усадьба имеет прямоугольные очертания и ориентирована углами по странам света. Она состоит из двух площадок, разделенных стеной, сложенной из сырцовых кирпичей. Северная и западная границы усадьбы—естественные—река и сай. С юга и востока ее окаймляют глубокие рвы. Усадьба является лишь небольшой частью обширного поселения, которое занимает высокую надпойменную террасу. В 2,5 км к западу от поселения находится могильник. Поселение и могильник были впервые обследованы в 1958 г. Ю. А. Заднепровским (1960, с. 90—103, 164).

Систематические исследования усадьбы Кайрагач начаты нами в 1969 г. За семь полевых сезонов памятник вскрыт почти полностью. Раскопки показали, что здание возведено на материке и естественная неровность рельефа обусловила в ряде случаев разницу уровней полов в помещениях. Здание имеет очень сложную стратиграфию. На верхней площадке выявлены сооружения трех строительных горизонтов. На нижней площадке стратиграфия была еще более дробной и сложной. Здесь открыты сооружения пяти горизонтов, каждый из которых характеризовал определенный этап в жизни здания. В ряде случаев перестройки были кардинальными. В каждый из периодов здание возводилось как единый архитектурный комплекс. Раскопки показали, что усадьба в древности занимала значительную площадь и современные границы ее не были границами древнего здания. Наиболее поздние сооружения обнаружены на верхней площадке, наиболее ранние — у северо-восточного края нижней площадки и по восточному склону памятника. У самого северо-восточного края нижней площадки открыты помещения первого периода. Это были небольшие комнаты удлиненных пропорций с очагами и суфами. Плоскую кровлю комнат поддерживали круглые деревянные колонны. В одной из комнат северного угла площадки найдены массивные глинобитные колонны, основой которых являлись деревянные столбы. Вдоль юго-восточного края усадьбы располагались хозяйственные помещения. Это были большие однотипные удлиненные комнаты, соединенные дверными проемами. На этом участке, видимо, имелись два ряда помещений, по внешний, тянувшийся вдоль рва, не сохранился. В третий и четвертый периоды в восточной половине на месте разрушенных первоначальных построек находился двор, центр которого занимал обширный и глубокий водоем. Над ним в первоначальный период располагалась крыша, опиравшаяся на столбовые опоры. К моменту пожара, который охватил все здание и следы которого обнаружены на дне водоема, воды в последнем не было.

Западный угол площадки занимал храмовый комплекс. Он включал в себя три комнаты. Первая — небольшая удлиненная — соединяла храм с остальными помещениями усадьбы. Около северо-восточной стены комнаты находилась высокая и широкая суфа. В юго-западной стене — ниша полуовальной формы. В ней лежало семь небольших скульптур, представлявших собой поясные изображения людей. Нижняя часть стен и суфа раскрашены красной краской. Дверной проем, находившийся в юго-восточной стене, вел во двор. Через вторую дверь, расположенную в западном углу, можно было попасть в святилище — большую комнату площадью около 25 м², почти квадратную в плане. Стены ее украшены красной росписью в виде схематических побегов. Плоское перекрытие комнаты поддерживали четыре прямоугольные колонны, основания которых обнаружены в полу. Западный угол комнаты занимал невысокий постамент, раскрашенный красной краской.

Другой постамент, прямоугольный в плане, находился около юго-западной стены. Вдоль западного края постамента шло узкое возвышение. Постамент был украшен росписью, выполненной красной краской по штукатурке. На одной его стенке изображено дерево с загнутыми ветвями, другая покрыта красными пятнами, третья — сплошь красной краской. В центре комнаты находился большой напольный очаг прямоугольной формы, с небольшим углублением в центре. Комната, очевидно, являлась домашней часовней. Доказательство — находки четырех скульптур (две большие и две маленькие), представлявших собой поясные изображения людей и являвшихся атрибутами местного религиозного культа. Скульптуры стояли на постаменте, а при разрушении храма были с него сброшены. В святилище найдены и другие предметы культа — три курильницы на высоких ножках (рис. 24, 12, 13), массивная наковальня, служившая объектом поклонения (?). Здесь же лежал мешочек с приношениями богам, включавшими стеклянные и каменные бусы (из горного хрусталя и сердолика), сильно стертые кусочки стекла, бронзовые привески и одну бронзовую монету, видимо, чачского чекана. На аверсе ее изображен правитель, на реверсе — тамга в виде разомкнутого овала «с усами» (два вверху, один внизу). Аналогичные монеты неоднократно находили на городищах Чач-Илакского района (Массон, 1933; Абдуллаев, 1975, с. 134—151; Буряков, 1975).

Дверь в северо-западной стене святилища вела в узкую и длинную комнату, перекрытую двойным сводом. Внешний свод сохранился на высоту до 7.48 м. О его конструкции судить трудно; скорее всего он выложен способом наклонных отрезков, внутренний свод — способом поперечных отрезков, а внешний — клинчатой кладкой (Толстов, 1948, с. 104, рис. 41). В торцевой (северо-западной) стене комнаты находилась ниша, арка которой сложена из кирпичей, поставленных на ребро врасклинку. Перед нишей на полу лежала раздавленная курильница на массивной ножке; конический резервуар ее завершают три ступенчатых выступа. Храм был сооружен, видимо, в конце второго — начале третьего периода и функционировал на протяжении всех последующих периодов.

Одновременно с храмом были сооружены комнаты, занимающие северный угол памятника и группирующиеся вокруг длинного коридора, вытянутого с северо-запада на юго-восток. Северо-восточнее коридора располагаются большие комнаты, почти квадратные в плане; юго-западнее — узкие комнаты удлинённых пропорций, перекрытые, судя по завалам из кирпичей, упавших на торец, сводами. В одной из комнат в первый период находился колодец. Над колодцем были деревянные конструкции, которые, видимо, использовались для поднятия воды. В стенках комнаты, как и в стенках колодца, имелись пазы, куда вставлялись ворот и другие водоподъемные приспособления. Расчистка колодца доведена до глубины 9 м, но дно не обнаружено. По мнению гидрологов, водоносные слои в этом районе лежат на уровне реки. Значит, можно предположить, что глубина колодца достигала 40—50 м. Одновременно с колодцем функционировал погреб, расположенный к северо-востоку от колодца и сооруженный во второй период.

Интерьер всех открытых комнат одинаков. В каждой из комнат есть очаги и суфы. Более или менее одинаковы и размеры комнат — от 16—17 до 25 м². Хорошо выделяется лишь храмовый комплекс, включавший совершенно бесспорно три комнаты. Видимо, в этот комплекс входили также и две комнаты, располагавшиеся к югу от двора. Одна из них, большая, удлинённая, примыкавшая с юго-востока к святилищу, имела широкие суфы вдоль трех стен. Другая, маленькая, квадратная в плане, соединялась дверным проемом с первой. В ней суфы тянутся по всему периметру. В северном углу в ямке на суфе обнаружены глиняные модели фаллосов. Прилегающий к храму двор подчинялся храму и хозяйственным назначением не обладал. Поскольку храм был связан с местным, скорее всего семейным, культом, он расположен в центральной части здания, изолированной от внешнего мира. Домашние храмы и молельни имели различную структуру и могли включать

одну или несколько комнат. Так, в богатых домах Пенджикента хорошо выделяются капеллы, в которых были алтари и изображения почитаемых предков хозяина дома (Беленицкий, Маршак, 1976, с. 84). Г. А. Пугаченкова отмечала присутствие культовых мест в жилых комнатах Дальверзина, где перед нишами найдены культовые статуэтки (1972).

Кайрагачский комплекс является пока первым культовым памятником в Фергане. Отсюда происходят 12 скульптур. Две большие находились постоянно в святилище, где стояли на постаменте. Они являлись объектами почитания всей семьи или общины. Перед ними совершались ритуальные обряды, сопровождавшиеся, видимо, возжиганием священного огня в очаге и курильницах. Маленькие же фигуры принадлежали отдельным членам коллектива и были, очевидно, их личными оберегами. На верхней площадке усадьбы выделяются две обширные комнаты с высокими суфами, удобными для сидения, и напольными очагами-площадками в центре. Эти комнаты явно носили общественный характер и, возможно, связывались с каким-то культом, ритуал которого предполагал поклонение огню. Обе площадки были сильно прокалены, что свидетельствует о длительном горении огня. В сосуде, стоявшем в очаге одной из комнат, вероятно, воскуривалась благовонная трава. Культовые очаги, в которых возжигался священный огонь, отмечались неоднократно при исследовании памятников Средней Азии. В частности, Алоу-Хона («дом огня») был обнаружен в Хорезме, в Джанбас-Кале (Толстов, 1948, с. 98, 99). При раскопках большого дома в Майда-Тепе открыта парадная комната с нишей и суфами, имевшая в центре большой прямоугольный очага, огороженный бортиками. В нем длительное время горел огонь (Брыкина, 1973, с. 115, рис. 43).

Назначение других комнат усадьбы вырисовывается не так отчетливо. Интерьер комнат, как уже сказано выше, однообразен. В них найдено огромное количество керамики (рис. 24), но распределение ее по комнатам мало что дает для определения назначения сосудов. Во всех комнатах почти одинаковый набор посуды: хумы, кувшины, котлы, горшки и такие парадные и ритуальные сосуды, как ритоны и курильницы. Только в пом. 18 первого периода на нижней площадке и в двух помещениях последнего периода на верхней площадке не найдено хумов. Несколько комнат несомненно можно считать кладовыми. Здесь сосуды стояли в определенном порядке на полу и на суфах, а в некоторых случаях были закопаны в пол. В этих комнатах сосредоточено огромное количество сосудов; так, в одной из них (пом. 8 — на верхней площадке) стояло 16 хумов, а в другой (пом. 27 — на нижней площадке) — 27. В этих же комнатах развал керамики имел хаотичный характер, и создавалось впечатление, что сосуды упали откуда-то сверху. Примером комнат с таким развалом является святилище, где раздавленные хумы лежали в амфорном завале. Прямых свидетельств наличия в здании второго этажа нет. Но вполне вероятно, что плоская открытая крыша служила хозяйственным целям. Случаи, когда крыша использовалась для отдыха, известны по раскопкам раннесредневековых замков Джумалак-Тепе, Балалык-Тепе и Тешик-Кала (Нильсен, 1966, с. 187). Существование сводчатых помещений в западной части здания заставляет думать, что над ними были постройки второго этажа.

Как уже сказано выше, памятник заключал в себе постройки пяти строительных горизонтов, которые характеризуют пять периодов жизни здания. Материалы, добытые при раскопках, хорошо расчленяются стратиграфически, но анализ их не позволил разделить всю огромную массу находок из Кайрагача хронологически. Значит, они характеризуют какой-то небольшой временной этап. Весь комплекс находок позволяет датировать жизнь на поселении концом IV—VI в.

Характер и причина столь частых разрушений здания неясны. Разрушению же здания последнего периода предшествовал грандиозный пожар, следы которого обнаружены во всех помещениях. Слой пожара пере-

крывал полы и сосуды, стоявшие на полах и суфах в комнатах. Расположение находок свидетельствует о внезапности бедствия, обрушившегося на обитателей усадьбы. Скорее всего это была военная катастрофа.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Абдуллаев К. Археологическое изучение городища Канка в 1969—1972 годах. — ИМКУ, 1975, вып. 12.
- Беленицкий А. М., Маршак Б. И. Черты мировоззрения согдийцев VII—VIII вв. в искусстве Пенджикента. — В кн.: История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976.
- Брыкина Г. А. Городище Майда-Тепе. — КСИА, 1973, вып. 136.
- Буряков Ю. Ф. Историческая топография Ташкентского оазиса. Ташкент, 1975.
- Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Опшской области. Фрунзе, 1960.
- Массон М. Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 гг. — В кн.: Материалы Узкомстариса. Ташкент, 1933.
- Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.). Ташкент, 1966.
- Пугаченкова Г. А. В поисках памятников древнего искусства Средней Азии. — В кн.: Наука и человечество. М., 1972.
- Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948.
-

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ТИПОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА

Всесоюзное совещание «Типология и социальная структура древнего и средневекового города», организованное Методологическим семинаром и Сектором Средней Азии и Кавказа Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, проводилось в Ленинграде 27—29 октября 1976 г. В работе совещания приняли участие представители различных научных центров страны (ИА АН СССР, ЛОИА АН СССР, ЛОИВ АН СССР, ЛОИЭ АН СССР, ИА АН УССР, ИА АН УзССР, Кемеровского государственного университета и др.). Было прочитано 14 докладов, по которым в конце совещания проведена общая дискуссия. В докладах получили отражение различные аспекты развития городов в широком географическом (Ближний Восток, Юго-Восточная Европа, Африка и т. д.) и хронологическом (от момента зарождения городских поселений до позднего средневековья) диапазонах. Ряд докладов был посвящен проблемам исследования городов Средней Азии. В. М. Массон в докладе «Типология древних городов и исторический процесс» показал перспективность функционального подхода для построения типологии городских поселений, проанализировав образование раннего города на материалах Алтын-Деше. В. И. Распопова, сопоставив строго синхронные слои Пенджикента и горного селения Мадм, получила важные выводы относительно специфики экономической и социальной жизни согдийского города в отличие от села («Согдийский город и деревня в начале VIII в.»). Специфика кочевнических городов, расположенных в зоне контакта земледельческих и кочевых обществ (на примере Ташкентского оазиса), была рассмотрена в докладе Ю. Ф. Бурякова «Топография и культура городов на границе с кочевыми районами».

Вопросы, поднятые в процессе работы совещания, показали перспективность разработки структурно-функциональной проблематики в области древней и средневековой урбанистики в широком территориальном диапазоне.

Н. В. Головачева

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ ПО ПРОБЛЕМАМ ХРОНОЛОГИИ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

С 19 по 21 ноября 1975 г. в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР было проведено Всесоюзное совещание «Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана». Основной задачей совещания явилось обсуждение проблем хронологии. Доклады Ф. Х. Арслановой (Калинин) «Курган с „усами“ в Восточном Казахстане», Е. Д. Салтовской (Душанбе) «К вопросу о североферганских саках эпохи раннего железа», Н. Н. Негматова «Куркятские скелеты», М. К. Кадырбаева (Алма-Ата) «Савроматские памятники Актюбинской области», Б. Н. Нурмухамбетова «Могильник Мардан», В. П. Ягодина

(Нукус) «Ранние кочевники Устюрта», Х. Ю. Юсупова (Ашхабад) «Исследования памятников ранних кочевников Северо-Западной Туркмении», Л. М. Левинной (Москва) «Новые исследования памятников доисторической культуры в Восточном Приаралье», Г. А. Кушаева (Уральск) «Новые памятники ранних кочевников Западного Казахстана» были построены на материалах памятников, еще не введенных в научный оборот. Как показала работа совещания, их хронологическая интерпретация позволяет значительно продвинуть вперед разработку проблем синхронизации культур ранних кочевников Средней Азии и Казахстана. Огромное значение для датировки начального этапа культуры ранних кочевников имеют материалы кургана Аржан. По мнению М. П. Грязнова (Ленинград), Аржан датируется VIII—VII вв. до н. э. Эту датировку поддержали А. И. Ильинская (Киев), Ю. А. Заднепровский (Ленинград) и ряд других археологов. Проблеме происхождения сакской культуры был посвящен доклад Л. Р. Кызласова (Москва) «Археологические данные о происхождении сакской культуры», согласно которому сакская культура восходит к дандыбай-бегазинским памятникам. Тезис о необходимости выработки собственной хронологии для памятников ранних кочевников восточной части Евразии выдвинут в докладе А. М. Мандельштама (Ленинград) «О некоторых восточных аспектах хронологии ранних кочевников Средней Азии и Казахстана». В докладе В. А. Лившица (Ленинград) «Вновь открытая письменность Ирана и Средней Азии» приводятся данные о существовании неизвестной ранее письменности V в. до н. э. — VII—VIII вв. н. э. на территории Ирана и Средней Азии. Она представлена надписями на вещах из сакского кургана Иссык и на фрагментах керамики кушанского времени (древний Мерв). Выступавший по докладу А. М. Беленицкий (Ленинград) отметил большое значение этого исследования, позволяющего вплотную подойти к проблеме сакской письменности. Три доклада были посвящены искусству ранних кочевников: А. К. Акишева (Алма-Ата) «Семантика и функции искусства „звериного“ стиля саков Семиречья», А. М. Беленицкого (Ленинград) «Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье (по материалам погребений, памятников изобразительного искусства и письменных источников)» и Г. Н. Курочкина (Нукус) «К вопросу о переднеазиатском этапе развития скифского искусства». Наибольшую дискуссию вызвал последний доклад, в котором автор утверждает, что популярный у скифов сюжет змееногой богини проникает в Северное Причерноморье из Передней Азии. Отсюда же (как и М. И. Артамонов) он выводит и некоторые другие элементы скифской культуры. Доклад О. В. Обельченко (Москва) «Некоторые черты общественного строя ранних кочевников долины Зеравшана по археологическим данным» посвящен интерпретации женских погребений с богатым инвентарем, в состав которого входят вещи культового характера.

Итоги совещания подведены в резолюции, принятой на заключительном заседании. Несомненно, что совещание по проблемам хронологии ранних кочевников Средней Азии и Казахстана будет способствовать новым успехам раннекочевнической археологии.

В. А. Алексин

ПЛЕНУМ ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

В ноябре 1974 г. в Ташкенте прошел пленум Общества охраны памятников истории и культуры Узбекистана, посвященный вопросам организации работы над «Сводом памятников истории и культуры» в Узбекской ССР. Постановлением Совета Министров УзССР от 9 августа 1973 г. были определены головные научные институты, выполняющие и координирующие работу по отраслям: в области памятников археологии и истории — Институт археологии и Институт истории Академии наук УзССР; в области памятников художественной культуры (архитектура и монументальное искусство) — Институт искусствоведения им. Хамзы Министерства культуры УзССР. Издание «Свода» поручено редакции «Узбекской Советской Энциклопедии». Общая координация работ возложена на специальный совет при Президиуме АН УзССР. В связи с этим с 1974 г. в Институте искусствоведения им. Хамзы образована группа (архитекторы, искусствоведы, лаборанты), которая приступила к сплошному обследованию, фиксации и паспортизации памятников архи-

тектуры всех областей УзССР и Каракалпакской АССР поры средневековья, дореволюционного Туркестана, народного зодчества XIX—начала XX в., советского времени, монументального искусства (скульптура, монументальная живопись, витраж, мозаика), а также — в разрезе археологической карты — к экспедиционному обследованию ряда областей (Сурхандарьинская) и районов (Самаркандский и Джизакский).

Л. Маньковская

СОЗДАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ В ОТРАРЕ

В конце 1975 г. была принята в эксплуатацию археологическая база ЮККАЭ Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН КазССР, находящаяся в с. Шаульдер, административном центре Кзылкумского района Чимкентской области. Главная функция базы — создать все необходимые условия для многомесячных стационарных раскопок городища Отрар. Предусматривается, что на базе будут жить и работать в течение 5—6 месяцев 30—35 сотрудников экспедиции и постоянно находиться в штате базы пять научно-технических работников. Жилой фонд базы составляют общежитие и три коттеджа; имеются лабораторный корпус, гараж, ремонтная мастерская. Оборудованы помещения для хранения археологических фондов, склады для экспедиционного снаряжения. В будущем предусматривается организовать археологический музей и лекторий, где будут проводиться лекции по археологии для населения.

ИЗ НОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

Стоянки каменного века на высоких террасах Вахша

Вахшский палеолитический отряд ЮТАКЭ (начальник — А. Х. Юсупов) в 1976 г. проводил обследование разрушающихся берегов Нурекского водохранилища, где обнаружены лёссовые толщи и частично аллювиальные отложения 80-метровой террасы Вахша. Возраст этой террасы геологами определяется по-разному, но в пределах конца среднего плейстоценового (илякского) или начала верхнеплейстоценового (душанбинского) комплекса среднеазиатской стратиграфической схемы. В абсолютных цифрах это примерно 70—40 тыс. лет до н. э. Разведки 1976 г., проводившиеся на протяжении 40 км, привели к обнаружению 11 стоянок (точнее — скоплений археологического материала). Наиболее многочисленные сборы сделаны на стоянках Дарай-Дукап и Кум-Тепинская Скала. Подъемный материал на последней был собран в восточной части, на уступах, выработанных в отложении глины и песка, реже — на поверхности коренной породы. Собственно в аллювиальном песке встречено 20 изделий; в расчистке XXIII примерно в 6 м от кровли, практически в самом основании песка, найдено небольшое скопление обработанных изделий из камня (это, очевидно, остатки мастерской). Среди них большой кубовидный многоплощадочный пуклеус и бесформенные очень грубые отщепы (рис. 25). На всех других точках находки сделаны только на поверхности песка и подстилающих их глин. Таким образом, существуют три возможных варианта объяснения условий нахождения каменных изделий: они вымывались из верхней части аллювиального песка; находились в контакте лёсса и песка; лежали первоначально в лёссе, глыбы которого рухнули, а затем размыты поднявшейся водой, причем мелкие частицы были увнесены, а камни спроецировались на поверхность песка. Для определения геологического возраста вновь обнаруженных стоянок удобным представляется первый или в крайнем случае второй вариант. Как на стоянке Кум-Тепинская Скала, так и в других пунктах, наиболее бросающаяся в глаза часть составляют изделия из галек. Это крупные чошеры (7.8×9.6×4.8 и 6.4×6.3×2.8 см) с обычным для данного типа изделий прямым или выпуклым рабочим краем, которые во множестве встречаются в гиссарских слоях Туткаула и Сай-Сайеда, часто со ступенчатой ретушью. Они сопровождаются небольшим количеством призматических и дисковидных нуклеусов, а также кубовидными многоплощадочными пуклеусами с дисками-скребками на расколотых вдоль округлых гальках и грубыми отщепами. Специально подчеркнем, что перечисленный инвентарь, помимо указанных аналогий, частично демон-

стрирует сходство и с третьим горизонтом Сай-Сайеда. Примерно 50% (подсчеты А. Х. Юсупова) занимают пластины и пластинчатые отщепы, что придает всей коллекции определенный облик, отличая ее от обычного гиссарского инвентаря. Среди этих заготовок особое внимание привлекают хорошо выраженные призматические пластины, а также крупные треугольные сколы, часть из которых — подлинные леваллуазские и псевдолеваллуазские остря.

Следовательно, получается, что в описываемых коллекциях как бы смешан разнородный материал: с одной стороны, неолитическая и мезолитическая галечная традиция, с другой — пластинчатая мустьерская техника. Можно было бы предположить, что перед нами галечная культура (с элементами пластинчатой техники) вюрмского или даже более раннего времени. Тогда бы мы имели недостающее звено развития галечной культуры, непосредственно предшествующее гиссарским стоянкам. Однако следует указать на тот факт, что в горизонте Туткаул 2а (поздний мезолит) есть некоторое количество очень хорошо выраженных призматических и треугольных пластин мустьерского облика, совершенно аналогичных вышеописанным. Обломки таких же пластин найдены А. Х. Юсуповым осенью 1976 г. во время пробных раскопок навеса Дагана с сегментами и острями с затупленной спинкой. Таким образом, интересные находки на берегах Нурукского моря говорят о вероятном существовании палеолитического Гиссара.

В. А. Ранов, А. Х. Юсупов

Неолитическое святилище Песседжик-Депе и его хозяйственный комплекс

В 1976 г. археологический отряд по изучению памятников эпохи неолита Института истории АН ТССР продолжил работы на памятнике джейтунской культуры Песседжик-Депе, расположенном в 7 км к северо-востоку от райцентра Геок-Депе, на участке, где во втором строительном горизонте еще в 1969 г. было открыто святилище с фресковой живописью. В результате раскопок выяснилось, что можно говорить не только о святилище, но и о целом архитектурном комплексе, в состав которого входили большое помещение культового назначения и хозяйственные постройки. Установлено, что к северо-западу от святилища находится хозяйственный участок — «двор Б». Почти в центре участка — широкая глинобитная суфа. Интересно, что ее торцовые части сохранили остатки росписи красного цвета. Нужно отметить, что в заполнении двора встречены куски шгукатурки с полихромной росписью. Кроме того, во дворе находилось типичное для джейтунской культуры сооружение, состоящее из четырех параллельных стен. Такие сооружения в литературе интерпретируются как основания помоста для вяления мяса или для сушки зерна. Отметим, что между стенами было обнаружено небольшое количество керамики, орудий труда и довольно много растрескавшихся обожженных камней. Рядом вскрыто такое же сооружение из двух параллельных стен; остальные, видимо, остались за пределами раскопа. Во дворе открыты два подпрямоугольных помещения (пом. 4 площадью 2.25 м², пом. 5 — 1.75 м²) вероятнее всего хозяйственного назначения. К северо-восточной стене святилища примыкали еще два хозяйственных помещения размером 8.6 м².

Среди находок нужно особо отметить (помимо многочисленных костей животных) крупные толстостенные сосуды, украшенные по красному фону черным скобчатым орнаментом. Встречены редкие фрагменты керамики с точечным орнаментом, росписью треугольниками и сеткой. Почти вся посуда орнаментирована самой распространенной росписью — скобчатой и вертикально-полосчатой. Орудия труда представлены нуклеусами различных форм, правильными призматическими пластинами. Большой процент орудий принадлежит серпам; в изобилии обнаружены скобели и скребки, найдены также трапеции. К числу орудий из камня принадлежат зернотерки, песты, краскотерка. Из редких находок можно назвать две терракотовые фишки, прясла, оселки, раковины, ретушеры, просверленные для удобства ношения.

Таким образом, выясняется, что рядом со святилищем находился обширный хозяйственный участок с хранилищами и подсобными помещениями. В этом отношении святилище Песседжик-Дене является как бы предтечей позднейших храмовых комплексов Древнего Востока, в состав которых входили разного рода хранилища и склады.

О. Лоллекова

Открытие новой неолитической культуры на Мургабе

Разведки Сарыязинской археологической экспедиции, осуществленные в 1976 г. под руководством Х. Ю. Юсупова, открыли новые памятники каменного века. Последние были расположены на правом берегу Мургаба, напротив пос. Тахта-Базар, и приурочены к верхней надпойменной террасе. Первые сборы в окрестностях Тахта-Базара проведены А. А. Ляпиным. Уже тогда собранный кремневый материал поражал своей оригинальностью и присутствием ранних форм геометрических микролитов. Сборы последних лет, особенно 1976 г., выявили четыре местонахождения (Тахта-Базар 2, 3, 3/4, 4), насыщенных кремневыми изделиями (рис. 26), сходными с материалами, собранными Ляпиным. Сырьем для изготовления орудий служил серовато-желтый и бежевый непрозрачный кремнь низкого качества, встречающийся на берегу Мургаба в виде галек. У многих отщепов отмечены крупные массивные ударные площадки и частичная галечная корка на поверхности спинки. Размеры их колеблются в пределах 2—4,5 см по наибольшему диаметру. Изредка встречаются изделия из прозрачного белого халцедона. Для нуклеусов использовались миниатюрные речные гальки, расщеплявшиеся на микропластины и мелкие отщепы. Нуклеусы представлены призматической формой, с одной скошенной подправленной ударной площадкой и круговым параллельным скалыванием. Изделия выполнены в лучшей манере пластинчатой техники, с элементами микролитизации. Большая часть орудий изготовлена из микропластин правильной призматической формы, нередко подправленных ретушью со стороны бокового края и скошенного конца. Во всех местонахождениях представлены геометрические микролиты в виде трапеций асимметричной формы, с одним скошенным, а другим выпуклым или вогнутым боковыми краями, отретушированными со стороны спинки. Они средних размеров, удлиненных пропорций. Наряду с такими изделиями встречаются миниатюрные трапеции укороченных пропорций, напоминающие подобные орудия среднего этапа джейтунской культуры. Представлена одна крупная высокая трапеция гари-камарбандского облика. Среди других материалов — микропластинки с притупленным краем и скошенно-вогнутым верхним концом, резчики, скребки, скобели, проколки, вкладыши охотничьего оружия, ножи. Последним принадлежит ведущее место в индустрии. Трасологическое исследование тахта-базарского материала показало, что названные местонахождения оставлены равнинными охотниками и собирателями, освоившими плодородную долину среднего течения Мургаба. Расположение этих памятников между поселениями джейтунских земледельцев на западе, стоянками гиссарских горных скотоводов, охотников и собирателей на востоке и местонахождениями кельтеминарских охотников-скотоводов на севере наложило определенный отпечаток на облик культуры древних тахтабазарцев. В то же время пластинчатая индустрия Тахта-Базара обладает яркими самобытными чертами, выделяющими ее среди окружающих соседних неолитических комплексов и позволяющими ставить вопрос об открытии новой тахта-базарской культуры. Ранне-неолитический характер мургабских местонахождений не вызывает сомнения. Сравнительно высокий процент геометрических микролитов, их состав и облик разрешают сопоставлять данные памятники с поселениями раннего этапа джейтунской и гиссарской культур и датировать их VI тыс. до н. э. Уже сейчас можно говорить, что перед нами новая ранне-неолитическая культура, которая представляет одну из локальных групп племен охотников и собирателей, развивающих традиции пластинчатых индустрий, охватывающих полукольцом зону оседлых земледельцев и скотоводов джейтунской культурной общности.

Г. Ф. Коробкова, Х. Ю. Юсупов

Новые раскопки на северном холме Анау

Осенью 1976 г. отдельная группа XIV отряда ЮТАКЭ и Каракумской экспедиции ЛОИА АН СССР произвела разведочные раскопки на северном холме Анау с целью выяснения перспектив исследования этого эталонного памятника. Место для раскопа было выбрано к югу от траншеи Комарова, где отвалы из раскопок самого А. В. Комарова и Р. Пампелли были предварительно отодвинуты с помощью бульдозера. На данной территории вскрыто несколько строений, группирующихся по крайней мере в один многокомнатный массив. Два участка, судя по заполнению, можно характеризовать как дворовые, причем в одном из них расчищена часть стены строения, овального в плане. Для энеолита Южной Туркмении такие строения в основном известны в восточных областях расселения раннеземледельческих племен. Наиболее выразительную планировку дает группа из шести строений, скорее всего представляющая собой часть многокомнатного дома. При этом одна комната, бóльшая по площади и, видимо, подквадратная в плане, может быть определена как жилая, а две другие — узкая продолговатая и квадратная с керамической выстилкой на полу — как подсобные отсеки-хранилища. Между двумя последними располагается пристенный очаг. Все стены сохранились невысоко — в один-два кирпича. Среди находок — конические прясла, часто орнаментированные насечками, и многочисленная керамика. Последняя четко распадается по размерам стенок на две группы: грубая толстостенная посуда с растительной примесью в тесте и тонкостенная, сделанная из хорошо отмученной глины. Подавляющая часть керамики покрыта темнокоричневой или черной росписью по красноватому фону. Наиболее широко распространена роспись в виде горизонтальных рядов силуэтных треугольников. Иногда к основанию треугольников пририсованы дополнительные элементы — черточки или дуги. Такая роспись встречается на всех сосудах, но наиболее характерна она для корчаг. На горшководных сосудах, чашах и мисках наряду с этим видом росписи попадаются также контурные треугольники. В одном случае на внутренней стороне сосуда изображена ветка дерева.

В целом описанный керамический комплекс характеризует финальные этапы времени Намазга I или Анау II (по старой терминологии). Яркий и выразительный материал, четкая планировка строительных остатков показывают, что на северном холме Анау могут быть продолжены работы с целью восстановления детальной стратиграфии памятника на основе применения современной методики учета комплексов по строительным горизонтам.

К. Курбансагатов

Могила знатного горожанина на Алтын-Депе

В 1975 г. при раскопках, проводившихся ЮТАКЭ АН ТССР и ЛОИА АН СССР, жилого массива на раскопе 9 Алтын-Депе в слоях эпохи развитой бронзы (Намазга V) обнаружено 11 захоронений. Из них наиболее интересно погр. 362 — «погребение пастыря» (рис. 27). Захоронение найдено в пом. 114. В могиле в скорченном положении, на правом боку лежал мужчина 40—45 лет; голова его ориентирована на северо-запад. Погребальный набор инвентаря уникален для захоронений Алтын-Депе. Перед лицом покойного стояли два глиняных сосуда: ваза и хумча. Возле затылка найдено еще два глиняных кринкообразных сосуда. У шеи умершего лежала крупная агатовая бусина, у левой руки — бирюзовая пронизка; две крупные бирюзовые бусины находились около головы. Перед туловищем обнаружен каменный цилиндрический предмет неясного назначения, условно именуемый в археологической литературе колонкой. Верхняя площадка «колонки» прорезана неглубоким желобком, который опускается вдоль ее боковых стенок вплоть до основания. Поверх покойного лежал каменный предмет неизвестного назначения в виде посоха. Длина его около 1 м. Если отвлечься от двух каменных предметов, найденных в могиле, то остальной набор погребального инвентаря свидетельствует о богатстве умершего. Стандартный, т. е. типичный, набор погребального инвентаря в захоронениях как мужчин, так и женщин Алтын-Депе состоит из 1—2 глиняных сосудов и нескольких бусин из простых пород камня. В погр. 362 представлены четыре сосуда и крупные бусины

из полудрагоценных пород камня: агата и бирюзы. Но особо подчеркивают социальный статус умершего два каменных предмета, пока еще не совсем ясного назначения. Несомненно, что «посох» не мог являться посохом в собственном значении слова: для этого он слишком тяжел. Можно сделать два предположения о функциональном назначении упомянутых вещей: либо это орудия какого-то производства, либо вещи, связанные с отправлением культовых обрядов. Оба предположения вероятны в равной степени, но мы склоняемся в пользу второго: аналогичные «колонка» и «посох» (последний, правда, меньших размеров) найдены в богатом захоронении, расположенном возле культового центра Алтын-Депе, и очевидно, принадлежали жрецам местной общины. В этом же захоронении обнаружена и каменная «гиря», которая, видимо, тоже использовалась при отправлении культовых обрядов. В наиболее богатых могилах Гиссара III наряду с оружием также встречены аналогичные каменные «колодки» в сочетании с «гирями». Каменные «посохи» найдены и в культурных напластованиях Гиссара III. Очевидно, «посох», «гиря» и «колонка» представляют собой набор предметов, служивших для выполнения какого-то единого процесса, и всегда находятся в самых богатых могилах, принадлежавших верхушке общества. Поэтому можно считать, что данные вещи скорее связаны с выполнением культовых обрядов, а не предназначены для производственных процессов, тем более что в захоронениях Ирана и Средней Азии рассматриваемого периода орудия труда не встречаются. Возможно, что «колонка» была своего рода алтарем, перед которым «гирей», «посохом» или и тем и другим вместе совершали определенные культовые действия. В этом случае могила 362 содержит останки служителя культа. Примечательно, что ни в Иране, ни в Средней Азии в могилах такого рода не найдено женских статуэток. Поскольку захоронения со статуэтками, изображающими женское божество, тоже рассматриваются как захоронения служителей культа, то возможно, что в Алтын-Депе и Гиссаре III существовали две группы служителей культа, связанных с поклонением различным божествам — мужскому (?) и женскому (?). Причем захоронения с «посохом», «колонкой» и «гирей» являются мужскими (Гиссар III, Алтын-Депе). Видимо, можно сделать вывод, что эта группа служителей культа включала только мужчин. Все сказанное является пока гипотезой, проверить которую могут лишь дальнейшие раскопки. Несомненно лишь одно: могила 362, найденная на Алтын-Депе, содержит богатый и уникальный для своей эпохи погребальный инвентарь, который еще раз свидетельствует о процессе социальной и имущественной дифференциации жителей Алтын-Депе, являющегося памятником цивилизации протогородского типа на юге Средней Азии.

В. А. Алекшин

Изучение памятников эпохи бронзы в дельте Мургаба

В 1975—1976 гг. отряд Института истории АН ТССР проводил изучение памятников эпохи бронзы и раннего железа в северной части современной Марыйской области, где зафиксировано более 60 поселений. Они объединяются в два крупных оазиса эпохи бронзы, располагающихся к северу от колодца Адам-Басан и в районе Келлели. Можно выделить две группы памятников площадью от 0.2 до 5 га и от 5 до 10 га. Есть холмы, превышающие по площади и 10 га, например Тап-Депе I, имеющий площадь 11.4 га. Шурфы на поселениях Келлели I, Адам-Басан 4 и Аджи-Кую 3 показали, что культурные слои не углубляются под современную поверхность. Материал, полученный из шурфов, исключительно однороден. Большинство памятников низовьев Мургаба, имеющих высоту чуть более 2 м, целиком могут относиться к одной исторической эпохе — бронзовому веку. Видимо, первое крупное заселение произошло в период раннего Намазга V (Келлелинский оазис), а второе, более массовое, в конце Намазга V и в период Намазга VI, когда отмечается расцвет культуры. Судя по топографии, большинство поселений возникло по берегам русел и протоков Мургаба. Из находок характерна керамика: глубокие чаши с острым завершением венчика, миски с поломанным под венчиком верхом стенки, различной величины горшки, хумчи, хумы. В целом продукция гончарного производства мургабских поселений почти не отличается от таковой из поселений подгорной полосы Копетдага. Особенно это характерно для керамики памятников Келлелинского оазиса, где большой

процент составляют изделия вытянутых пропорций с острым ребром; то же самое следует сказать и о терракоте, преимущественно представленной женскими фигурками. Вместе с тем если поселениям Келлелинского оазиса свойственны преимущественно металлические печати, то на большинстве памятников, расположенных к югу от Келлели, имеются печати, изготовленные как из металла, так и из камня и глины. Любопытны печати, сделанные из камня, как правило из зеленого стеатита, с двусторонними изображениями и продольным сквозным отверстием. Интересна печать, относящаяся к этой группе, с изображением борьбы быка со змеями. Великолепный рисунок антилопы мы видим на каменной печати с боковыми ушками для подвешивания. Следует отметить, что именно каменные печати (рис. 28) с поселений эпохи бронзы в низовьях Мургаба совершенно не находят себе аналогий. Исследования показывают, что дельта Мургаба в отличие от подгорной полосы в пору поздней бронзы была местом интенсивного развития культуры.

И. Масимов

Богатое погребение эпохи бронзы на юге Узбекистана

Исследования могильника Джар-Кутан в Шерабадском районе Сурхандарьинской области УзССР проводилось отрядом Института археологии АН УзССР под руководством А. Аскарова. Здесь в 1973—1976 гг. было раскопано 467 могил, относящихся к двум разным этапам оседлоземледельческой культуры Сапалли. В могилах раннего этапа погребенные ориентированы головой на север и северо-запад, в могилах позднего этапа — на запад и юго-запад. Ранние погребения богаче и по составу инвентаря — до 29 сосудов и разнообразные металлические изделия. Среди могил раннего комплекса особо выделяется погр. 45 (рис. 29, I). При его раскопках на глубине 100 см от дневной поверхности выявлена яма округлой формы, с дромосом в восточной части. Размеры ямы с дромосом 160×140 см. Глубина дромоса от дневной поверхности 120 см. Дно могилы на 20 см ниже дна дромоса. В западной части ямы лежал скелет погребенного на левом боку, в скорченном положении, головой на север. Ноги прижаты к газовым костям; между костями ног и рук стоял сероглиняный лепной чайник с узким горлом и длинным лоткообразным сливом. Около коленной чашечки находилась бронзовая чаша (рис. 29, II, 6). У головы погребенного лежали бронзовые предметы: одна булава с навершием в виде архара и две с гвоздеобразным длинным концом (рис. 29, II, 1—3). Около этих предметов находилась пуговица-печатка с петелькой, сделанная из лазурита; на обеих руках покойника — по одному бронзовому браслету (рис. 29, II, 4, 5). Здесь же найдены две цилиндрические бусинки из кампль яшмовидной породы. В северо-восточной части могилы стояло еще четыре глиняных сосуда: цилиндрическая банка, кувшинообразный горшок с округлым туловом и широким выделенным горлом, глубокая коническая чаша и кувшин с раздутым туловом, коротким, сравнительно тонким горлом и узким высоким подковообразным дном (рис. 29, II, 7—10). На участке входного отверстия лежал целый сырцовый кирпич, на площади дромоса — обломок донца кувшина (рис. 29, II, 11) и чайник с клювовидным носиком (рис. 29, II, 13). В составе инвентаря помимо сравнительно большого числа бронзовых изделий обращает на себя внимание булава со скульптурным навершием, явно относящаяся к числу предметов престижного характера. Видимо, в этом нашел отражение особый социальный статус погребенного, возможно принадлежавшего к кругу общинной знати.

Б. Абдуллаев

Из работ на Сумбарском могильнике

Сумбарский могильник эпохи поздней бронзы расположен на высоком увале коренного берега Сумбара, в окрестностях пос. Кара-Кала. На сегодняшний день в могильнике раскопаны 182 катакомбных погребения эпохи бронзы, но 85% могил подверглись разграблению в древности. Все погребенные, за очень малым исключением, были положены в камеры в скорченном положении, лицом ко входу; причем мужчины располагались

на левом боку, а почти все женщины — на правом. Шесть женских погребений совершены на левом боку, т. е. по-мужски, но эти исключения могут быть объяснены. Следовательно, положение покойника в могиле было определено правилом, которое зависело от половой характеристики умершего и считалось строго обязательным. Раскопки последних лет дали особенно большое количество сопровождающего инвентаря. Стало возможным выделить несколько категорий вещей, одни из которых можно назвать принадлежностью только мужских погребений, другие — только женских, а третьи были присущи обоим полам. К первой относятся предметы вооружения (наконечники стрел, дротиков, копий, ножи и кивжалы) и инструменты (пило с костяной ручкой); в мужских погребениях найдены также каменные шаровидные и грушевидные наперстки, бронзовые пластинчатые диадемы и широкие пластинчатые браслеты с зооморфной орнаментацией. Последние три типа предметов не являются ни оружием, ни инструментами; скорее всего это знаки или символы отличия, показывавшие особое социальное состояние погребенных, или престижные предметы. В женских погребениях есть две категории специфических изделий. К первой относятся украшения и предметы туалета (бронзовые спиральные кольца для волос, серьги, браслеты, булавки с наперстками, обоймы и печати из фаянса, сурьматши и бронзовые флаконы); ко второй — предметы исключительно женского домашнего труда (веретено, спицы, иглы и раскройные ножи). Нейтральными в отношении пола следует признать различные бусы, провизки и нашивные бляшки. Столь четкое распределение погребального инвентаря среди мужчин и женщин позволило прокорректировать антропологические определения погребенных, причем ошибка в целом оказалась ничтожной. Распределение могил по полам позволило проанализировать и керамические комплексы. Если в результате первичного анализа выделено 12 основных типов и 31 разновидность керамики, определено их процентное соотношение и т. д., то при вторичном анализе выделено пять основных групп керамики: хумча и горшок с открытым носиком; чаша и копический сосуд со сливом; чайник со сложным носиком, чайник и горшок с трубчатым носиком; кувшин, горшок с одной ручкой, горшок с двумя ручками и без них; ваза. Кроме этого, есть еще несколько разновидностей сосудов, которые не имеют первоначального значения. О выделенных группах можно сказать, что первые две присутствуют во всех взрослых погребениях, третья и пятая характерны почти только для мужских погребений, а четвертая — преимущественно для женских.

И. Н. Хлопин

Шабалинский комплекс эпохи бронзы

Весной 1976 г. Каахкипской экспедицией ЛОИА АН СССР и XIV отрядом ЮТАКЭ были проведены разведочные маршруты в окрестностях поселения Теккем-Депе, расположенного в 4 км к юго-западу от Каахки и в 2 км к югу от Намазга-Депе. Здесь, в местности Бяш-Теккем, представляющей собой аллювиальную равнину, прорезанную пятью сухими протоками, открыты два невысоких всхолмления (пункты 3 и 4), — вероятно, остатки древних поселений. В пункте 1, около моста, к востоку от Бяш-Теккема, собрана керамика. В пункте 2, в 300 м к востоку от моста, на правом берегу древней промоины, обнаружен культурный слой. На площади 60 м² был разбит раскоп.

Основная масса находок сосредоточена в кв. 3—7-И—Л на глубине 105—115 см от современной поверхности. Поскольку характер находок пока еще не позволяет точно говорить о поселении или могильнике, то я называю новое местонахождение Шабалинским комплексом.¹ Изучение его разрезов показывает, что мы имеем дело с закрытым комплексом: культурный слой с находками керамики и других изделий сверху перекрыт плотным слоем глины. Аналогичные слои и подстилают культурный слой. Надо отметить две характерные особенности комплекса. В юго-восточной части раскопа открыты остатки гончарного горна (?), топочная камера которого вторично использовалась как вместилище для захоронения человеческих черепов. Диаметр камеры около 80 см; на глубине 70 см от ее верхнего сохранившегося края были расчищены два черепа (изучение комплекса законсервировано из-за неблагоприятных погодных условий).

¹ Это название присвоено комплексу в память о А. С. Шабалиной, принимавшей участие в работах экспедиции в 1973 и 1974 гг. и безвременно скончавшейся в декабре 1974 г.

В 1 м к северу от горна лежала опрокинутая вверх дном целая бронзовая чаша (рис. 30, 1). И на этом же уровне, еще севернее, расчищены две компактные группы раздавленных, но археологически целых сосудов. Их около 30. Все они изготовлены из прекрасно отмученной глины, хорошо обожжены, имеют тонкие стенки и светлый либо реже розоватый ангоб. Формы различные: миски, чаши, кувшины, сосуды с трубчатыми носиками, но преобладают вазы на ножках (рис. 30, 5—9). Весь керамический комплекс очень характерен для эпохи развитой бронзы времени Намазга V. Из каменных изделий следует отметить гальки со следами обработки и фрагменты зернотерок (рис. 30, 2). На поверхности в окрестностях Шабалинского комплекса найден фрагмент хума, украшенный резным рисунком (рис. 30, 4). Четко намечено дерево, справа от него — свастика и стилизованная фигурка человека (?). По фактуре черепка, характеру рисунка эта находка может быть отнесена ко времени Шабалинского комплекса, т. е. Намазга V. Другой интересной находкой является массивный слив с прочерченным изображением козла (рис. 30, 3), найденный в пункте 1, около моста, на шоссе Каахка—Арабкала.

Учитывая, что все открытые пункты расположены недалеко от Намазга-Депе, можно предположить существование здесь в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.) оазиса, состоявшего из нескольких поселков, группировавшихся вдоль водоносных артерий и связанных в культурно-этническом плане с населением Намазга-Депе периода расцвета. Аналогичные оазисы эпохи бронзы открыты И. Масимовым на Мургабе и В. И. Сариниди в Северном Афганистане.

А. Я. Щетко

Раскопки памятников раннежелезного века в Северной Бактрии

Миршадинский отряд Узбекстанской искусствоведческой экспедиции в 1975—1976 гг. провел раскопки Буйрачи-Тепе 2, поселения эпохи раннего железа, расположенного на правом берегу Кызыл-Джара. Памятник подпрямоугольной планировки, площадью около 1.5 га. В северо-западной и юго-восточной частях заложены два стратиграфических шурфа, которые выявили 2—2.5-метровую толщу культурных напластований. Керамический материал шурфа 1 представлен нерасписными лепными сосудами, среди которых полусферические чаши, горшки, котлы, жаровни, хумчи; многие из них имеют круглые сливы и разнообразные ручки. Встречено несколько фрагментов с оттисками матерчатого шаблона и большим количеством песка в тесте. Некоторые сосуды тщательно залощены и покрыты светло-желтым ангобом. В шурфе 2 обнаружены два фрагмента расписной керамики, а в верхнем слое — гончарная посуда типа Яз II. Лепная керамика Буйрачи-Тепе 2 находит аналогии в синхронных комплексах памятников Южной Туркмении (Улуг-Депе, Элькен II, Яз-Депе I, Одой-Депе) и Ферганской долины (Чуст, Дальверзин). Ряд признаков сближает наш комплекс с керамикой бургулюкской культуры эпохи поздней бронзы и раннего железа (Гашкитский оазис). О северо-восточных параллелях свидетельствует и каменный серп из шурфа 2, характерный для чустской культуры. Отметим, что серповидные ножи также обнаружены на северобактрийских памятниках первой половины—середины I тыс. до н. э. (Кызыл-Тепе и Бандыхан-Тепе 2). Комплекс лепной керамики в Миршадинском оазисе получен еще на трех памятниках — Безымляное, Буйрачи-Тепе 1 (верхний слой; нижний слой представлен сосудами типа Намазга VI) и Кызыл-Тепе (нижний слой цитадели).

Осенью 1975 г. раскопки на восточном холме Бандыхан-Тепе 1 выявили максимальную толщу культурных напластований — 5.5 м (из них около 2 м на раскопе 1, по верхнему горизонту, занимает сырцовая платформа). Мощность слоев с расписной керамикой около 3 м. Здесь имеются расписные чаши и горшки с геометрическим орнаментом. Из редких форм следует отметить крупные расписные лепные крышки; одна из них с символическими геометрическими знаками. Нижний слой поселения Бандыхан-Тепе 1 представлен станковой гончарной и исключительно нерасписной лепной посудой. Интересные результаты получены при раскопках сельской усадьбы Кызылча 6, верхний слой которой содержит материал середины I тыс. до н. э. Памятник расположен в 150 м к северу от Буйрачи-Тепе 2, на правом берегу Кызыл-Джара. Усадьба имеет прямоугольную планировку

(50×30 м). Высота холма около 4 м. В северной части Кызылчи 6 выделяется подквадратное всхолмление (25×20 м), где по северному фасу раскопа обнаружена оборонительная стена шириной 2.5 м. В восточной и западной частях усадьбы намечаются обводные коридоры, между которыми располагались архитектурные постройки. Раскопаны два крупных помещения, примыкающих к оборонительной стене с мощной забутовкой из сырцового кирпича (33×23×10, 35×23×9, 32×24×10 и 38×24×8 см). Планировка Кызылчи 6, видимо, восходит к местным строительным традициям (тип укреплений с обводными коридорами — Сапалли). Изучение усадьбы будет продолжено в следующих сезонах.

А. Сагдуллаев

Кушанская статуэтка музыканта из предгорий Бабатага

Малоизученной и весьма интересной в археологическом отношении представляется нам узбекистанская часть предгорий Бабатага. Здесь во время разведок Бактрийской археологической экспедицией Института археологии АН УзССР и ЛОИА АН СССР, возглавляемой В. М. Массоном, в 1976 г. были обнаружены статуэтка музыканта, сосуд в виде ритона с изображением горного козла (высота 6 см, диаметр горла 2.5 см) и ряд фигурок лошадей. Место находок — колхоз им. М. И. Калинина Сарысассийского района Сурхандарьинской области. Там же собрано позначительное количество керамики кушанского облика.

Статуэтка изображает музыканта, стоя играющего на лютне, которую он держит в руках, прижав к груди. Размеры 11.5×6×2 см. Дека лютни посередине имеет выгиб с четырьмя дуговидными отверстиями. Правая рука трактована обобщенно и почти сливается с декой, а четко моделированная левая рука держит гриф. Фигурка полуобнажена. Сверху накинут широкий плащ, доходящий до колен. На шее висит ожерелье, к которому подвешен круглый медальон. Признаки мужского пола выражены слабо. На руках и ногах кольцеобразные предметы, по-видимому бубенцы. Способ изготовления комбинированный: штамп и ручная лепка. Лютни имеются среди изображений на парфянских ритонах Старой Нисы (II в. до н. э.), а в самой Бактрии — среди скульптуры из Халчаяна (I в. до н. э.) и на знаменитом скульптурном фризе из Айртама, который датируется I—II вв. Фигурки лютниста, играющего стоя, широко представлены среди коллекций терракотовых статуэток античной поры из Самарканда, Мерва, Хорезма и Хотана. Вместе с тем наша статуэтка отличается рядом деталей: фигурка полуобнажена, лютня изображена без струн, кисть правой руки сжимает плектр. Бубенцы и выемка на тыльной стороне корпуса лютни сближают ее с инструментом, изображенным на айртамском фризе. В литературе высказано мнение о среднеазиатском происхождении этого типа музыкального инструмента. Новая находка подтверждает факт широкого его распространения в Северной Бактрии.

Т. Аннаев

Кушанский медальон с изображением Хувишки

При раскопках Бактрийской экспедицией ЛОИА АН СССР (руководитель — В. М. Массон) на Зар-Тепе в 1976 г. в верхнем слое одного из кварталов (раскоп 6), в пом. 25, на уровне верхнего пола, расположенного в 10 см от поверхности, была обнаружена бронзовая круглая бляха диаметром 4.7 см. На лицевой стороне изображен бюст кушанского правителя Хувишки вправо (рис. 31, 2), голова в профиль, торс в трехчетвертном обороте. На голове острокопечный шлем, закапчивающийся в верхней части кольцевидным навершием, отчасти вписывающимся в ободок, украшенный пуансонным орнаментом. Нижняя часть шлема опоясывается диадемой с тем же орнаментом. За головой развеваются две отходящие от нее ленты. Глаз, ноздря и, возможно, ушное отверстие намечены углублениями в виде точек. Нос прямой, подбородок округлый, ушная раковина выделена. На месте мочки уха находится довольно глубокая ямка, которая вполне могла служить для вставки полудрагоценного камня или стекла. Наличие усов неясно. Голова

окружена нимбом из двух параллельных линий. На шее прослеживается ожерелье, переданное пуансоном. На плечах царя плащ, по-видимому, с округлыми отворотами, собранный в складки. Правая рука согнута в локте; кисть ее неотчетливо наблюдается на уровне груди. В левой, тоже согнутой в локте руке — жезл, от которого в разные стороны расходятся ленты. На обратной стороне прослеживаются два квадратных останца дужки, находящихся в 1.7 см друг от друга. Их взаимное расположение ясно указывает, что дужка была ориентирована параллельно изображению правителя на лицевой стороне. Наличие дужки предполагает использование бляхи как конструктивной детали одежды или конской сбруи. Бюст Хувишки, по всей вероятности, копирует изображения этого кушанского государя на золотом его чекане. По ряду признаков образ царя находит аналогии в портретах на монетах, относимых Д. М. Розенфилдом к третьей группе VII типа чекана Хувишки, а Е. В. Зеймалем к восьмой фазе золотого чекана этого правителя. Сходство в паличии островерхого головного убора, диадемы с двумя лентами, ожерелья на шее, плаща в складках с округлыми отворотами и жезла в левой руке. Тем не менее существенны наблюдаемые отличия и в облике правителя в целом, и в перечисленных деталях изображения. Прежде всего необходимо отметить, что на бляхе бюст государя дан вправо, а на монетах — влево. Этот поворот соответственно меняет положение атрибутов в руке и изредка встречается как на ранних выпусках монет Хувишки, относимых Зеймалем к первой и второй фазам, так и на монете третьей группы XI типа схемы Розенфилда. Нимб на бляшке в отличие от такового на монете намечен двумя линиями. Заостренный головной убор оканчивается сверху кольцевидным навершием и не имеет «паушиков». Жезл в левой руке царя несколько иной по форме, что, впрочем, может объясняться плохой его сохранностью. Отсутствует изображение пламени из плеч, отмеченное также Розенфилдом и для некоторых монет VII типа третьей группы. Отсутствует и дротик на правом плече правителя. Таким образом, изображение государя по ряду черт наиболее близко к поздним выпускам золотых монет Хувишки, но воспроизводит их не полностью и обладает рядом специфических черт, показывающих невозможность полного отождествления с вышеупомянутым типом монет.

Находки подобных изображений на бронзовых бляхах в пределах Кушанского государства пока неизвестны. Однако можно заключить, что практика изготовления медальонов, видимо, была там распространена, о чем свидетельствует находка глиняного медальона в Халчаiane с рельефным изображением трех фигур, отождествленных Г. А. Пугаченковой с Кадфизом II, принцем и парящей Никой. Как сообщил нам Е. В. Зеймаль, бронзовый медальон, хранищийся в Британском музее, имеет на лицевой стороне воспроизведение аверса монет Хувишки, где он сидит верхом на слоне.

В. А. Завьялов

Исследование кушанского могильника

Одним из основных объектов изучения Бандыханского отряда Узбекстанской искусствоведческой экспедиции являлся большой некрополь на городище Ялангтуш-Тепе, расположенном на северной окраине кишлака Бацдыхан в Сурхандарьинской области. Отделенный от поселения широкой ложбиной, некрополь представляет собой сконцентрированные на отдельных участках погребальные сооружения типа наусов. На дневной поверхности они отмечены булыжниками, по-видимому, упавшими с крыш погребальных сооружений вслед за их разрушением, и большим количеством фрагментов керамики. Из 15 вскрытых погребальных сооружений в двух полностью сохранились планировка и погребальный инвентарь, а в остальных — отдельные элементы планировки, фрагменты костей и часть инвентаря. Первый наус — подквадратное в плане погребальное сооружение (640×590 см), состоящее из двух камер (под углом 90° друг к другу). Внешние стены науса (шириной 75—100 см) выстроены из квадратного сырцового кирпича (35×35×15 см). В камерах находились кости, предварительно очищенные от мягких тканей: в первой камере — шесть черепов в западном углу, остальные кости в беспорядке на полу; во второй камере — 11 черепов вдоль стен. При раскопках науса найдены более 20 керамических сосудов (в основном кувшины и кувшинчики), железные похи и наконечники стрел, брон-

зовые чашечки, зеркало, железные и бронзовые перстни (один серебряный), печатки различного оформления, серьги нескольких видов, множество бус, железные и бронзовые браслеты, 11 монет (три в первой и восемь во второй камерах), среди которых одна Кадафиза II, пять Канишки с различными божествами на оборотной стороне, три Хувишки, одна стертая. Второй хорошо сохранившийся наус, прямоугольный в плане (730×480 см), также состоит из двух камер: первая — 370×230 см, вторая — 265×235 см. Камеры разделены стеной шириной 70 см. Внешние стены (шириной 60—70 см) выложены из сырцового кирпича (33×33×14 см), сохранились на высоту 20—30 см. Погребальный обряд аналогичен предыдущему. В обеих камерах зафиксированы около 200 черепов, множество керамических сосудов и разнообразных предметов, три монеты Канишки. В наусе 9, на полу, найдена монета типа «безымянный царь». Ялангтушский некрополь — второй после дальверзинского могильника в Сурхандарьинской области и один из четырех в Бактрии, который дает погребальные сооружения типа науса с обрядом очищенных костей, что свидетельствует о широком распространении последнего у жителей кушанских поселений.

О. Маликов

Ичяны-Депе

На правом берегу Узоя, на самой южной сопке Дордуля, расположено массивное (35×40 м) сооружение из рваных плит камня различных размеров, выложенных сухой кладкой. Сохранившаяся высота конструкций 1.5—2 м. Кроме того, практически все стены внизу обложены поставленными на ребро крупными плитами. По мере разрушения стен к плитам ставились дополнительные подпорки — так создавались целые массивы из поставленных на ребро камней. Центральную часть бугра и соответственно памятника занимает производственный комплекс, состоящий из нескольких периодически перестраивавшихся печей. В ряде мест встречены куски крупных шлаков, спекшиеся с известняком. К югу от печей располагался комплекс иного назначения. Здесь имеется круглое юго-восточное помещение с квадратной каменной комнатой в центре, которое выделяется своими размерами и качеством постройки. Найдены только кости барана, сероглиняный горшок и один трехлопастной втульчатый наконечник стрелы. Наиболее насыщен находками «большой коридор», расположенный к югу от производственного комплекса. Три прохода от него ведут в еще нераскопанные южные участки памятника, два прохода — на восток и запад — выводят в наиболее крупные помещения памятника.

По своему характеру выделяется северный комплекс. Он отделен от производственной части глухой стеной. Практически это был большой двор-айван, открытый на север. К середине торцовой южной стены двора, являющейся внешней стеной производственного комплекса, пристроено сооружение из камня, которое можно рассматривать как алтарь. На верхней плоской его поверхности разводился огонь. Здесь при раскопках вскрыт углисто-вольный слой. Стена обожжена; следы горения четко видны также на плитах, лежащих на вершине алтаря. Алтарь ремонтировался минимум два раза. С боковой его стороны сохранился горелый слой с мелкими обгоревшими ветками и отпечатками полыни. Вдоль остальных стен северного двора ничего подобного не отмечено. Заполнение двора — песок и куски камня; попадаются одиночные куски шлака, иногда довольно крупные. К северу от алтаря по центру двора окопано несколько загадочного вида вооружений в виде круглого бугра, обложенного по контуру камнями.

Восточная сторона памятника раскопана частично. Здесь прослеживаются несколько параллельных рядов плит, поставленных на ребро, между которыми находится слой со следами горения. Удалось обнаружить обложенную камнями своеобразную камеру-яму, в которой по дну идет рыхлый плак светло-серого цвета. Там найдены и обгоревшие ветки полыни. Возможно, они были связаны с каким-то обрядом, сопутствующим производственным процессам. Комплекс находок из Ичяны-Депе очень своеобразен: наряду с местной лепной керамикой он включает и гончарную, фрагменты античной поливной посуды, фрагмент сосуда с ручкой в виде лошади, сливы и носики керамических сосудов, фигурку животного кошачьей породы из сложенного листа бронзы и т. д. (рис. 32; 33, 13—15). Предварительная датировка этого комплекса может быть предложена на основании бронзовых наконечников стрел (около 40 штук), относящихся к V—III вв. до н. э. (рис. 33,

1—12). Характерно сочетание более ранних и более поздних наконечников, особо следует отметить находку двухлопастной стрелы с ромбическим в сечении концом. Что же касается назначения памятника, то представляется, что это крупный производственно-религиозный центр скотоводческих племен Среднего Узоя.

Х. Юсупов

Изучение погребальных памятников в Каратау

В 1975 г. Бес-арыйский курганный отряд ЮККАЭ начал исследовать памятники кочевнической культуры на юго-западных склонах хребта Каратау. Работы велись на двух открытых отрядом могильниках — Беркутты и Турганбай. Могильник Беркутты расположен в 20 км к северу от совхоза «Талаш» Яныкурганского района Кызыл-Ординской области и занимает правую надпойменную террасу р. Бес-Ары. Протяженность его с юга на север не более 300 м. Всего на объекте были зафиксированы 23 разнообразных погребальных сооружения, из которых раскопано больше половины. Обнаружены три каменные ограды тюркского типа. При раскопках их встречены слой пепла на глубине 0.3 м от дневной поверхности, невыразительные фрагменты костей мелкого рогатого скота и несколько обломков керамики. Синхронны этим памятникам тюркского времени погребения, находящиеся под курганной насыпью. Насыпь в основном состояла из земли и камней. Могильные ямы имели подпрямоугольную форму, ориентированы длинными сторонами с востока на запад. В них попадаются захоронения человека с конем. В наиболее интересном погребении (курган 9) обнаружены костяк лошади, ориентированной головой на запад, и плохой сохранности скелет человека — головой на восток, лежащий на спине вытянуто, к северу от лошади. Между ними находилась перегородка из поставленных на ребро камней. Вещевой материал невелик: бронзовое зеркало с железной ручкой, энеолитный красноангобированный кувшин с ручкой и сильно уплощенным носиком. Различные варианты такой посуды в основном VI—VIII вв. представлены в Боржарском могильнике, а также на одновременных городищах Южного Казахстана. Найдены кольчуги, двухсоставные железные удила, широко встречаемые в тюркских погребениях Алтая и в других местах. В могильнике Беркутты встречен и курган «с усами», по составу инвентаря датирующийся серединой I тыс. Более ранний слой могильника представлен курганами начала I тыс. н. э., аналогичными усуйским погребениям Семиречья. Материал, найденный в них, — в основном керамика: миниатюрные кувшинчики с округлым дном и петлевидной ручкой, котлообразные сосуды с округлым дном и небольшими выступами, имитирующими ручки.

Могильник Турганбай дал такие же погребения, что и Беркутты. Отличие его в том, что в нем раскопаны безы Inventарные могилы с костяками, лежащими вытянуто на спине, головой на северо-запад. В насыпи одной из них обнаружен фрагмент керамики карахандского типа. Можно предположить, что эти погребения относятся к началу II тыс.

С. Азинжанов

Некрополь городища Темир-Коруг

Городище Темир-Коруг в районе с. Янгинаукат расположено примерно в 50 км к юго-западу от г. Оша. Северная часть плоского холма городища была скрыта бульдозером. Здесь на участке 25×15 м Ферганской экспедиции ЛОИА АН СССР в 1976 г. удалось вскрыть 12 могил и остатки пяти захоронений.

В качестве примера приводим описание могилы 15. Размер грунтовой прямоугольной ямы 2.15×0.75 м, глубина 45 см. В середине восточной стены имеется ниша (65×40 см), дно которой ниже дна могилы на 30 см. В нише находилось пять сосудов, в том числе два лепных кувшина, станковый кувшин, горловина которого закрыта красноангобированной чашей, и рядом еще один станковый горшок. В горшке лежало прясло. Между сосудами найдены кости птицы.

Скелет в могиле 15 расположен на спине, вытянуто, головой на юго-запад. Под черепом полный костяк барана, головой обращенный на запад. У правого бедра встречен бронзовый перстень со щитком, на черепе у правого уха — окислы бронзы.

Все раскопанные погребения одиночные, находятся в прямоугольных или овальных грунтовых ямах. Ориентированы они на юго-восток (семь могил), северо-восток (четыре) и север (одна). Судя по находкам остатков дерева в трех погребениях, сверху они были перекрыты накатом из арчевых плах. Специфическая особенность — наличие ниши в боковых стенках. В этом можно усмотреть переживание традиции, восходящей к актамским могильникам. Во многих погребениях найдены кости барана и целые скелеты, а в одном случае — даже два. В четырех могилах наряду с костями барана обнаружены кости птиц.

Погребальный инвентарь включал, как правило, глиняные сосуды, прясла, сурьматипы, железные похи и украшения (железное кольцо, бронзовый перстень, бусы). Всего из некрополя происходит 30 сосудов. Немногим более половины составляют лепные кувшины с ручками, горшок, банка и миниатюрный кувшин. Остальные сосуды изготовлены на гончарном круге и покрыты красным ангобом; они обычных для Ферганы типов: кувшины приземистой формы, украшенные пестрыми мазками — полосами краски; плоскостонные горшки с аналогичной полосой краски; чаши (в том числе с перегибом бортика). Особо надо отметить необычный прием украшения мазками краски, встреченный в пяти случаях на сосудах с красным ангобом.

Наибольшее сходство погребения Темир-Коруга находят в могилах некрополя городища Кайноват, обследованного в 1939 г. Т. Г. Оболдуевой на трассе Большого Ферганского канала. Совпадают детали обряда и набор сопровождающих вещей, а также формы сосудов. Значительная близость, если не сказать идентичность, двух могильников не вызывает сомнения. Однако в Кайновате не удалось проследить конструкцию могил. На основании сходства и анализа всего комплекса находок некрополь Темир-Коруга можно датировать первыми веками нашей эры. Это единственное пока в Ферганской долине кладбище древнего периода, расположенное на территории поселения. Открытие его имеет важное значение, поскольку материалы о погребениях оседлоземледельческого населения древней Ферганы крайне малочисленны.

Ю. А. Заднепровский

Раскопки Отрара в 1971—1975 гг.

В 1975 г. завершились пятилетние исследования верхних слоев городища Отрар, датируемых XVI—XVIII вв. За это время вскрыта площадь в 5 га, что составляет четвертую часть всей территории позднесредневекового города. Для города была характерна сплошная застройка из домов, поставленных вплотную друг к другу, пересекаемая частой уличной сетью, связанной с магистральной дорогой, которая соединяет северные и южные ворота. Параллельно основной артерии города проложены магистральные улицы, густой сетью коротких улочек, переулков соединяющиеся с главной улицей. В местах пересечений улиц зачастую располагались площади. Основной застроечный компонент города — квартал. Внутриквартальные улицы значительно шире, чем магистральные — это улицы-дворы. Кварталы и магистральные улицы разделены глухими стенками. В результате раскопочных работ было выявлено 20 кварталов. В плане они прямоугольные, трапециевидные или многогранные, площадью до 2500 м². В составе каждого квартала насчитывается до 15 домовладений. Очевидно, значительные участки города застроены одновременно по одному плану, что позволяет поставить вопрос о социальной структуре квартальных общин Отрара. Кварталы юго-восточной и центральной частей города отличаются от периферийной большими размерами домов, числом помещений в доме, количеством амбаров. Внутри самих кварталов заметна разница в характере отдельных домовладений. Выделяются многокомнатные дома, правильно спланированные, добротно сделанные, с тщательно оштукатуренными стенами. В них широко использовался жженный кирпич, в интерьере применялись художественные керамические плиты. В составе каждого квартала удалось выделить дом старшины. Это необязательно самый крупный дом, но

в нем в центральном помещении всегда есть две печи-тандыра. Отмечается ремесленная специализация отдельных кварталов. Так, квартал хлебопекв располагался в западной части города. Здесь обнаружены дома с многочисленными тандырами и большой амбар с глиняными чанами для муки. Интересен вопрос о численности городского населения. Для определения ее в XVI—XVII вв. (так датируется основной строительный горизонт) был применен следующий метод — определены число домовладений в квартале и численность населения одного квартала, установлены число кварталов и количество всего городского населения. Было установлено, что в Отраре в указанное время проживало 5—7 тыс. человек.

К. А. Акишев, К. Байпаков

Могильник Утурлик-Тепе

Могильник Утурлик-Тепе расположен на северной окраине Сырдарьинской области вдоль левобережья Сырдарьи, составляя западную оконечность одноименного городища площадью более 60 га, обживавшегося в VI—XII вв. Погребения расположены правильными прямыми рядами, пересекающими всю территорию могильника в направлении север—юг; ориентировка самих ям преимущественно юго-восток—северо-запад. Общее число могил — предположительно 4 тыс. Могилы представляют узкий ящик («щита»), обложенный сырцовыми кирпичами и прикрытый сверху такими же кирпичами карахандидского стандарта (30×16×4 см), поставленными на ребро. Ритуал захоронения однообразен: положение на правом боку, лицом на запад. Вскрыто большое количество захоронений детей и подростков (42,8%). Приводим суммарную возрастную характеристику состава погребенных: дети до 7 лет — 31, подростки от 8 до 17 лет — 14, юноши и взрослые от 18 до 45 лет — 45, зрелые и старческие — 12, неопределенные — 3. Большинство захороненных относятся к европеоидному расовому типу, лишь 3—4 черепа имели незначительную монголоидную примесь. Средняя продолжительность жизни взрослого населения (без учета детской смертности) равнялась 30 годам, в том числе мужчин — 33,1 года, женщин — 36 лет. Исходя из примерных временных границ функционирования могильника, площади города и могильника, а также данных о смертности населения указанного района в дореволюционный период, средняя численность населения городища определена в пределах 8—10 тыс. человек.

*Ю. Ф. Буряков, О. М. Ростовцев,
И. В. Перевозчиков, Т. К. Ходжайов, Х. Халилов*

Уникальные находки на Кокташском средневековом поселении

В процессе раскопок Кокташского средневекового поселения, расположенного юго-западнее пос. им. В. И. Ленина, на самой верхней террасе Кафирнигана, выяснилось, что памятник представляет собой крупный пригород, существовавший в X—XIII вв. На расстоянии 200 м от него находится городище с цитаделью — Чоргуль-Тепе (тоже разрушенное и застроенное в недавнее время). Известно много случаев нахождения монет и керамики в окружающей местности. В обресе шоссе хорошо прослеживаются фрагменты культурного слоя. Археологические работы начаты расчисткой обреза вырытого строителями котлована (размер котлована-резервуара под воду 10×10 м). После расчистки обреза котлована заложены шурф 6×10 м и траншея 1×18 м. В основном сохранилась только нижняя часть богатой усадьбы, а верхняя, к сожалению, срезана во время недавней планировки. Среди найденных вещей чрезвычайно большой интерес представляют впервые обнаруженные в Гиссарской долине расписные и глазурованные сосуды. Расписная средневековая керамика известна из Хульбука (Куляб), Туткаула (Нурек) и ряда других мест Южного Таджикистана и за его пределами, из Самарканда, из Кулдор-Тепе близ Самарканда, со строительства Фархадской ГЭС, из Узгена II—III, с городища Баба-Ата (Южный Казах-

стан). Кокташское поселение — новый пункт обнаружения расписной керамики, орнаментация которой отличается очень высоким уровнем исполнения. Глазурованная посуда в основном представлена чашами, мисками, пиалами. Следует отметить наличие подглазурной полихромной росписи, сочетание гравировки на зеленом, коричневом и кремовом тонах с бесцветной глазурью. Такая посуда имела хождение в средневековье в Самарканде, Бухаре, Хорезме и Южной Туркмении. Вместе с тем в нашей коллекции есть и местные мотивы в орнаменте глазурованной керамики. Совершенно уникальны бронзовые вещи, найденные в шурфе: большой и маленький светильники, венчики котла с ручкой и миска. Такой большой светильник впервые обнаружен на территории Средней Азии. Верхняя его часть наглухо закрыта орнаментированной крышкой. Передняя снабжена подвижной крышкой, которая держится на двух выступающих на поверхности шарнирах. У светильника три слива и три ножки, на одной из боковых сторон выбита надпись, выполненная арабской графикой. Интерес представляет найденная при раскопках серебряная монета конца XI в., выпущенная караханидскими правителями. Арабоязычные географы IX—X вв., писавшие о караванных путях, говорили о двух городах, существовавших в Гиссарской долине, — Ахаруп и Шуман. Может быть, мы имеем здесь дело с частью одного из этих городов, так как современный Ленинский район располагается на караванном пути из Саганиана (близ совр. Денау) и некогда существовавших в Вахшской долине больших средневековых городов.

Т. Атаханов

**КНИГИ ПО АРХЕОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА,
ОПУБЛИКОВАННЫЕ В 1974—1975 гг.**

- Абдуразаков А. А., Камбалов М. К. Реставрация настенных росписей Афрасиаба. Ташкент, 1975. (АН УзССР. ИА).
- Акрамов Н. М. Вопросы истории, археологии и этнографии народов Памира и Припамирья в трудах Б. Л. Громбчевского. Душанбе, 1974. (Душанб. ГПИ).
- Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент, 1975. (АН УзССР. ИА).
- Археологи рассказывают. [Сб. статей]. Отв. ред. А. А. Аскарлов. Ташкент, 1974. На узб. яз.
- Археологические памятники Прииссыккуля. Фрунзе, 1975. (АН КиргССР. ИИ).
- Археологические работы в Таджикистане. [Сб. статей]. Вып. 11. Душанбе, 1975. (АН ТаджССР. ИИ).
- Атакарриев Е. А. Древние города Туркменистана. Ашхабад, 1974. На туркм. яз.
- Атакарриев Е. А. Археология разоблачает религиозные вымыслы. Ашхабад, 1975. На туркм. яз.
- Афрасиаб. [Сб. статей]. Вып. 3—4. Отв. ред. Я. Г. Гулямов. Ташкент, 1974—1975. (АН УзССР. ИА).
- Ашрафи М. М. Бухарская школа миниатюрной живописи. (40—70-е гг. XVI в.). Душанбе, 1974. (АН ТаджССР. ИИ).
- Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. Загадки истории древних ариев. М., 1974.
- Брыкина Г. А. Карабулак. М., 1974. (АН СССР. ИА).
- Бубнова М. А. Добыча полезных ископаемых в Средней Азии в XVI—XIX вв. М., 1975. (АН ТаджССР. ИИ).
- Материалы по археологии Узбекистана. [Сб. статей]. Отв. ред. Р. Х. Сулейманов. Самарканд, 1975. (СГУ. Труды. Вып. 270).
- Буряков Ю. Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака. (V—начало XIII в.). М., 1974. (АН УзССР. ИА).
- Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. (Ист.-археол. очерк Чача и Илака). Ташкент, 1975. (АН УзССР. ИА).
- Буряков Ю. Ф., Касымов М. Р., Ростовцев О. М. Археологические памятники Ташкентской области. Ташкент, 1975. (АН УзССР. ИА. ООПИК Узб.).
- В глубь веков. [Археол. сб.]. Отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата, 1974. (АН КазССР. ИИАЭ).
- Виноградов А. В., Мамадов Э. Д. Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. М., 1975. (АН СССР. ИЭ Таш. ун-т. МХЭ. Вып. 10).
- Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. [Сб. статей]. Отв. ред. Г. П. Спесарев и В. Н. Басилов. М., 1975. (АН СССР. ИЭ).
- Древности Казахстана. [Сб. статей]. Отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата, 1975. (АН КазССР. ИИАЭ).

- Древняя Бактрия. Предварит. сообщ. об археол. работах на юге Узбекистана. Отв. ред. В. М. Массон. Л., 1974. (АН СССР. ИА. АН УзССР. ИА).
- Исламов У. Пещера Мачай. Ташкент, 1975. (АН УзССР. ИА).
- История материальной культуры Узбекистана. [Сб. статей]. Вып. 11—12. Отв. ред. А. Аскарлов. Ташкент, 1974—1975. (АН УзССР. ИА).
- Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975. (АН СССР. ИА. АН ТаджССР. ИИ. ТТАЭ, т. 7).
- Материалы по археологии Мерва. [Сб. статей]. Под ред. М. Е. Массона. (Вып. 3). Ашхабад, 1974. (АН ТССР. ТЮТАКЭ. Т. 15).
- Материалы по истории и археологии Средней Азии. [Сб. статей]. Отв. ред. Г. А. Худоятов. Ташкент, 1974. (ТГУ. Науч. труды. Вып. 473).
- Материалы совместной археологической экспедиции на Кара-Тепе. Вып. 4. Под общ. ред. Б. Я. Ставиского. М., 1975. (АН СССР. ИВ. ГЭ).
- Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 10. Под общ. ред. С. П. Толстова. М., 1975. (АН СССР. ИЭ).
- Материальная культура Туркменистана. [Сб. статей]. Вып. 2. Отв. ред. В. М. Массон. Ашхабад, 1974. (АН ТССР. ИИ).
- Материальная культура Уструшаны. Вып. 3. Под ред. Н. Н. Негматова. Душанбе, 1975. (АН ТаджССР. ИИ).
- Музалевский С. А., Сафонова Л. М. Археологические памятники Баянаульского района. Павлодар, 1974. (Павлодар. обл. ист.-краевед. муз.).
- Нильсен В. А., Манакова В. Н. Архитектурный декор памятников Узбекистана. Л., 1974. (Таш. Политехн. ин-т. Кафедра ист. и теории архитект. ООПИК Узб.).
- Новые находки на Кара-Тепе в Старом Термезе. Основные итоги работ 1972—1973 гг. [Сб. статей]. Под общ. ред. Б. Я. Ставиского. М., 1975. (АН СССР. ИВ. ГЭ. ГМИИВ. ВЦНИИЖР. Матер. совместной археол. эксп. на Кара-Тепе. Вып. 4).
- Памятники архитектуры Туркменистана. Л., 1974. (ООПИК ТССР). На туркм. и рус. яз. Рез. на англ. яз.
- Памятники Киргизстана. Науч.-попул. сб. Вып. 2. Глав. ред. К. К. Орозалиев. Фрунзе, 1974. (Кирг. респ. ООПИК).
- Памятники Туркменистана. — Журн. Туркм. респ. добр. о-ва охраны памятников ист. и культ. Ашхабад, 1974—1975. Рез. на англ. яз.
- Пилипко В. Н. Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Ашхабад, 1975. (АН ТССР. ИИ).
- Пиллявский В. И. Куны-Ургенч. Изд. 2-е, перераб. и доп. Л., 1974. (АН ТССР. ИИ). Рез. на франц. яз.
- Пулатов У. П. Чильхуджра. Душанбе, 1975. (АН ТаджССР. ИИ. МКУ. Вып. 3).
- Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Кр. тез. докл. на конф. Ноябрь 1975. Л., 1975. (АН СССР. ЛОИА. Науч. совет по проблемам археол. Ср. Азии и Казахстана).
- Ранов В. А., Негматов Н. П., Мухтаров А. Тайна прошлых времен. Душанбе, 1974. На тадж. яз.
- Ртвеладзе Э. В. Список научных публикаций чл.-кор. АН УзССР Г. А. Пугаченковой. К 60-летию со дня рождения и 35-летию науч.-исслед. деятельности. Ташкент, 1975. (Ин-т искусствозн. М-ва культ. УзССР).
- Рузиев М. А. Резное дерево Чорку. Душанбе, 1975. (АН ТаджССР. ИИ). На тадж. и рус. яз.
- Спришевский В. И. Каталог археологических материалов эпохи камня и бронзы. Ташкент, 1974. (АН УзССР. Муз. ист. народов Узб.).
- Ставиский Б. Я. Искусство Средней Азии. Древний период. VI в. до н. э.—VIII в. н. э. М., 1974. (Очерки ист. и теории изобразит. искусств).
- Страницы истории материальной культуры Киргизстана. (Досов. период). [Сб. статей]. Фрунзе, 1975. (АН КиргССР. ИИ. Проблем. науч. совет по досов. ист. Кирг.).
- Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. 7. Л., 1975. (АН СССР. ИА. АН ТаджССР. ИИ).
- Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. 15. Под ред. М. Е. Массона. Ашхабад, 1974. (АН ТССР).
- Успехи среднеазиатской археологии. [Сб. статей]. Вып. 3. Отв. ред. В. М. Массон. Л., 1975. (АН СССР. ИА).
- Ходжаниязов Т. Тайны кладов. Ашхабад, 1975. (АН ТССР. ЮТАКЭ). На туркм. яз.
- Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. [Сб. статей]. Отв. ред. Т. А. Жданко и К. Шаниязов. М., 1975. (АН СССР. ИЭ. АН УзССР. ИИ).
- Центральная Азия в кушанскую эпоху. Тр. Междунар. конф. по ист., археол. и культ. Центральной Азии в кушанскую эпоху. М., 1974—1975. (АН СССР. ИВ).
- Юсупов Х. Приузбойские туркменские племена XIV—XV вв. Ашхабад, 1975. (АН ТССР. ИИ).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия. М.
АРТ	— Археологические работы в Таджикистане. Душанбе.
АСГЭ	— Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ВЦНИЛКР	— Всесоюзная центральная научно-исследовательская лаборатория консервации и реставрации.
ГМИНВ	— Государственный музей искусства народов Востока.
ИА	— Институт археологии.
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
ИИ	— Институт истории.
ИИА АН УзССР	— Институт истории и археологии Академии наук Узбекской ССР.
ИИАЭ	— Институт истории, археологии и этнографии.
ИМКУ	— История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
ИООН АН ТаджССР	— Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР.
ИРАИМК	— Известия Российской Академии истории материальной культуры. Пг., Л.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.—Л.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет.
ЛОИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.
ЛОИВ АН СССР	— Ленинградское отделение Института востоковедения Академии наук СССР.
ЛОИЭ АН СССР	— Ленинградское отделение Института этнографии Академии наук СССР.
МАЭУ	— Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. Ташкент.
МГУ	— Московский государственный университет.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.—Л.
МКТ	— Материальная культура Таджикистана. Душанбе.
МКУ	— Материальная культура Уструшаны. Душанбе.
МХЭ	— Материалы Хорезмской экспедиции. М.
ОНУ	— Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.
ООПИК	— Общество охраны памятников истории и культуры.
СА	— Советская археология. М.
СГУ	— Самаркандский государственный университет.
СГЭ	— Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
СЭ	— Советская этнография. М.
ТГУ	— Ташкентский государственный университет.
ТГЭ	— Труды Государственного Эрмитажа. Л.
ТИИА АН УзССР	— Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР. Ташкент.
ТИИАЭ АН КазССР	— Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата.
ТКАЭЭ	— Труды Казахской археолого-этнографической экспедиции. Алма-Ата.

ТОВЭ	— Труды отдела Востока Государственного Эрмитажа. Л.
ТТАЭ	— Труды Таджикской археологической экспедиции. Л.—М.
ТТГУ	— Труды Ташкентского государственного университета. Ташкент.
ТХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М.
ТЮТАКЭ	— Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
УСА	— Успехи среднеазиатской археологии. Л.
ЭВ	— Эпиграфика Востока. Л.
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая экспедиция.
ЮККАЭ	— Южно-Казахстанская комплексная археологическая экспедиция.
МДАФА	— Memoires de delegation archaeologique franco-afghanistaine. Paris.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Рис. 1. Сеталак I. Здание второго строительного периода.

Рис. 2. Пенджикент. Ранняя городская стена. Реконструкция объектов III, VII.
I период — V в.; II период — 500 г.; III период — последняя четверть VII в.

Рис. 3. Пенджикент. Схематический план храмов I и II.

Расположение росписей: 1 — богиня на троне с «сэнмурвами»; 2—4 — донаторы; 3 — богиня на львином троне (?); 5 — богиня на драконе. Строительные периоды: а — V в.; б — VI в.; в — VII в.

Рис. 4. Пенджикент. Роспись южной стены главного портика храма I. VI в.

Рис. 5. Пенджикент. Роспись северной стены пом. 41/42 объекта VI. VI в.

Рис. 6. Пенджикент. Южная часть восточной стены пом. 26 объекта XXIII. Сцена охоты, VII в.

Рис. 7. Пенджикент. Пом. 13 объекта XXIV. Чета богов. VIII в.

Рис. 8. Древний Пенджикент. Горизонтальные сечения рельефа через 10 м.

А — план городища: 4 — цитадель; римские цифры — номера объектов; 1 — раскопанные объекты с границами домовладений; 2 — городские стены; 3 — предполагаемый предвратный лабиринт; 4 — остатки виадукта; 5 — элементы первоначальной планировочной сети шахристана; 6 — оси ранней планировочной сети шахристана; 7 — крытые переулки; 8 — арки и хаузы; 9 — харчевни; 10 — лавки и мастерские. Б — структурные состояния застройки квартала (на материале объекта XXIV): 1 — этап начала VII в.; 2 — этап конца VII в.; 3 — этап 20-х гг. VIII в. В — застройка центральной части шахристана (аксонометрия, вид с севера — слева объект XXIII, справа — XXIV, вверху — XXV): 1 — улица; 2 — перекрытые сводами части переулков; 3 — помещения с лестницами и пандусами; 4 — производственные помещения; 5 — зернохранилища; 6 — помещения с остатками росписей.

Рис. 9. Кирпичи с клеймами.

1, 2, 5 — Калак-Дабус; 3 — Калак-Дабус и Курган-Тепе; 4 — Рабинджан.

Рис. 10. Керамические изделия VI—VII вв. (1—7).

Рис. 11. Гардани-Хисор. План поселения.

Римские цифры — номера домов; арабские — номера улиц.

Рис. 12. Фильмандар. План замка.

1—7 — номера помещений.

Рис. 13. Фильмандар. Находки.

1, 2 — украшения; 3—12 — керамика

Рис. 14. Пенджикент. Храм I (объекты I и X).

A — план храма I; *римские цифры* — номера объектов; *арабские* — номера помещений; знак «х» — находка горна. *B* — план и разрез горна. *B* — изделия мастерской.

Рис. 15. Чертежи на стенах объекта XXV древнего Пенджикента.

A — аксонометрия раскопанных помещений северного жилища (стены пом. 12 показаны прозрачными); *B* — реконструированная схема разметки опирания перекрытий; *B* — схема реконструкции зала с плоским перекрытием; *Г* — схема встарушенного перекрытия с подкосом в двух наклонных плоскостях (пунктирные линии — подварианты с полностью открытыми в интерьер подкосами и плоским потолком); *Д* — схема встарушенного перекрытия с подкосами в четырех наклонных плоскостях; *Е* — схема встарушенного перекрытия с подкосами в трех наклонных плоскостях; *Ж* — чертёж на северной стене пом. 13 (жирные линии — сохранившиеся отрезки прямых, тонкие — реконструируемые, пунктирные — предполагаемые, дугами показан перенос размеров).

Рис. 16. Пенджикент. План зернохранилища.

Римские цифры — номера объектов; *арабские* — номера помещений; *a* — стены первого этажа; *б* — стены второго этажа.

Рис. 17. Монеты из раскопок поселения Гардани-Хисор.

1 — Тархун; 2 — Гурак, тип II; 3, 4 — «безымянная царица»; 5 — «гуштушанский правитель».

Рис. 18. Могильник Зумудч. Амулет из кости.

Рис. 19. Ак-Депе. План замка.

Рис. 20. Ак-Депе. Находки.

A — монеты; *B* — пехлевийская надпись.

Рис. 21. Мерв. План буддийского монастыря.

Римские цифры — номера помещений.

Рис. 22. Ферганская керамика VII—VIII вв.

1, 3, 13 — Сары-Курган; 2 — Дамкуль-Тепе; 4, 7 — Мыкты-Курган, раскоп V, пом. 2; 5, 10, 14, 16, 17 — Чун-Тепе, пом. Б (мастерская); 6, 18, 19 — Чун-Тепе, пом. А; 11, 12 — Чун-Тепе; 8 — зор-тепийский могильник, погр. 1; 9, 15 — Куюк-Тепе.

Рис. 23. Керамика из Чун-Тепе (1, 2) и зор-тепийского могильника (3).

Рис. 24. Керамика из усадьбы Кайрагач.

Рис. 25. Стоянка Кум-Тепийская Скала. Кремневые изделия.

Рис. 26. Тахта-Базар. Кремневые изделия.

Рис. 27. Алтын-Депе. Раскоп 9. Погребение с богатым инвентарем.

Рис. 28. Печати с поселений эпохи бронзы в дельте Мургаба.

Рис. 29. Могильник Джар-Кутан. Погр. 45.

I — план могилы; *II* — находки (1—6 — бронза, 7—13 — керамика).

Рис. 30. Комплекс поздней бронзы из района Каажки (1—9).

Объяснение см. в тексте.

Рис. 31. Медальон с изображением Хувишки.

Рис. 32. Ичянылы-Депе. Находки.

1—35 — лепная керамика; 36—50 — круговая керамика.

Рис. 33. Ичянылы-Депе. Находки.

1—12 — изделия из бронзы; 13—15 — керамические изделия.

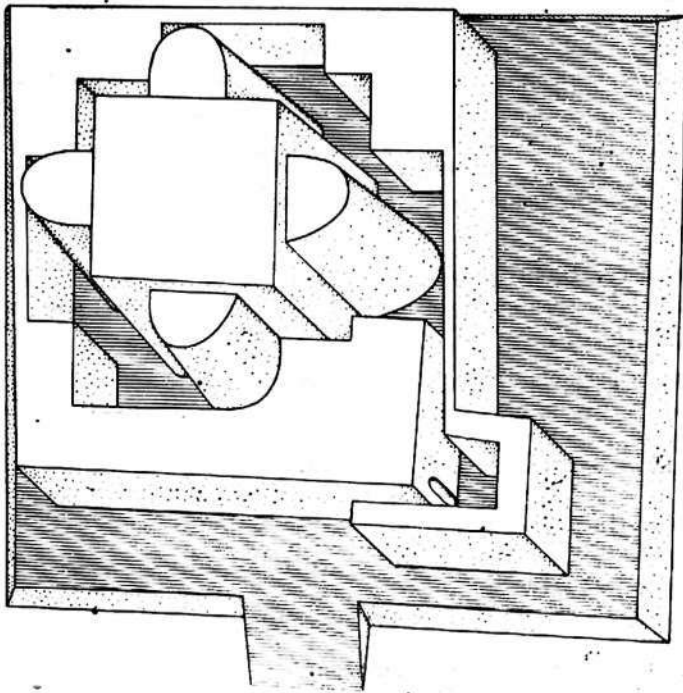

Рис. 1.

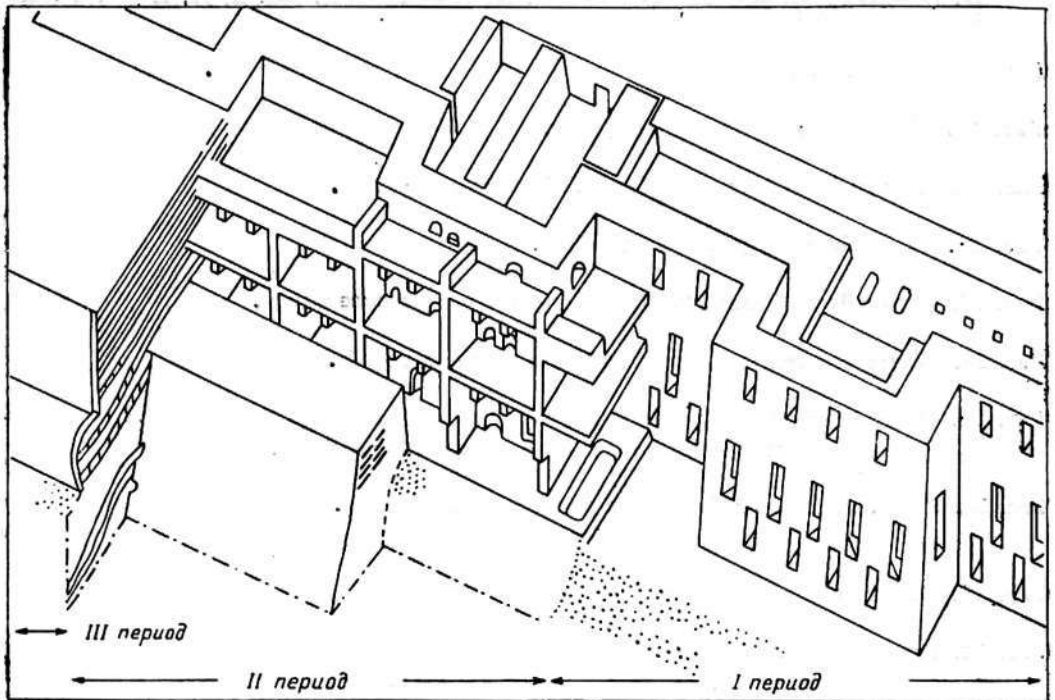

Рис. 2.

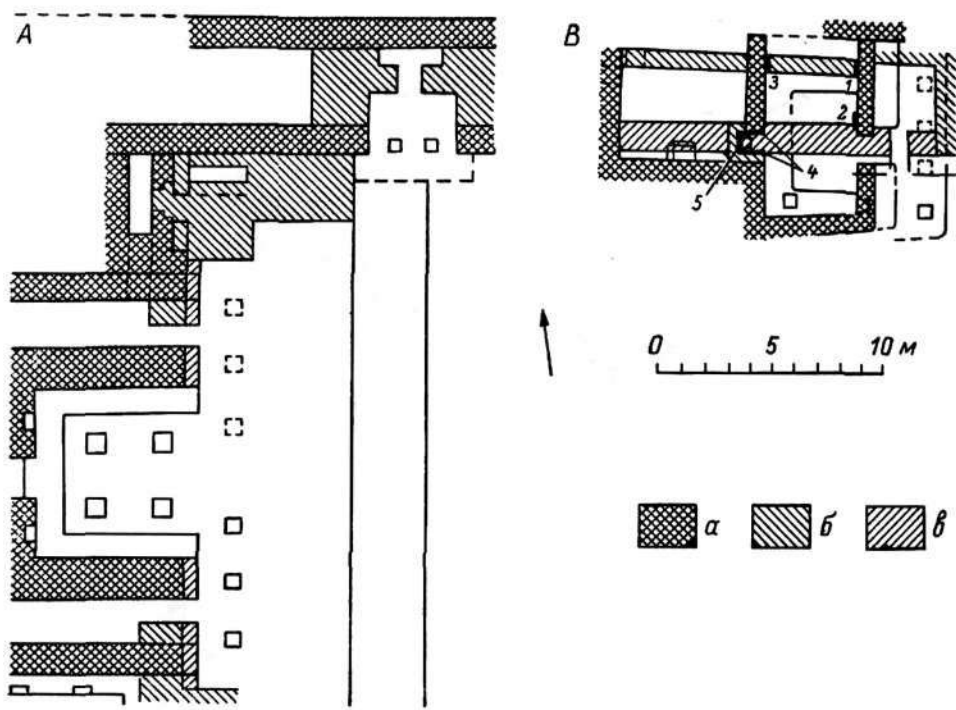
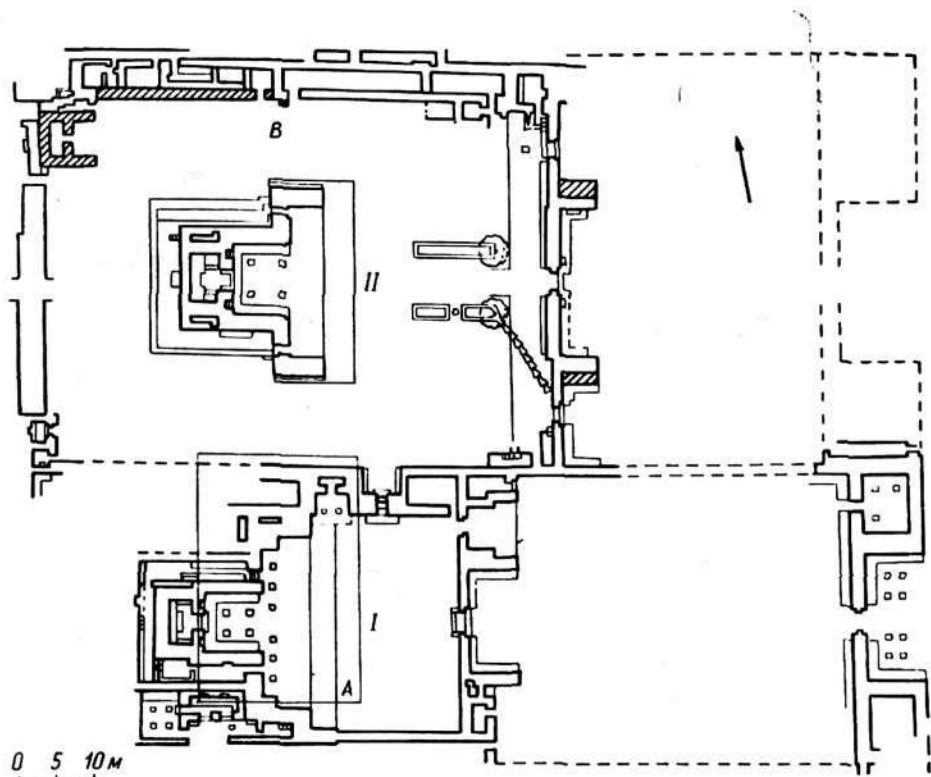

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

Рис. 6.

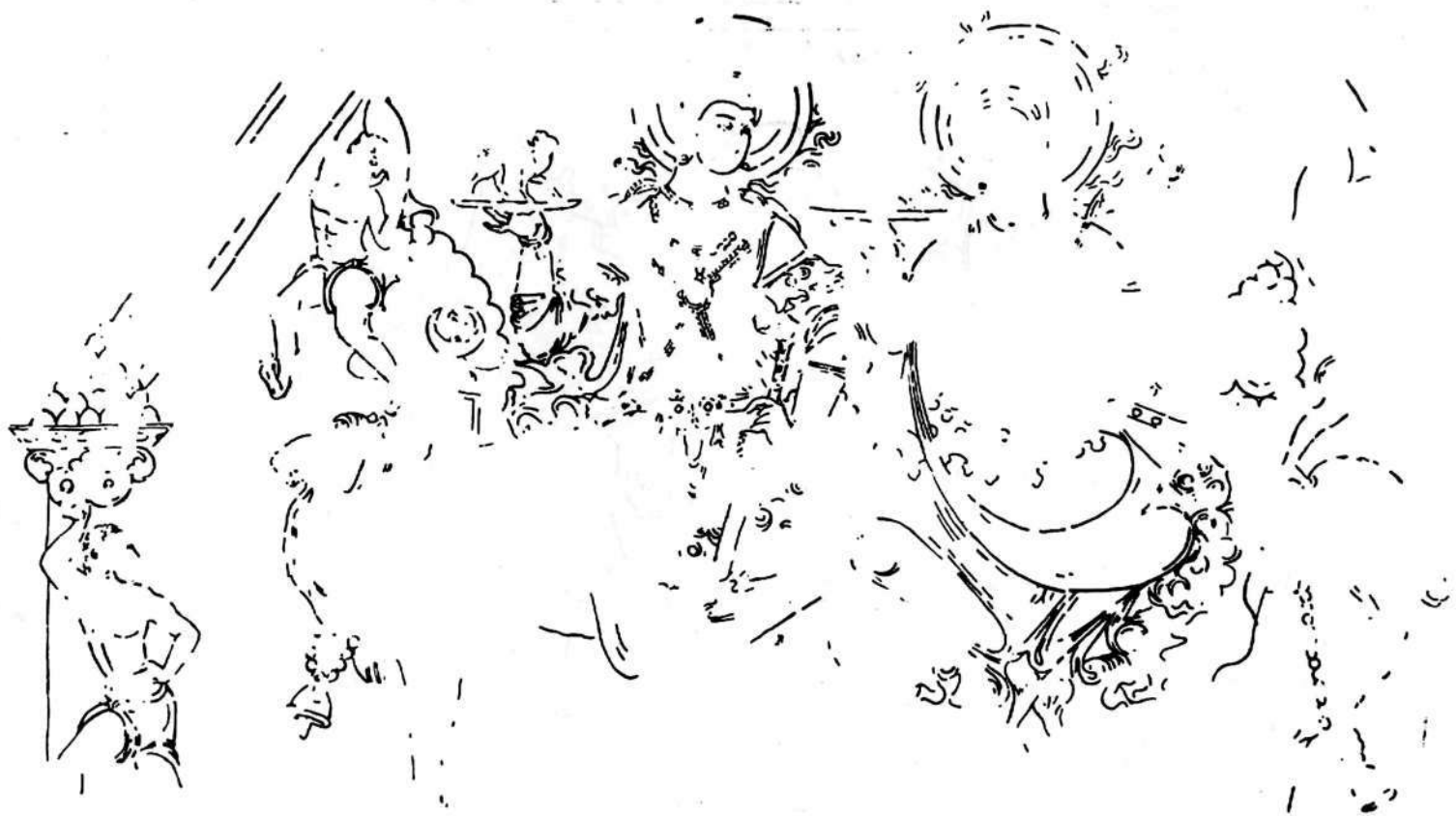

Рис. 7.

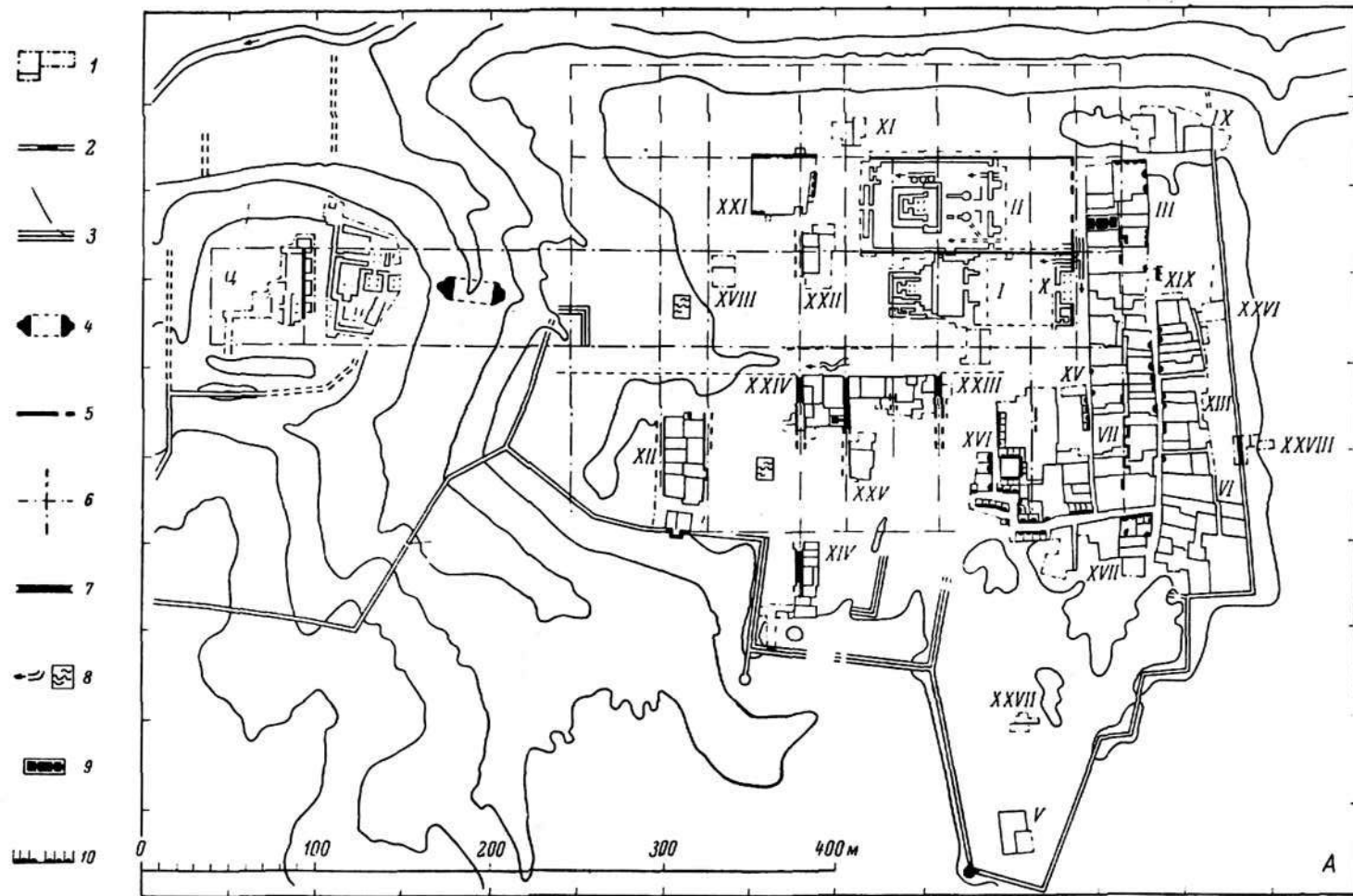

Рис. 8.

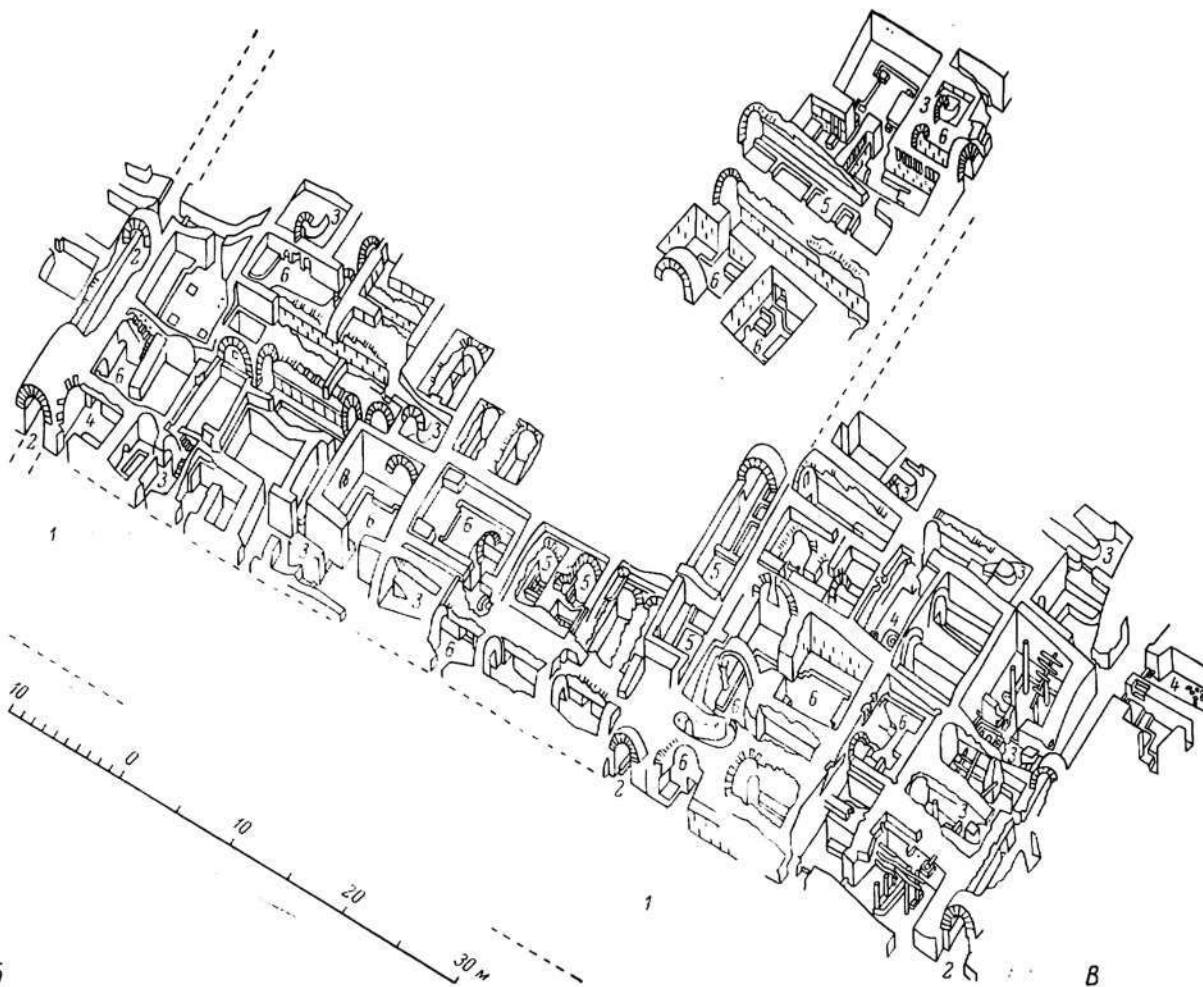
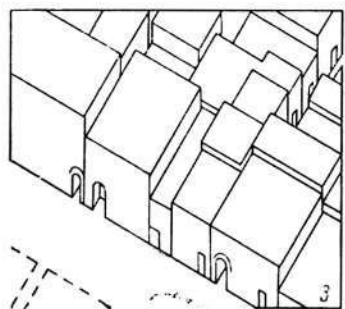
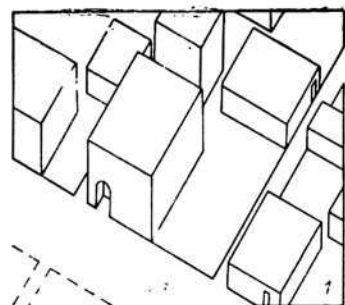

Рис. 8 (продолжение).

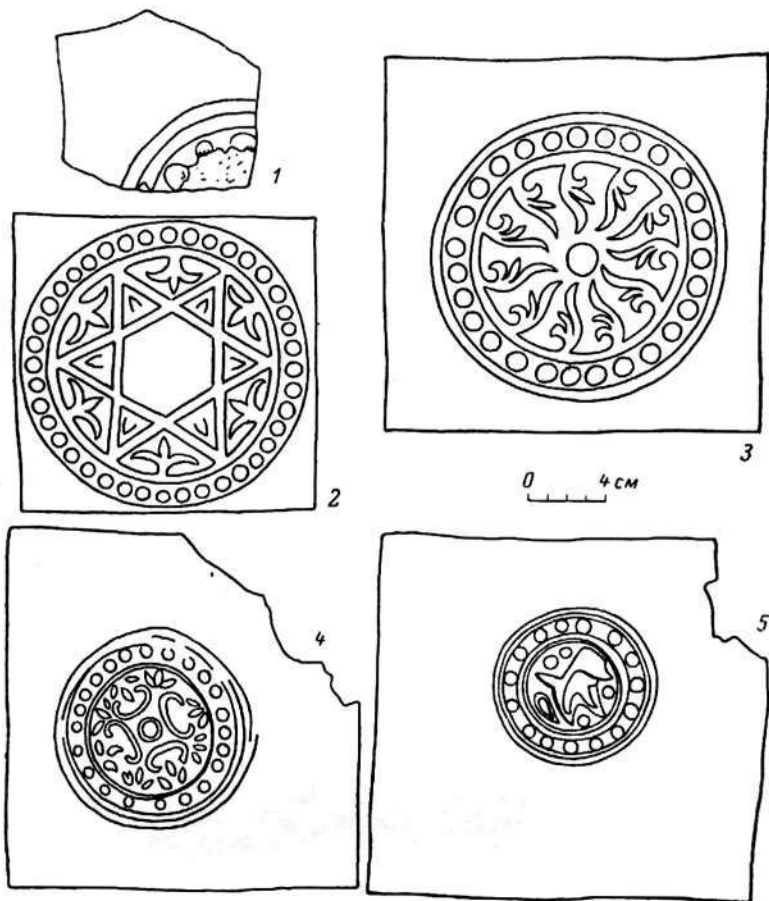

Рис. 9.

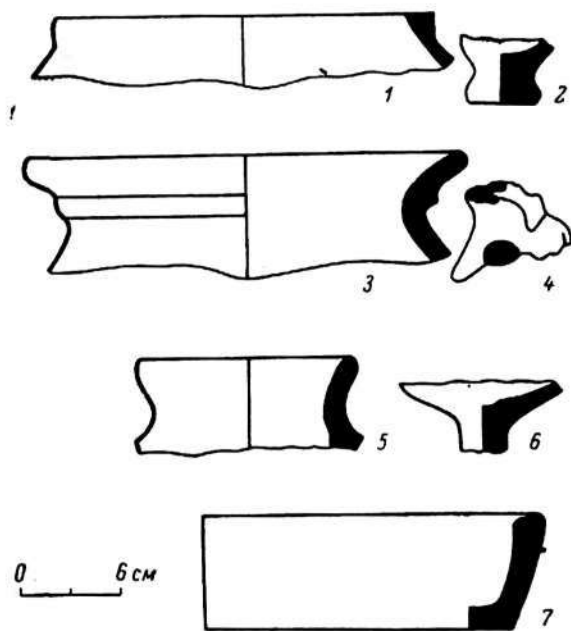

Рис. 10.

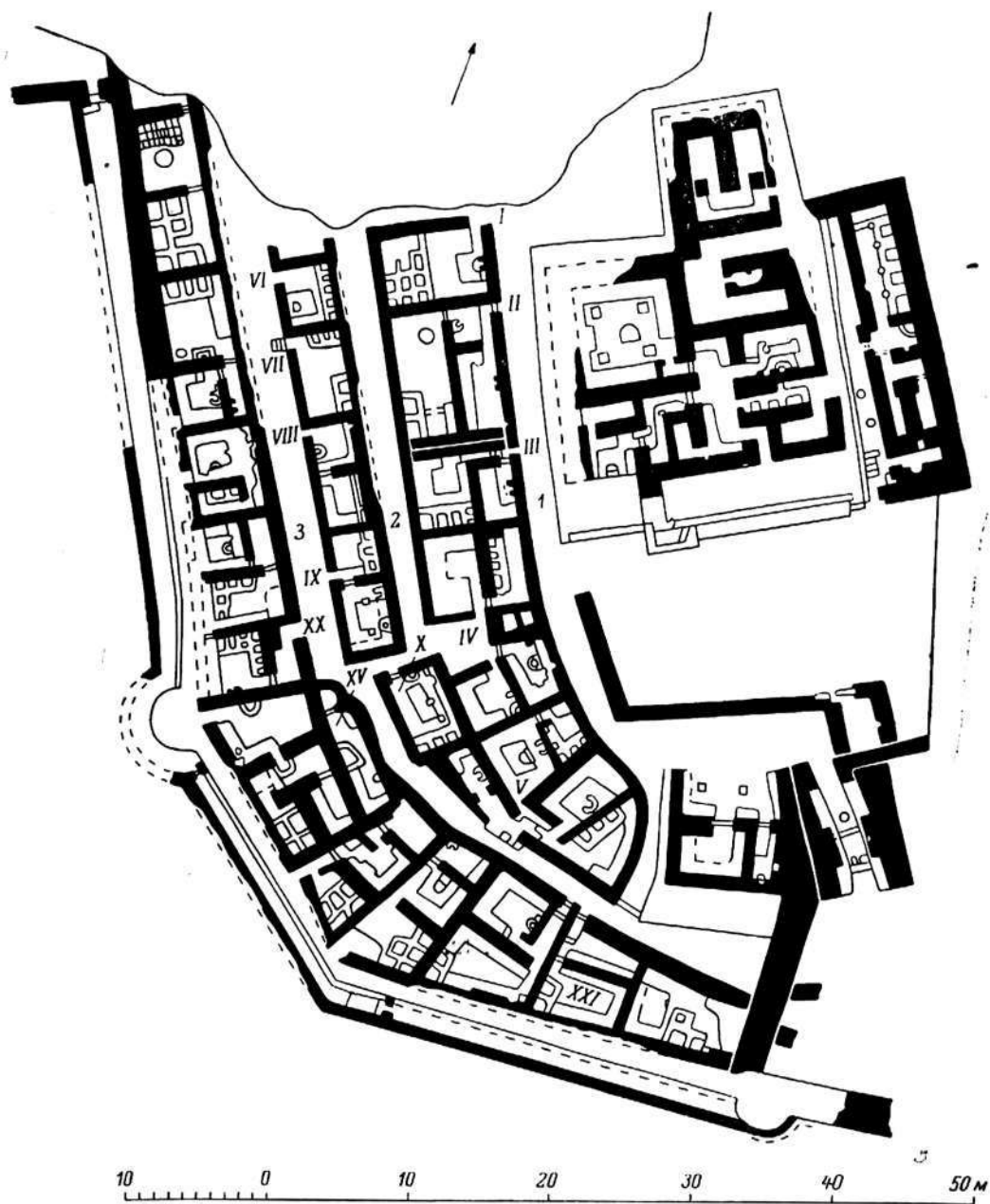

Рис. 11.

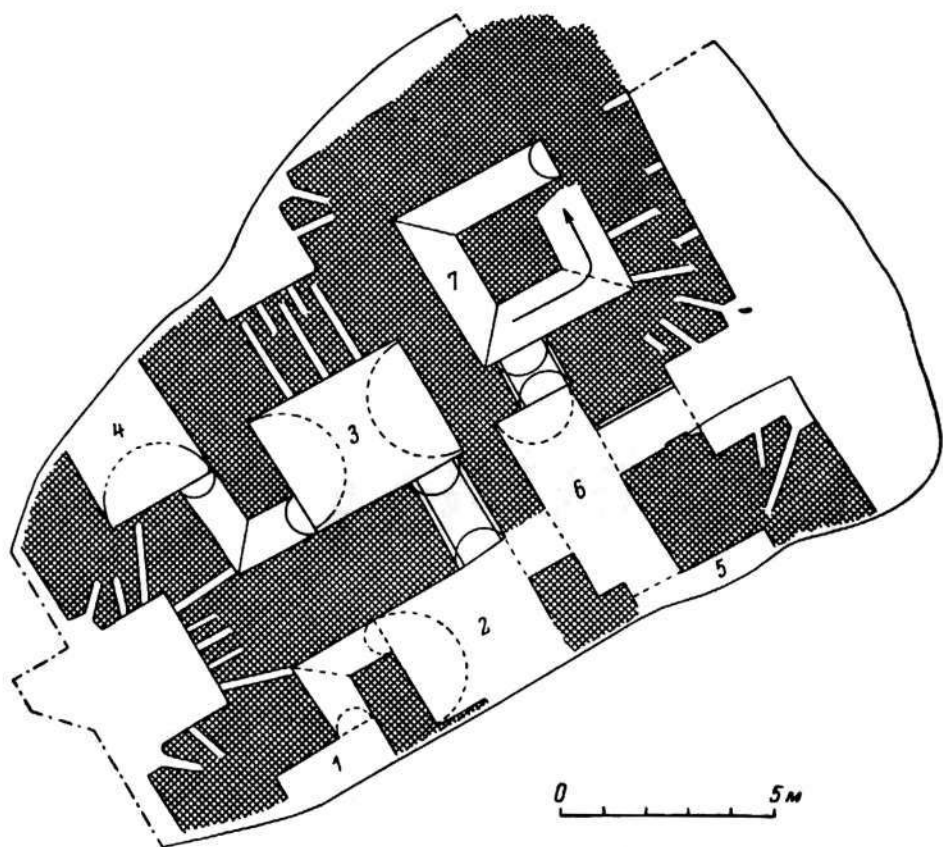

Рис. 12.

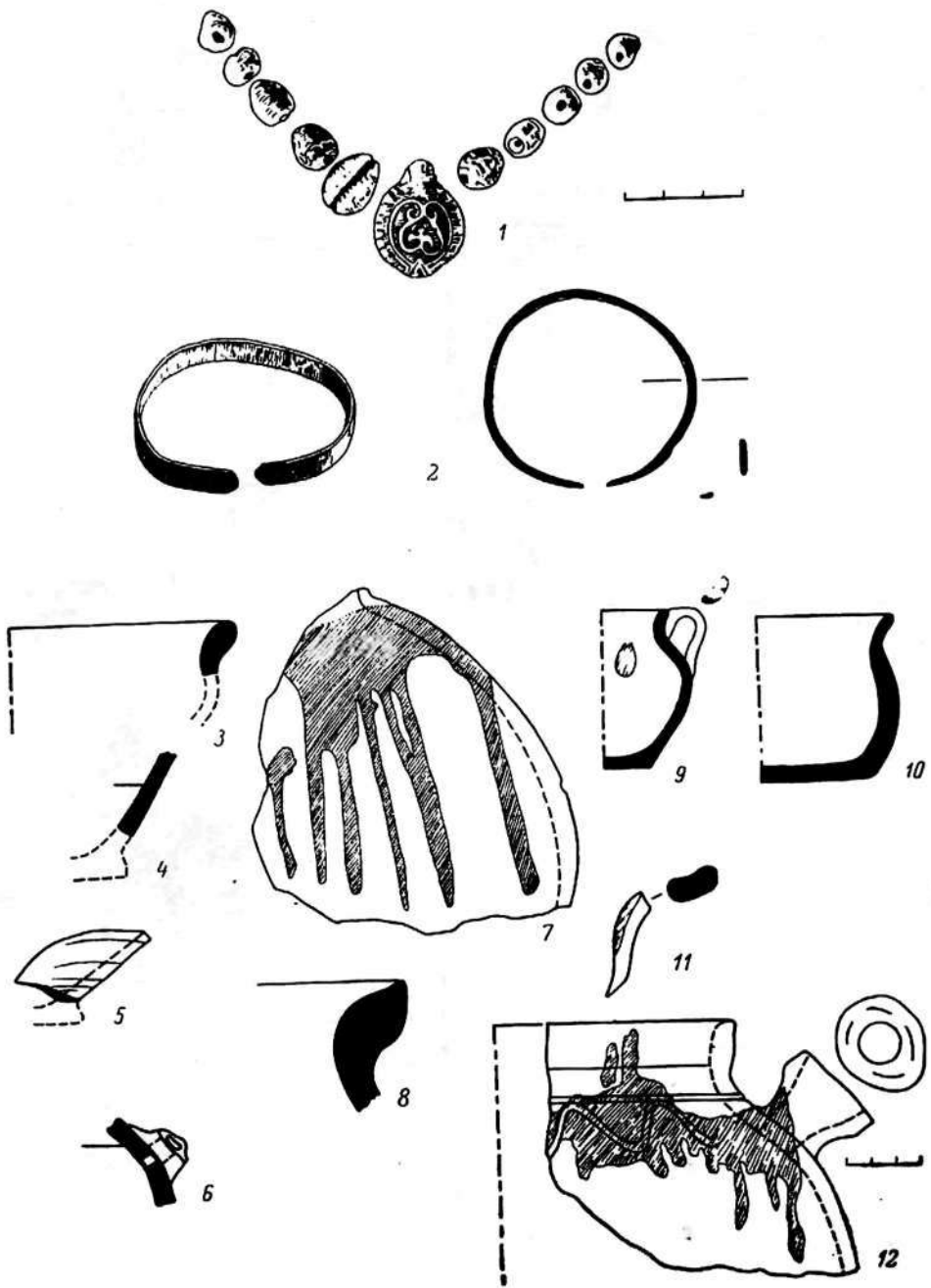
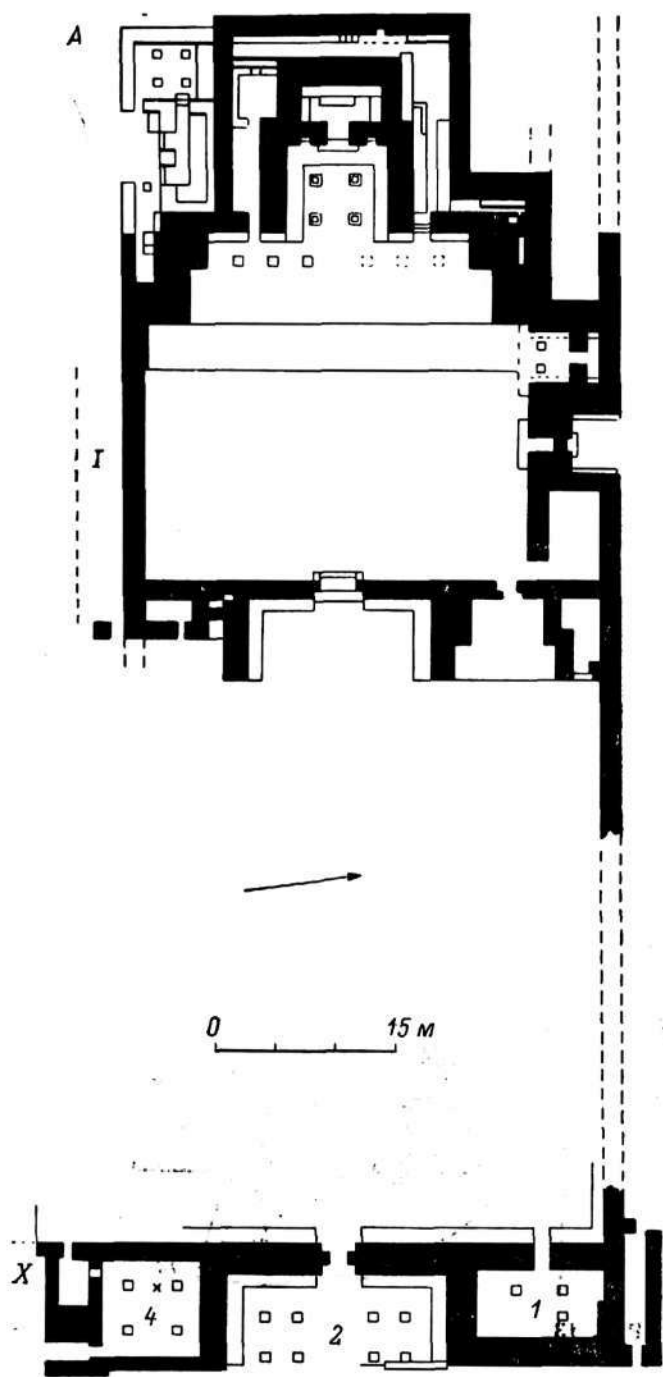

Рис. 13.

* Горн мастерской

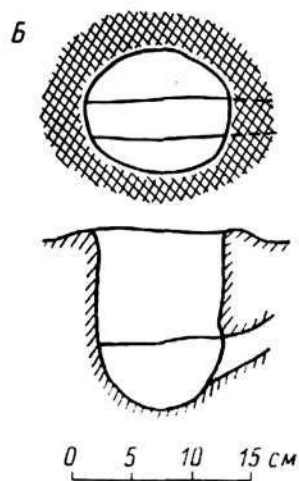

Рис. 14.

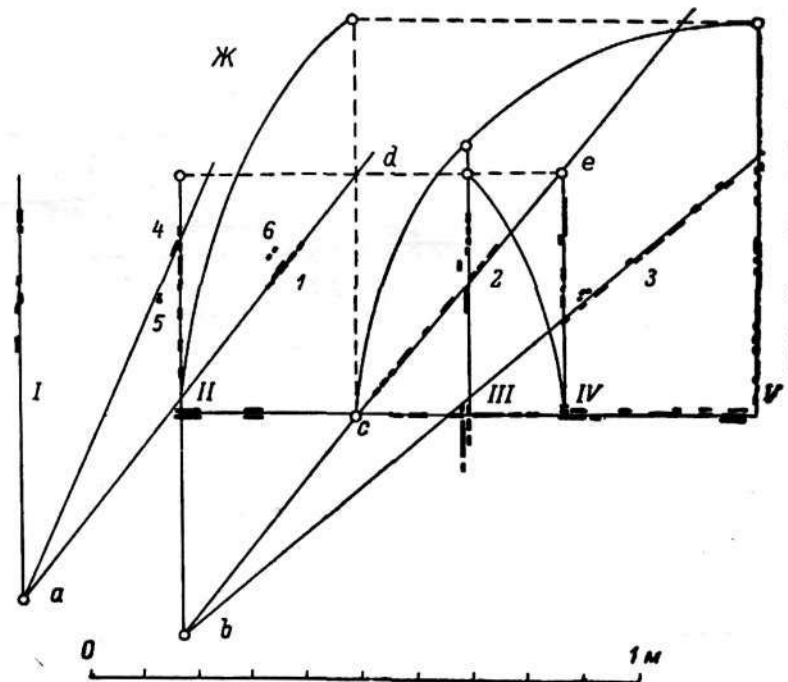
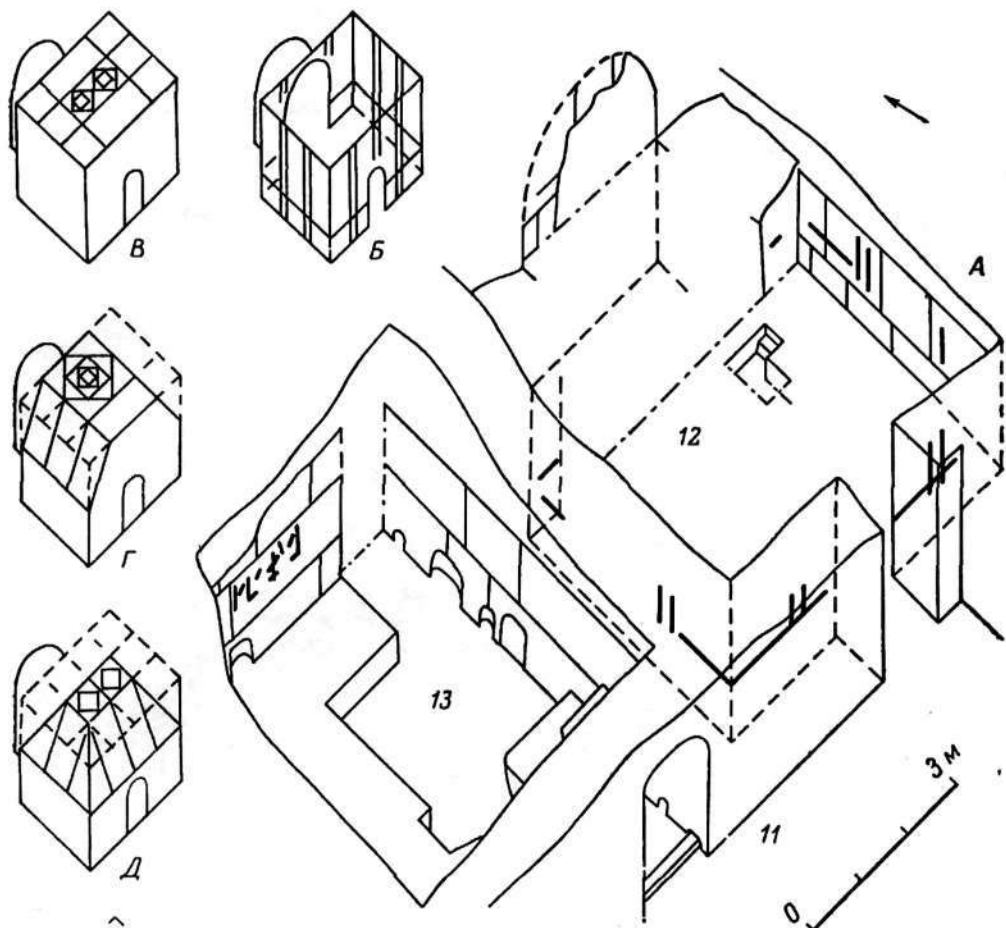

Рис. 15.

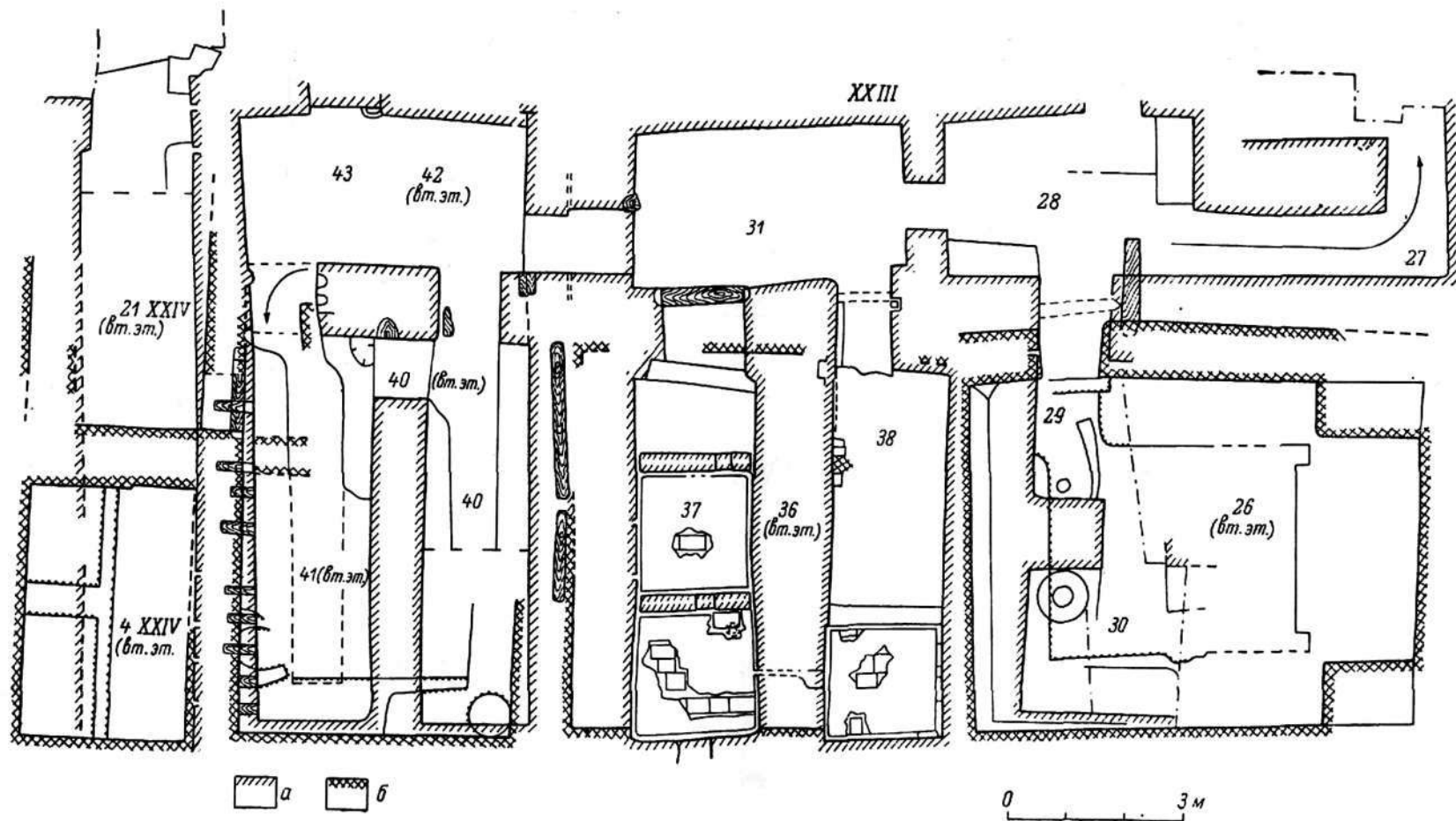

Рис. 16.

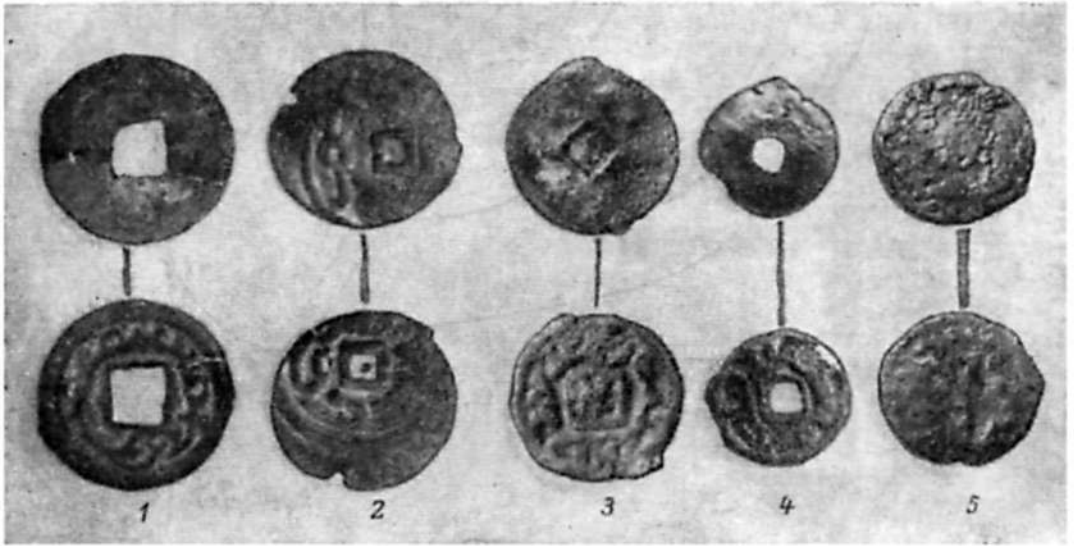

Рис. 17.

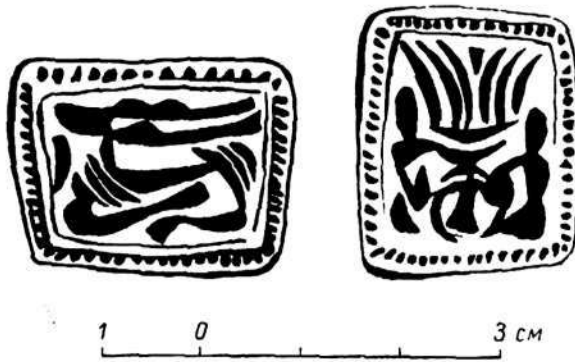

Рис. 18.

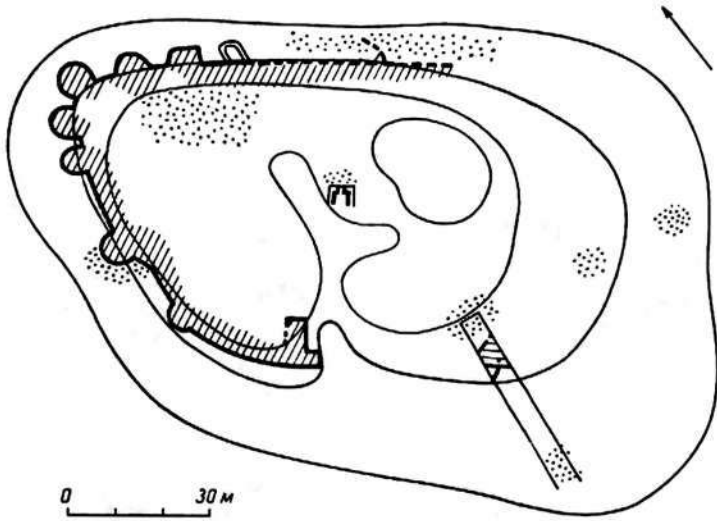
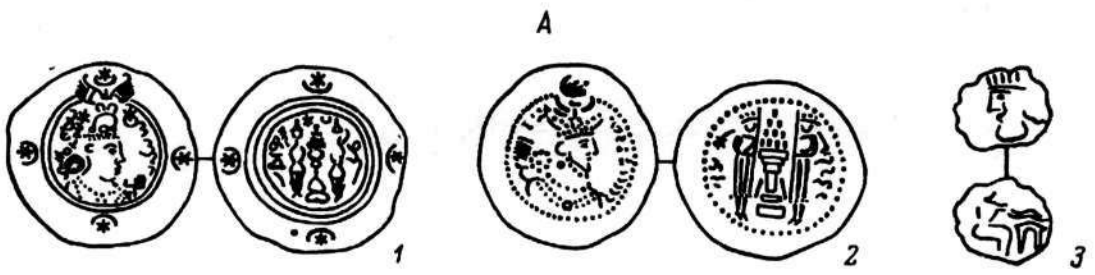

Рис. 19.

Б

Handwritten text in Cyrillic script, possibly describing the stages of cell division shown in the diagrams above. The text is written in a cursive style and is partially obscured by a vertical line.

Рис. 20.

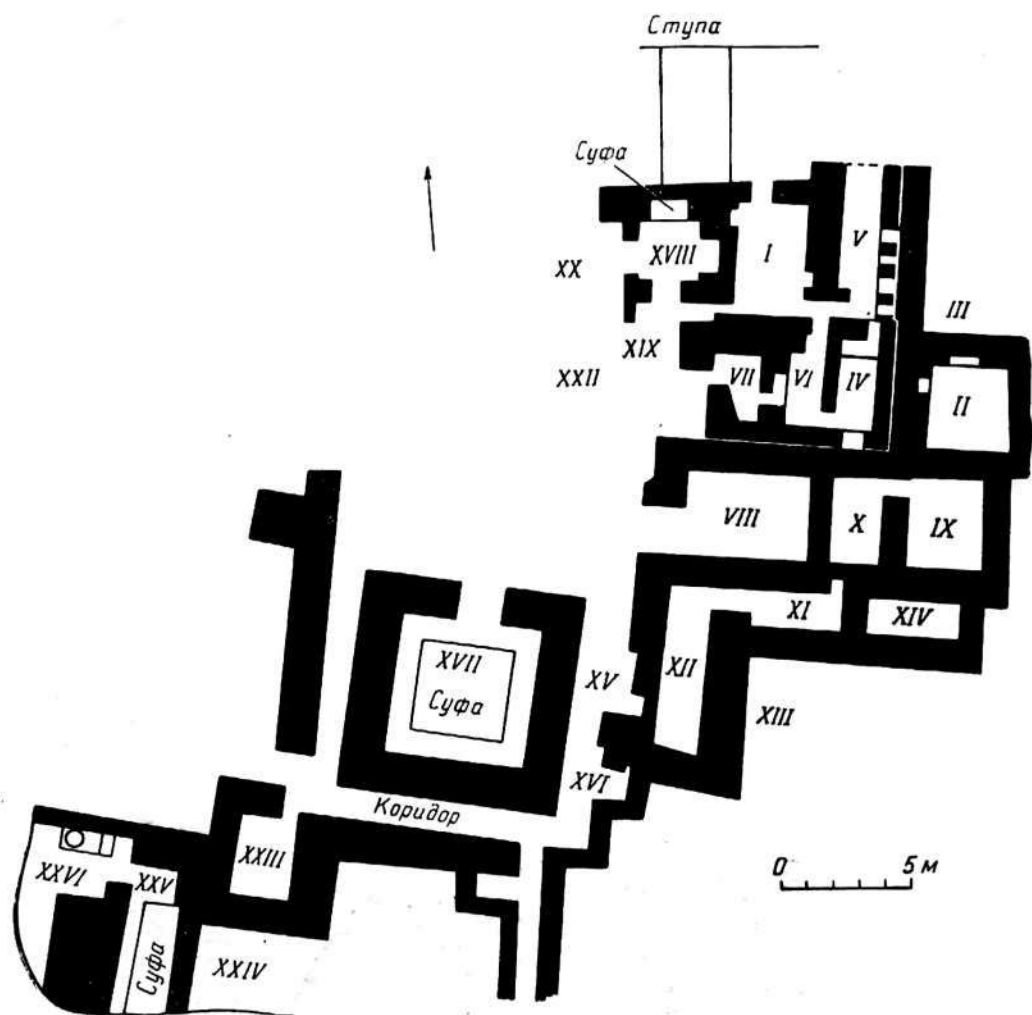

Рис. 21.

Рис. 22.

Рис. 23.

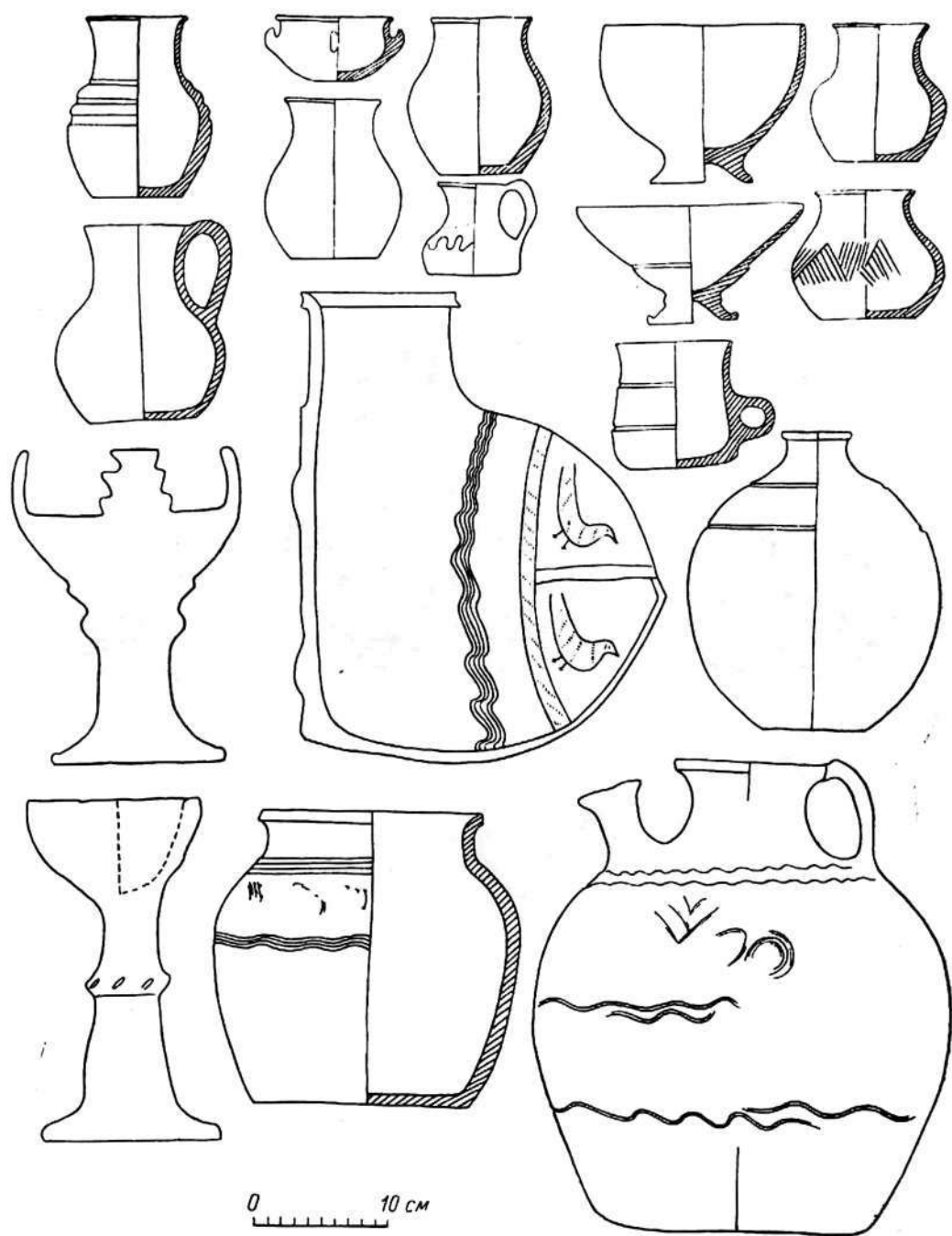

Рис. 24.

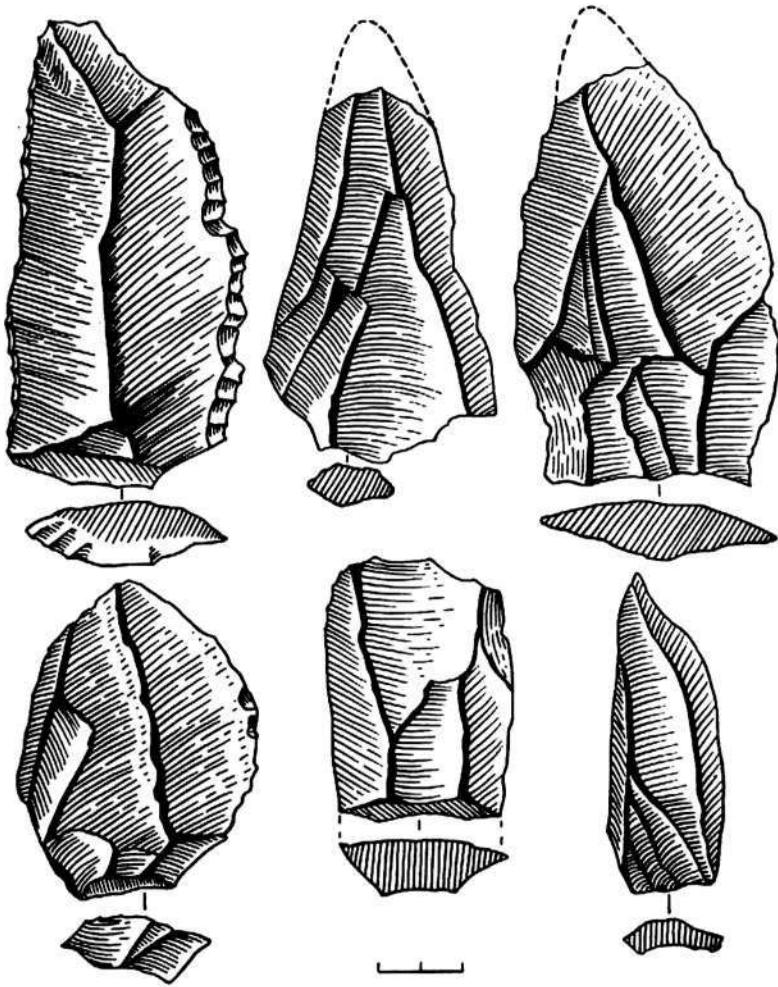

Рис. 25.

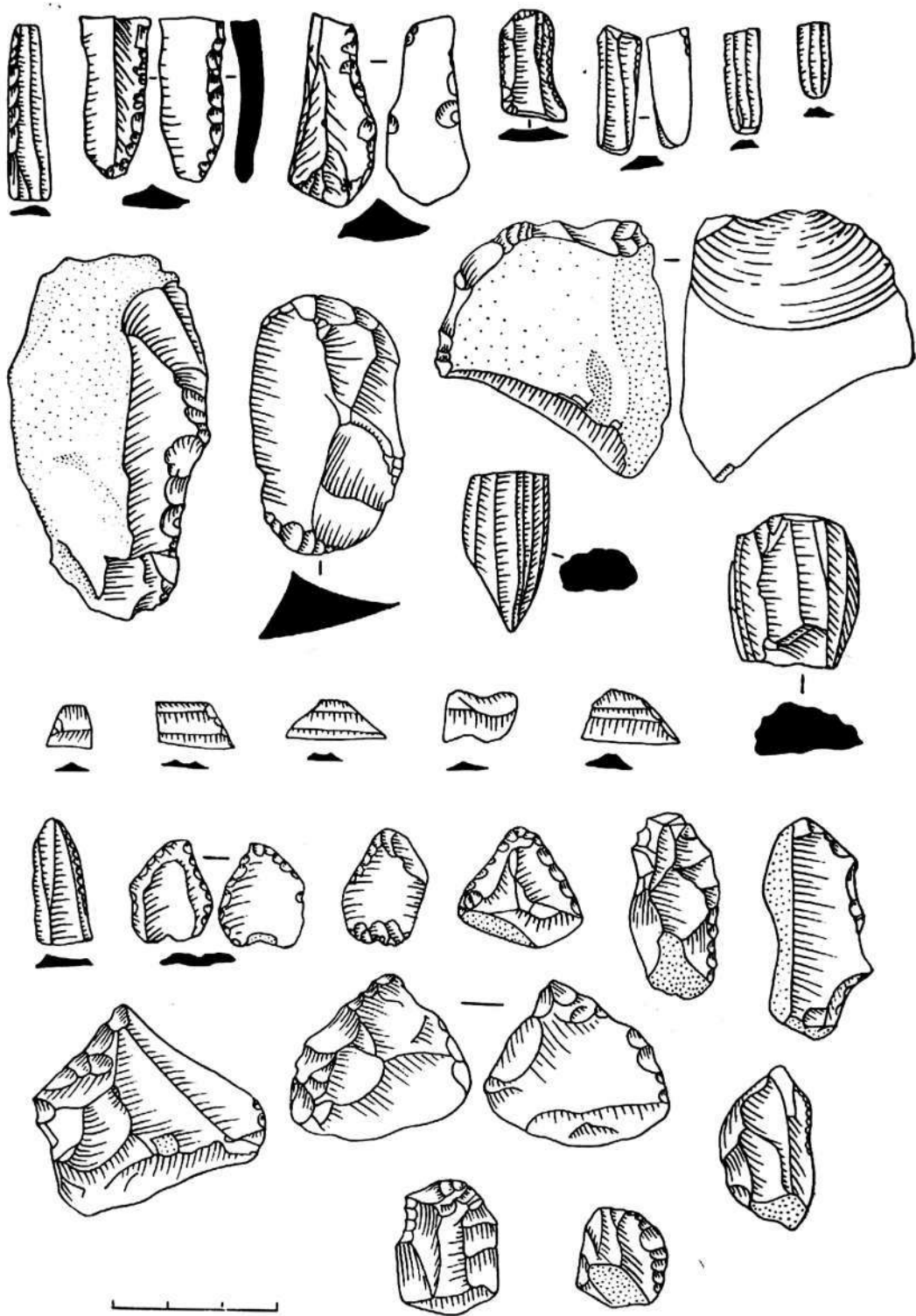

Рис. 26.

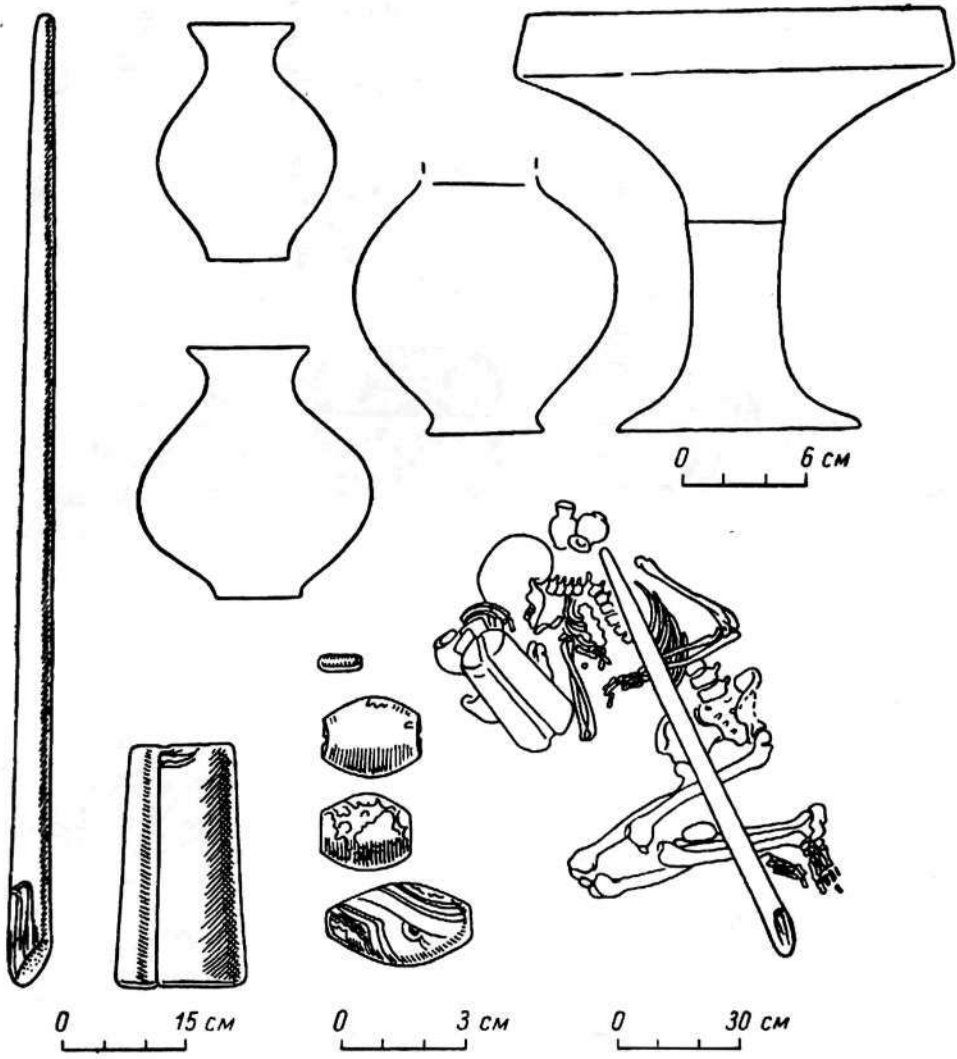

Рис. 27.

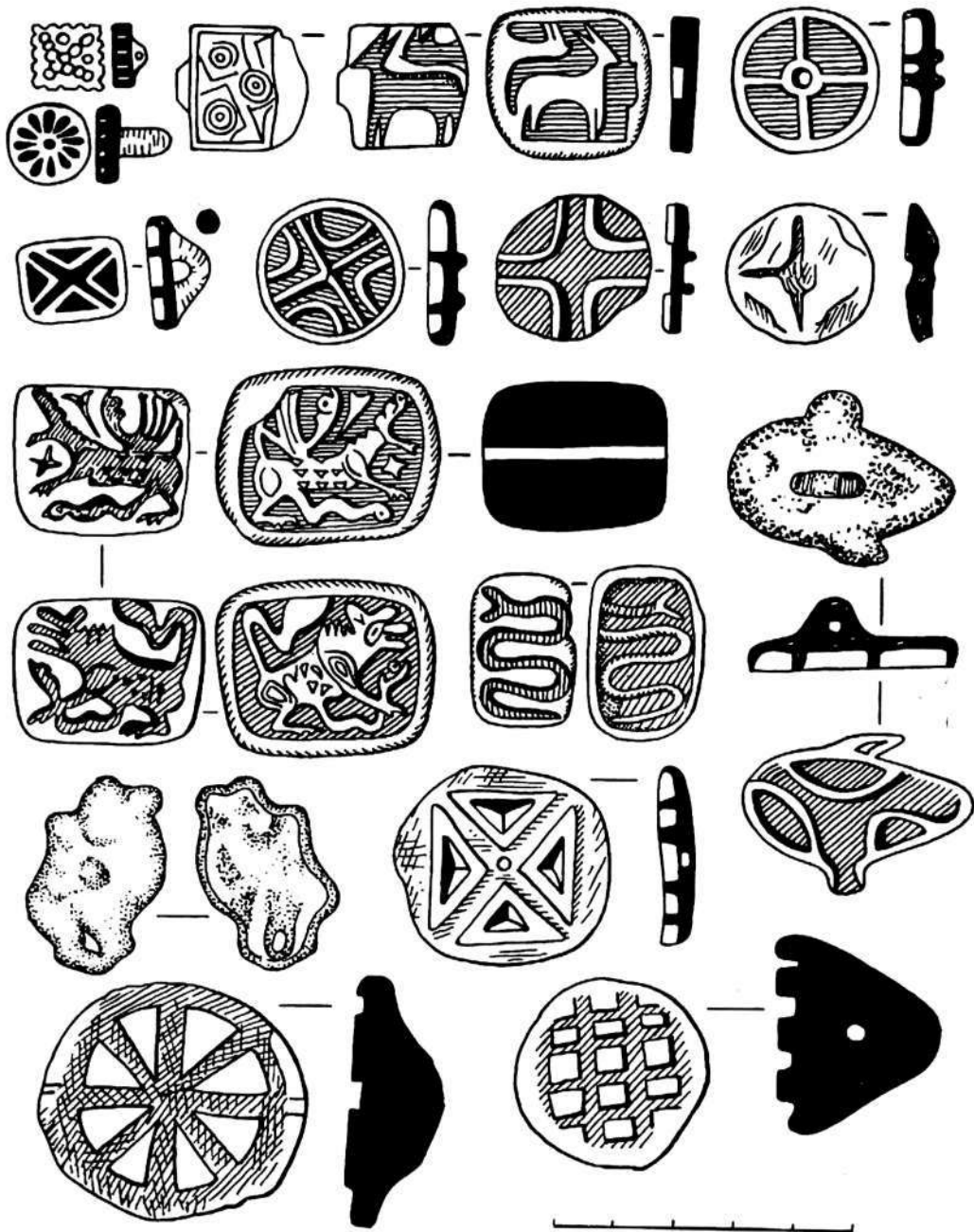

Рис. 28.

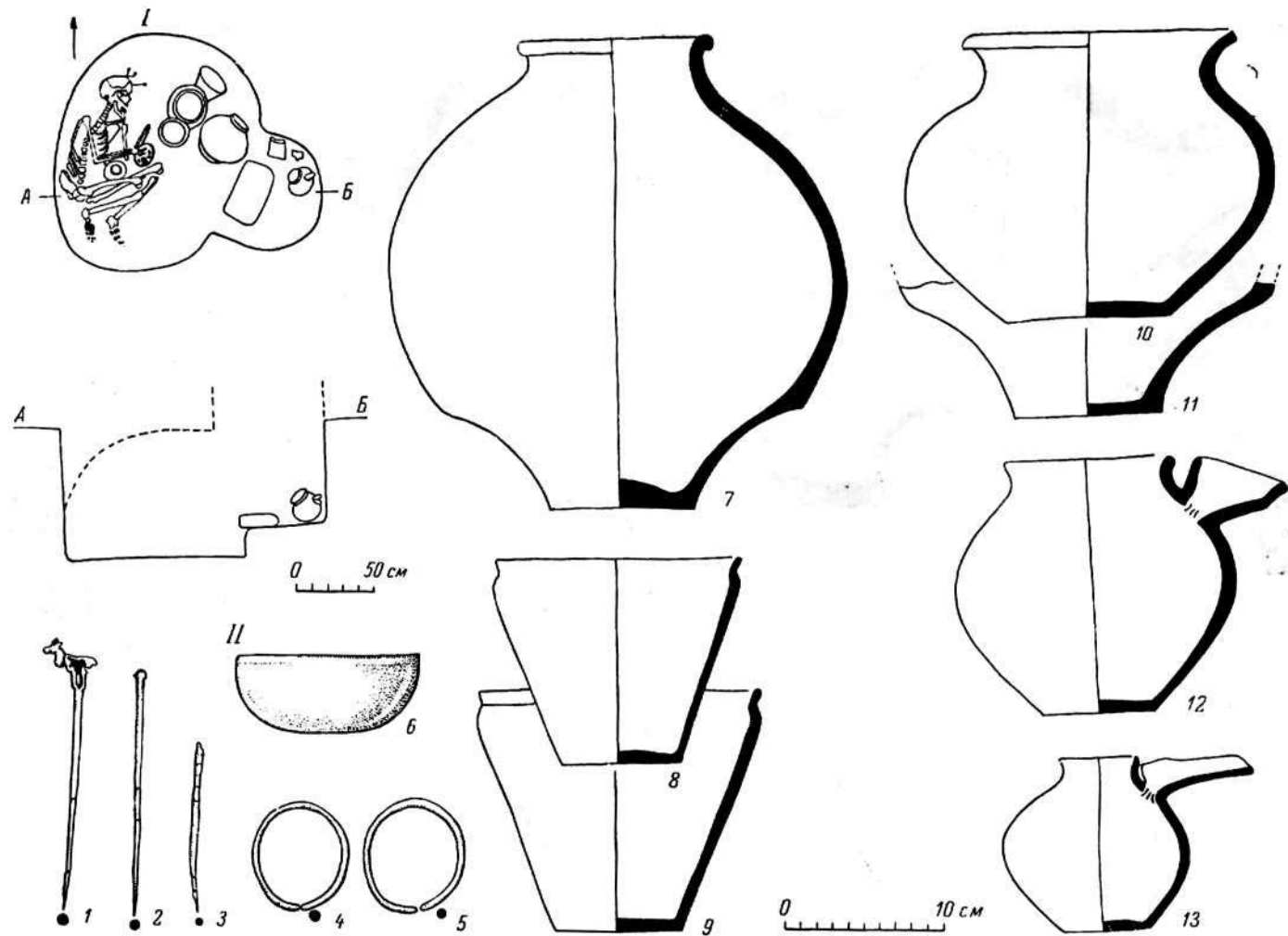

Рис. 29.

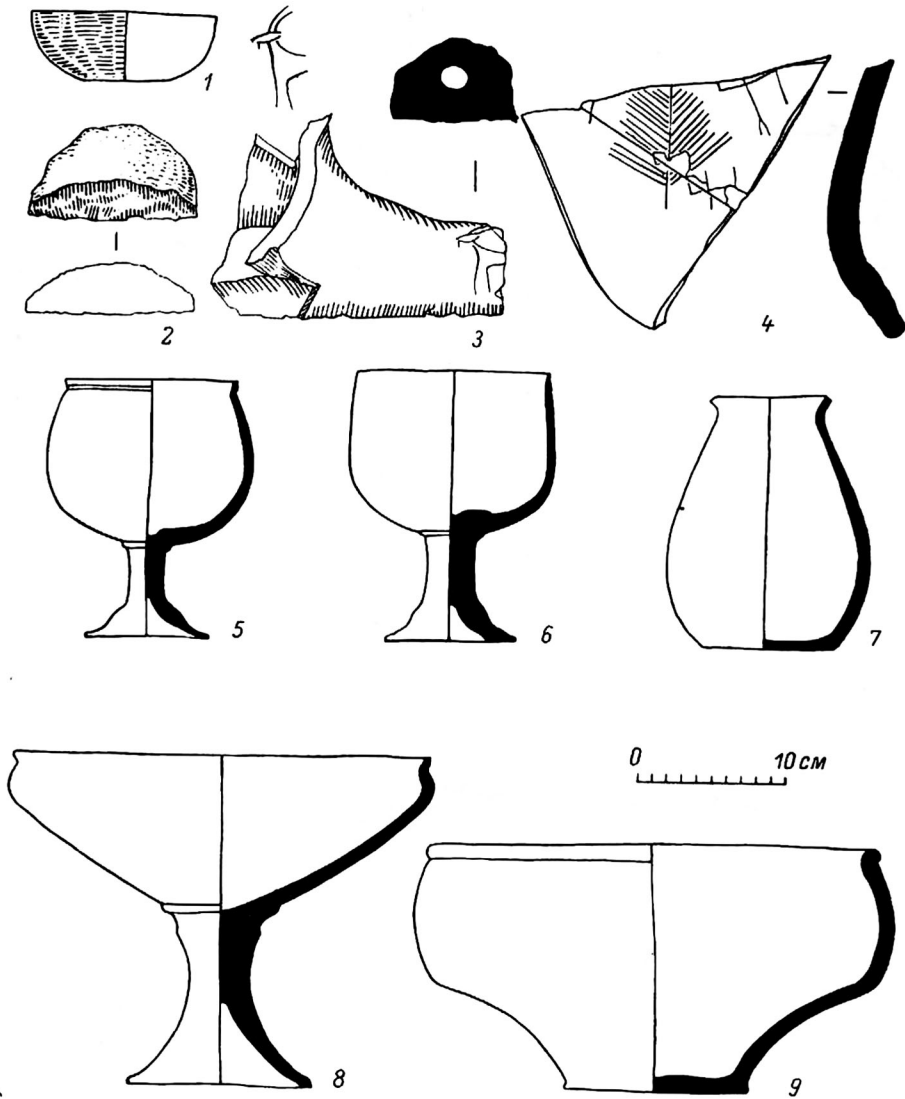

Рис. 30.

Рис. 31.

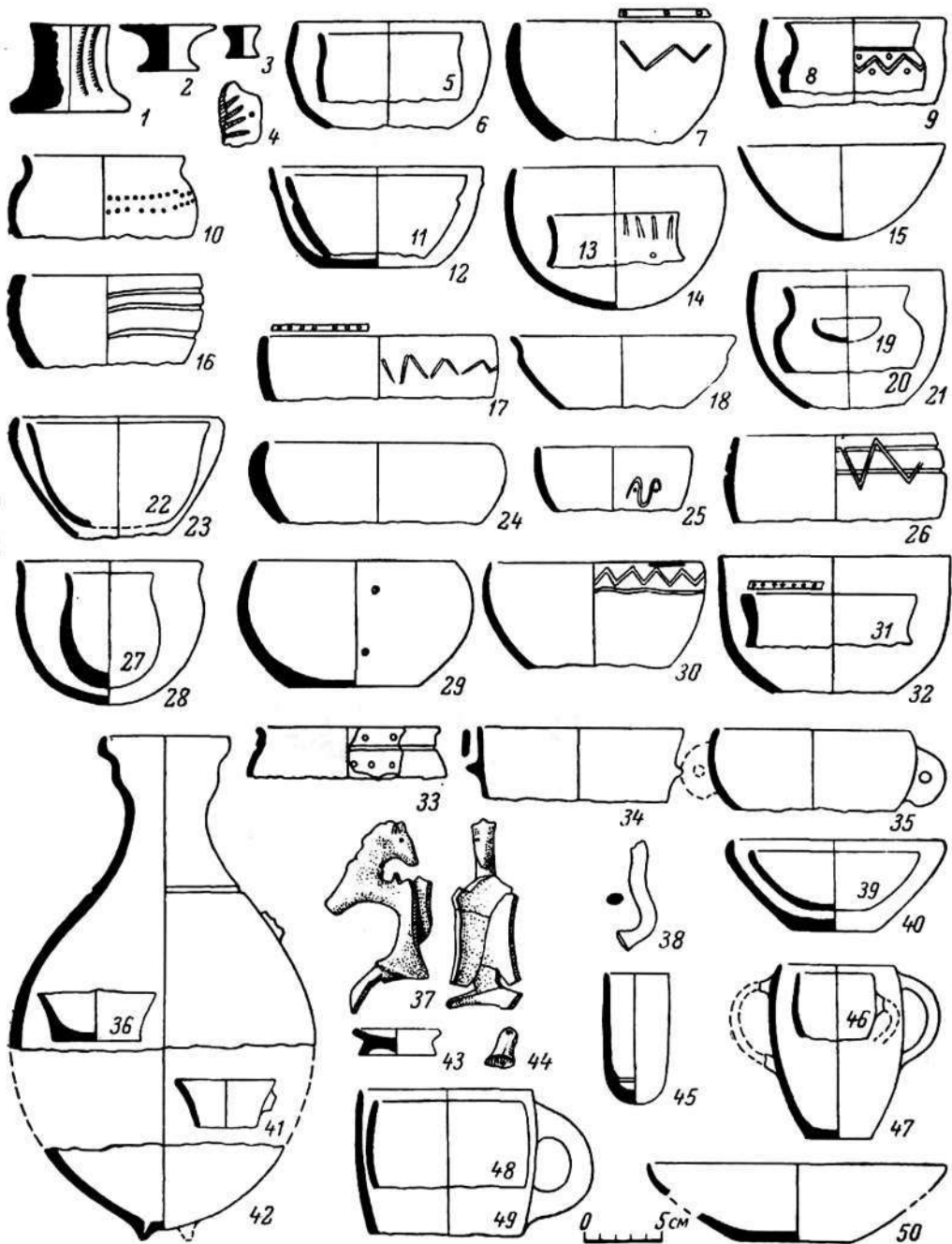

Рис. 32.

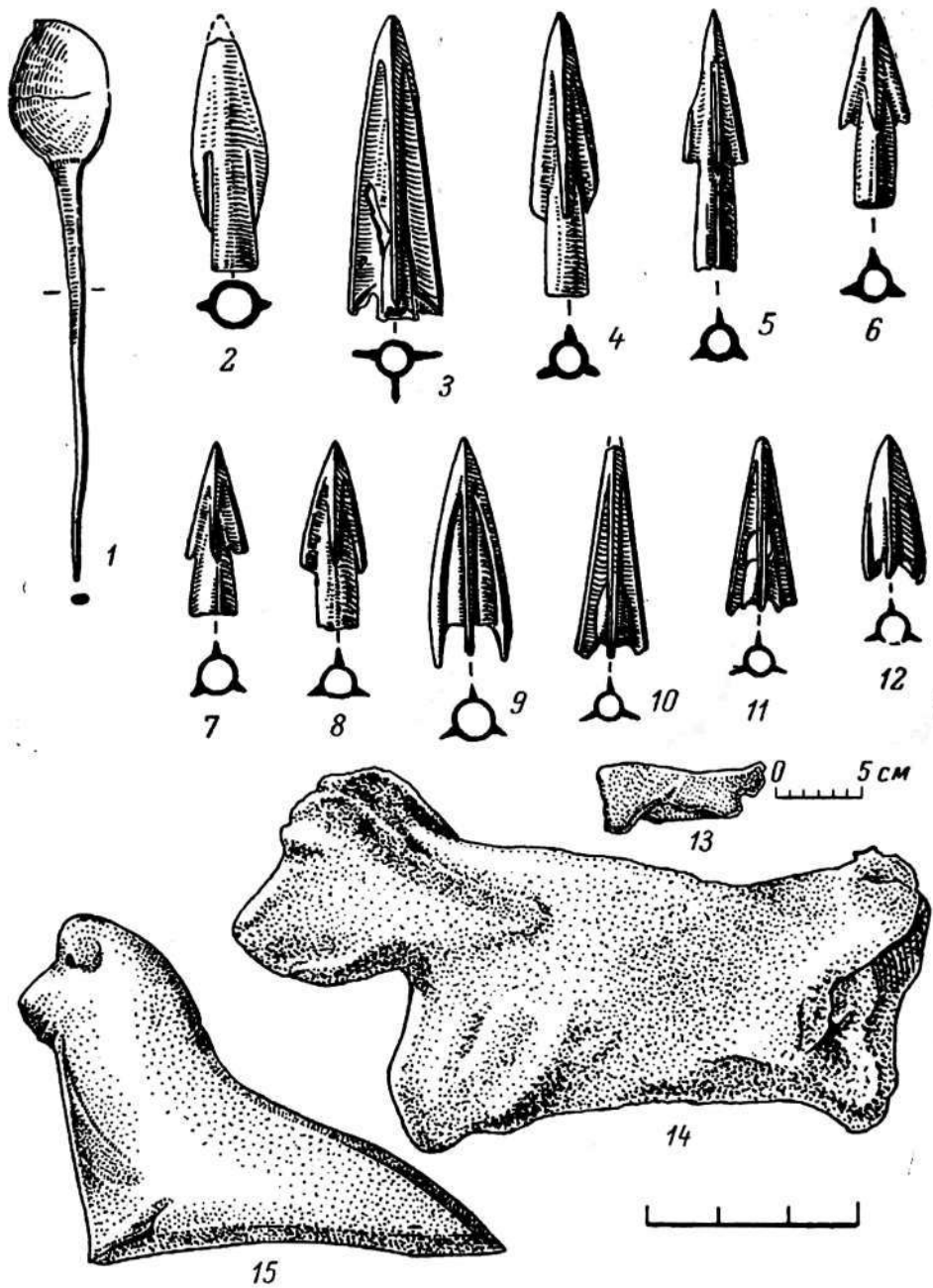

Рис. 33.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

I. Общие вопросы. Культура раннего средневековья Средней Азии и Казахстана

В. М. Массон. Раннесредневековая археология Средней Азии и Казахстана	3
К. М. Байпаков. Некоторые вопросы изучения раннесредневековых городов Семиречья и Южного Казахстана	7
Н. Н. Негматов. Характер и уровень материальной культуры Уструшаны	10
Р. Сулейманов. Об истоках раннесредневековой культуры древнебухарского оазиса	17
В. И. Распопова. К вопросу о специфике города и сельских поселений раннесредневекового Согда	22
Л. И. Ремпель. Раннесредневековая живопись Средней Азии. (Некоторые проблемы теории и методики)	26
А. М. Беленицкий, Б. И. Маршак. Вопросы хронологии живописи раннесредневекового Согда	32
Л. Л. Гуревич. Анализ городского пространства древнего Пенджикента	37
М. Ружиив. Орнаментальное искусство в творчестве согдийских художников	42

II. Новые исследования раннесредневековых памятников Средней Азии и Казахстана

Г. А. Пугаченкова. К датировке кирпичей с орнаментальными штампами из Мианкаля	44
Э. Ю. Бурякова. Изучение округа раннефеодального Самарканда	46
Ю. Якубов. Раскопки Гардани-Хисора. (К проблеме становления городских поселений в горных районах Средней Азии)	46
А. И. Исаков. Фильмандарский замок	50
В. Шкода. Бронзолитейная мастерская на X объекте городища древнего Пенджикента	52
Д. Абдуллаев, Л. Л. Гуревич. Чертежи строителей древнего Пенджикента	53
И. Рахматуллаев. Зернохранилище начала VIII в. в Пенджикенте	56
Д. Давутов. Согдийские монеты из раскопок поселения Гардани-Хисор	58
В. С. Соловьев. Городище Кафыр-Кала. (К характеристике раннесредневекового города Северного Тохаристана)	60
А. Д. Бабаев. Костяной талисман	63
А. Губаев. Замок Ак-Депе у Артыка в свете новых раскопок. (К динамике развития раннесредневековых поселений Северного Хорасана)	64
З. И. Усманова. Раскопки буддийского памятника III—VI вв. в Мерве	66
Н. Г. Горбунова. О раннесредневековой керамике Ферганы	67
Г. А. Брыкина. Итоги исследования усадьбы Кайрагач в Фергане	72

III. Информация и хроника

Всесоюзное совещание по вопросу изучения типологии и социальной структуры древнего и средневекового города (Н. В. Головачева)	76
Всесоюзное совещание по проблемам хронологии ранних кочевников Средней Азии и Казахстана (В. А. Алексин)	76
Пленум Общества охраны памятников истории и культуры Узбекистана (Л. Маньковская)	77
Создание археологической базы в Отраре	78
Из новых археологических открытий	78
Стоянки каменного века на высоких террасах Вахша (В. А. Раков, А. Юсупов) — 78. Неолитическое святилище Песседжик-Депе и его хозяйственный комплекс (О. Лоллекова) — 79. Открытие новой неолитической культуры на Мургабе (Г. Ф. Коробкова, Х. Ю. Юсупов) — 80. Новые раскопки на северном холме Анау (К. Курбансаатов) — 81. Могила знатного	

- горожанина на Алтын-Депе (В. А. Алекшин) — 81. Изучение памятников эпохи бронзы в дельте Мургаба (И. Масимов) — 82. Богатое погребение эпохи бронзы на юге Узбекистана (Б. Абдуллаев) — 83. Из работ на Сумбарском могильнике (И. Н. Хлопин) — 83. Шабалинский комплекс эпохи бронзы (А. Я. Щетенко) — 84. Раскопки памятников раннежелезного века в Северной Бактрии (А. Сагдуллаев) — 85. Кушанская статуэтка музыканта из предгорий Бабатага (Т. Аннаев) — 86. Кушанский медальон с изображением Хувипки (В. А. Завьялов) — 86. Исследование кушанского могильника (О. Маликов) — 87. Ичянлы-Депе (Х. Юсупов) — 88. Изучение погребальных памятников в Каратау (С. Азизжанов) — 89. Некрополь городища Темир-Коруг (Ю. А. Заднепровский) — 89. Раскопки Отрара в 1971—1975 гг. (К. А. Акишев, Б. Байпаков) — 90. Могильник Утурлик-Тепе (Ю. Ф. Буряков, О. М. Ростовцев, И. В. Перевозчиков, Т. К. Ходжайов, Х. Халилов) — 91. Уникальные находки на Кокташском средневековом поселении (Т. Атаханов) — 91.

Книги по археологии Средней Азии и Казахстана, опубликованные в 1974—1975 гг.

(Т. Заднепровская)	92
Список сокращений	94
Список иллюстраций	96
Иллюстрации 1—33	98—126

«Н А У К А»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ